М. А. Ехлаков

Солнечные пятна

Гроза

Хан Озма́к II Демирко́л отчаялся заснуть — уже светало — и позвонил *одеваться*. Голова гудела, мысли вращались вокруг странного сна. Падающие столпы, огонь в небесах, скорбящие нищие — и черный Змей, восстающий из бездны и пожирающий солнце. Обычные картины кошмарного сна — но почему он так взволнован?

Явились постельники с водой и свежим платьем. Хан умылся, облачился в зеленый с золотом халат, повязал зеленую же чалму и вышел на балкон.

Свежий бриз придал немного сил, но восходящее солнце было алым как кровь — еще один тревожный знак. Хан повернул за угол и обратил взор на запад, где за великой Рекой над облаком дыма топорщились шпили Западного Шемкента, или Симиуса, как называли его на странном языке западной империи. Вечный дым от тысяч огней. Как, должно быть, темно там, как горек их воздух.

Озмак как будто даже ощутил эту горечь у себя во рту, и покачал головой, стряхивая наваждение. Слишком много знаков. Что-то случится. Или уже случилось.

В опочивальне его уже ожидал ан-Надм. Лицо его было спокойным, или, скорей, пустым — впрочем, это ничего не значило.

Хан велел ему начинать.

— О величайший из великих! Милостивейший из милостивых и справедливейший из справедливых, — ан-Надм завел свою привычную песню. Хан слушал вполуха, вылавливая крупицы важной информации, боясь услышать страшное. Но страшного не было — обычный утренний доклад. Впрочем, нет, не обычный. Что это великий вазир поднялся в такую рань?

Озмак поднял руку, пресекая витиеватую речь, и спросил:

— Отчего ты досаждаешь моим ушам в столь ранний час?

Ан-Надм замер на мгновение и продолжал, не моргнув глазом:

— Я не спал всю ночь, о мудрейший из мудрых. Мрачные видения обуревали меня.

И опять знаки. Озмак вздохнул:

— Я чувствую, тучи застилают солнце.

— Что, о блистательнейший?

— Гроза уже собирается и скоро прольется ледяными стрелами на наш чудесный сад. Беды великие ожидают нас.

— Ты тоже видел сны, о могущественнейший?

— Как и ты.

Повисло молчание.

Не молчи, продолжай говорить. Расскажи про налоги, расскажи про иноземных купцов, про убийц, про войска. Молчание приближает развязку.

Тощий писец бесшумно скользнул из-за занавеси, склонился к ан-Надму и зашептал, передавая клочок папируса, а затем так же бесшумно растворился.

Ни одна мышца на лице вазира не дрогнула, когда он произнес:

— Гроза, о непревзойденный. Гроза началась.

Озхан

Мягкий ковер пропитался кровью, запекся и почернел.

У дверей в опочивальню принца уже столпились люди: ан-Надм с двумя писцами, трое постельников принца, пара стражников и их старшина — волосатая чатападманская обезьяна в своем вечном зеленом тюрбане с ножами. Как его зовут? Девабхакшьяман Сарвалапанду... тьфу, провалиться бы им всем с такими именами. А где Гюль, интересно?

— Почему люди здесь?

Обезьяна мямлит что-то невразумительное. Хороший момент.

— В темницу его. Найдите Гюля, он сейчас нужен как никогда. Всех отсюда к шайтанам, и пусть молчат. Ну и все остальное, не мне тебя учить.

Ан-Надм кивнул и исчез. Как у него это получается? Писцы тоже исчезли. Постельники притворились, что идут по своим делам, и засеменили прочь. Стражники отняли у обезьяны саблю и кинжал и увели, тот даже не сопротивлялся. Все стихло, галерея опустела.

Озмак поборол ужас в себе и вошел в опочивальню сына.

Почти погасшие свечи едва освещали сами себя. Хан отдернул тяжелые занавески, впустив солнце в комнату, и оно хлынуло внутрь тяжелой струей, разбилось о хрустальную посуду и резные ширмы, заиграло на причудливом потолке и стекло вниз, туда, где в черной луже лежал его старший сын и наследник Озхан.

Лицо его даже сквозь засохшую кровь выглядело умиротворенным. Он умер внезапно.

Скрипнула дверь, и ан-Надм объявил:

— Сыщик здесь, о всемогущий.

Да, конечно.

Сыщик — тощий смуглый чатападман (да что это за тяга к тощим приспешникам у этого хитреца?) в синем тюрбане без ножей — глубоко поклонился и принялся за работу. Он разложил свой сундучок и стал извлекать оттуда разные занятные вещицы — кисточки, увеличительные стекла, бутылочки с какими-то растворами. Здесь больше нечего делать.

— Пойдем.

Хан вышел. Ан-Надм следовал за ним как тень.

— Сам доложишь мне, когда закончат с телом. Сразу же, не откладывая. Я хочу знать, как и когда.

И кто. И почему.

— Твое слово — закон, о непревзойденный.

— Разузнай, какие слухи во дворце и по городу. Про смерть пока молчим. Просто выясняем, что к чему.

— Это мудро.

— Пока все. После обеда в Диване я буду говорить.

— Как будет угодно, о величайший.

Ан-Надм снова исчез. Он знает этот дворец лучше меня.

Тело

Вишванатан работал не торопясь. Шутка ли — убит сам наследник высокого престола Востока. Важно все сделать очень тщательно.

Первым делом — осмотр трупа. Окоченение только началось, значит, с момента смерти прошло не так много времени. Ртутная колба позволила измерить тепло тела. Цвет кожи, особенно на губах и под ногтями, тоже может рассказать многое. Наконец, вышедшая из тела кровь — засохла ли она и насколько.

На папирус легли первые строчки отчета: «Смерть наступила шесть часов назад вследствие удара тяжелым предметом в левую сторону головы».

А вот и орудие убийства — золотой канделябр, лежит тут же на полу. Вокруг него на ковре странные полосы крови — впрочем, нет, не странные: его вытирали. Но зачем? А вот зачем: на нем остался еле различимый отпечаток ладони. «Ширина ладони три и пять шестых джеба, пальцы узкие».

«Следы перемещения тела отсутствуют. Принц стоял ровно на том же месте в момент удара — об этом говорят несколько капель крови на кушетке рядом. После удара принц упал вперед и вправо, головой в направлении двери. При падении поврежден нос и правая рука, придавленная телом».

Между сжатых пальцев мелькнуло белое. Это платок — женский, с Запада. Монограмма «AV» однозначно указывает на владелицу — принцессу Алов Вреддвогль. Это неудивительно, ведь она — невеста наследника.

«Следы борьбы на теле отсутствуют». В комнате тоже ничего не сломано и, на первый взгляд, даже не подвинуто.

Теперь осмотр места преступления. Пятна, следы, царапины — все может иметь значение, но постельники уже успели истоптать весь ковер.

За окном — стена на двадцать локтей во все стороны, едва ли кто-то мог проникнуть сюда через него.

«Кушетка сдвинута на три локтя от своего исходного положения рядом с кроватью» — на ковре виднеются продавленные кружочки от ее ножек.

«На двери отсутствуют следы взлома. Значит, убийца обладал ключом. Либо принц открыл дверь сам».

Кажется, все. Хотя, что это? Ковер рядом с кроватью немного топорщится. Вот так удача! Хорошо, что постельники у принца ленивые и не мели пол уже неделю-другую.

«Под кроватью в пыли обнаружены следы прячущегося человека. Найдены смазанные следы ладоней». Вот здесь пыль перешла с ладоней на ковер. «Рост около четырех с половиной локтей. Возраст средний». Почему средний? Да потому что какой еще. «Носит бороду» — вот в пыли следы от нее.

А вот это что у нас тут?

Вишванатан даже облизнулся. Четкие полосы в слое пыли, без сомнения, были прочерчены ножнами сабли. Таинственный незнакомец, спрятавшийся под кроватью, носил оружие. Только один человек во всем дворце имел право входить с оружием в покои хана и его сыновей — начальник дворцовой стражи Хюсню Гюль.

Сыщик был крайне доволен собой. Напевая себе под нос «Асура Сахасранама», он собрал свои инструменты и покинул место преступления.

Диван

Солнце уже между Большим мавзолеем и Морской башней — время Дивана.

В зале душно и дымно от кальяна Файдуддина-паши. Вазиры большие и малые смеются, общаются, наслаждаются фруктами. Ширма скрывает ханский альков от их глаз и ушей, но ан-Надм все равно шепчет еле различимо.

— Никто не покидал дворец, слухи еще не вышли за стены. Но выйдут в самом скором времени. Мой сыщик закончил с телом, я велел перенести его в Колодец и начать Очищение.

Хан кивнул.

— В руке светлейшего принца было вот это, — хан принял из рук вазира кусочек ткани. — Я бы не хотел делать выводы, но...

Платок.

Белый шелковый платок, какими обычно пользуются западные женщины.

Платок с вышитой золотом монограммой «AV».

— Иди, — хан взмахнул платком, — я выйду позже.

Озмак II подошел к ширме и сквозь щель стал наблюдать за шейхами, ожидавшими его. Надо сказать правильные слова. Сейчас он подберет их: не зря его называют мудрейшим из мудрых. Впрочем, и отца его звали так же, и деда.

То, что случилось сегодня, скомкало все его планы. Но истинно мудрый правитель не страшится ударов судьбы. Его планы подобны реке, которую не остановить. Она обходит все преграды и направляется в новое

русло. Надо лишь понять, в какое — и вновь обуздать этот поток не составит труда.

Вазиры зашикали и в зале воцарилась тишина — Великий Хан Востока вышел к Дивану.

Заняв свое кресло, хан изрек:

— Сегодня поутру сын наш и наследник Озхан скончался от руки коварного убийцы (шепоток в зале — неужели кто-то еще не знал этого). Новым наследником становится наш младший сын Бугдай. Что же касается убийства — то мы обязаны отыскать тех, на чьих руках кровь, и предать их безжалостному правосудию. И не важно, кто они и как высоки.

Все скорбно молчали, только булькал кальян Файдуддина-паши.

— Это проклятый Новый День! — наконец воскликнул он. — Я всегда говорил, древняя гидра бессмертна, она лишь прячется в песок, чтобы отрастить новые головы.

— Новый День — это чушь! — возразил шейх Муктада. — Это выдуманный джинн, который очень удобен, когда надо отыскать виновного. Вали все на тень от мертвого осла.

— О великолепный, — прокашлялся Абу-Вафик, вазир войск. — Все знают, что это может быть только дело рук Запада. Уже двести лет они только и ждут случая развязать войну, прикрываясь словами о мире и дружбе.

— Вот это — чушь! — пробасил Файдуддин. — Зачем бы им это делать накануне свадьбы.

— Чтобы не допустить ее, — ан-Надм был по обыкновению холоден.

— Да! Точно! — в спор вступил шейх Мустахдам. — Они никогда не хотели этой свадьбы!

— А по-моему, ее не хотел ты! — Файдуддин ревел как бык. — Кто говорил, что западным язычникам не место на Востоке? Кто призывал лишить принца прав на престол?

— Да, я не хотел свадьбы! — Мустахдам тоже закричал. — И я не скрываю этого и не стыжусь! Но я подчиняюсь моему хану! А Запад? Запад отвергает наши ценности! Да ведь и ты тоже, высочайший Файдуддин, ты тоже до сих пор пребываешь во тьме язычества...

Файдуддин швырнул в Мустахдама горсть фиников. Это словно разрушило плотину, и все вазиры, большие и малые, начали беситься, перекрикивая друг друга. «Новый День», «Запад», «Усра» — звучало чаще всего.

— Молчание! — эхо голоса хана таяло уже в тишине. — Наши ссоры на руку убийцам, кем бы они ни были. Нам надо сплотиться в единый кулак, чтоб нанести ответный удар.

— Но куда? — Файдуддин снова взялся за кальян. — Мы же не знаем, где враг.

— Значит, надо найти его. Завтра похороны, а после мы будем говорить с народом. И нам нужно назвать врага.

— Хорошо, о мудрейший, — на лицах вазиров отразились самые разные чувства — от уверенности до беспокойства.

Хан прикрыл глаза. О, создатель, за что, за какие грехи посылаешь ты мне эти испытания?

Если хочешь мира

— Вот ты где.

Принцесса, конечно, любовалась своим свадебным платьем. Оно и правда очень красивое.

— Плохие вести, Алов. Очень плохие.

— Что случилось?

Бедная девочка, узнать такое прямо перед свадьбой. Но она сильная, настоящая Вреддвогль — не стала

рыдать и сокрушаться. Хотя может быть, просто отложила это на потом.

— Я пойду, отец. Мне надо побыть одной.

— Конечно, — он поцеловал ее в лоб.

Тяжелые времена наступают.

Башня Иддтанн — старая, выщербленная, похожая на позвоночник — вонзила иззубренный шпиль в низкую тучу и резала ее до края неба. Император остановил носилки за наружной стеной. Семьдесят семь ступеней винтовой лестницы, семь этажей (по числу степеней посвящения) — и вот он,зал заседаний. Стрельчатые окна, почерневшие щиты на стенах, высоченный, теряющийся во тьме потолок. За круглым столом уже собрались высшие иерархи Общества.

Нювторм — одно из самых старых Обществ, учрежденное за века до Раскола. В лучшие времена за этим столом собирался цвет империи, самые влиятельные люди. Потом на первый план вышел Золотой закат, а Раскол и вовсе положил конец могуществу Обществ. Теперь Нювторм сжался до крошечного собрания, ставшего высшим советом империи.

За овальным столом сидели семеро. Капюшоны скрывали лица, но император знал их всех.

— Солнце встает и садится, — начал император.

— Ветер поднимается, волны утихают, — советники включались один за одним, и уже восемь голосов заканчивали приветствие, — на смертных руинах вырастает Новая Башня — прочнее и выше старой. И ничто ее не разрушит.

— Мы уже знаем о случившемся, — заявил Исмарк. — Скорбью преисполняются наши сердца.

— Мы должны ответить им, — сказал Стенн. — Открыто заявить, что нам известны имена убийц...

— А они нам известны?

— Бесспорно! Ибо кому выгоднее всего эта смерть? Только хану, и никому кроме него! Он никогда

не любил сына, он был против этого союза, наконец, он всегда искал повода развязать войну.

— Глупости, — голос Лангбарта стал совсем глухим, а борода — седой. — Это была бы самоубийственная война. Их армия ничто против нашей, и они это знают.

— Также как и мы знаем про их колдунов. Наши силы скорее всего равны, — сказал Виндвард, самый молодой советник — ему было всего тридцать четыре года. — Поэтому война не выгодна никому. По крайней мере сейчас.

— Ну почему же, — Рузи потянул себя за косу из рыжей бороды. — Я же говорил: лес полнится слухами. Говорят, в Десятиречье тайно собирается великое войско. Говорят, они прячутся в горах. Люди напуганы. Я выставил в приграничье полторы тысячи лучников, на всякий случай. Еще без малого семь тысяч воинов я скрытно держу на болотах, больше не могу — иначе все раскроется.

— Едва ли это правда. Да даже если и так, — Виндвард, казалось, не верил сам себе, — Ротберг не будет начинать войну.

— Как знать, как знать, — Рузи не уступал. — Там, на севере, мыслят иначе, уж поверьте мне.

— Так или иначе, нам сейчас важно знать, кто стоит за этим убийством.

— Как хотите, а я бы лучше узнал, чьи войска прячутся по ущельям. Если они конечно там, — а я в этом больше чем уверен.

— Я вижу четыре варианта, — проскрежетал Исмарк. — Первый — это сам хан. Он не любил своего сына...

— К тому же покойный поклонялся железной руке, а хан тайно принял неджджское единобожие, — заявил Стенн. — А мы с вами знаем, что это такое.

— К тому же вот это, — продолжил Исмарк. — Цель: не допустить свадьбы. Возложить вину на Запад, потребовать возмещений, что угодно. Провокация.

— Да.

— Второй — это Золотой закат.

Все зашумели.

— Да-да. — Исмарк перекричал общий шум и продолжил. — Пусть мы не знаем, действует ли он еще, но все свидетельства говорят о том, что это была весьма могущественная организация. Едва ли она распалась. Цель: та же самая провокация, только в обратную сторону.

— Провокация — не цель, — сказал Дорфхавн. — Это способ.

— Третий — Десятиречье.

Все опять зашумели.

— Тихо! — Исмарк даже не повысил голоса. — Это единственная организация, про которую мы точно знаем, что она существует. Мы видим ее дела. Мы знаем ее цели. И методы.

Рузи поднял руку.

— Вот это похоже на правду. Эти якобы горные войска, да и другие слухи — все говорит за этот вариант.

— А четвертый? — напомнил Лангбарт.

— Четвертый вариант — это все остальное. Убийство на почве ревности, происки цветочников или могильщиков — все что угодно. Я, впрочем, не считаю это сколько-нибудь вероятным.

— Остановимся на этом. Нам нужно быть готовыми к возможным последствиям, — голос императора был печален.

— Мы готовы отразить вторжение с Востока. Север, — Исмарк показал на Рузи, — мне кажется, в надежных руках. Надо усилить разведку, чтобы знать наверняка. Четвертый вариант прорабатывают мои люди на Востоке, но едва ли что-то из этого выйдет. Что же касается Золотого заката, — он обвел глазами всех

иерархов, — то тут предстоит потрудиться. Это беспокоит меня больше всего.

А меня беспокоит пятый вариант, подумал Фьелль, все время молчавший. Что если верны все остальные?

Разбитое сердце

Тишина была бы полной, если бы не свист ветра в решетчатом шпиле.

Ветер был теплым и дул с востока — оттуда, где за краем облака дыма высились пузатые золоченые купола Шемкента. Оттуда, где лежало мертвое тело ее любимого.

— Я покажу тебе бескрайнюю степь, — говорил он, — мы помчимся с тобой туда, где сходятся земля и небо, и ветер будет развевать наши волосы.

Теплый ветер. Он и сейчас развевал ее волосы, и ей казалось, будто это руки Озхана.

— Я брошу к твоим ногам всю землю.

Далеко внизу была она — земля. Ноги принцессы висели над пустотой, и между ступней она могла бы увидеть крыши и улицы ее города — если б не плотное облако дыма, всегда висевшее над ним. Редкие шпили пронзали его и видели солнце и чистое небо. Там внизу горели тысячи печей, там работали большие машины. Там ковалось богатство и сила империи — но какой ценой? Солнце — размытое пятно в серых небесах, да горечь во рту. Люди как призраки, лишенные теней, прячутся в полумраке каменных закоулков. Факелы, фонари, свечи. Дым, дым, дым.

— Ты будешь видеть солнце всегда.

Там, на Востоке, нет машин; там всегда ясно, всегда лето, и даже дожди там добрые и сладкие. Деревья там ярко-зеленые, пышные и цветут круглый год.

— Ты прекраснее этих цветов.

Только черные сосны растут в замке ее отца. Они никогда не цветут, лишь сухая хвоя ложится на поминальные камни — серые, как сам город, тяжелые и молчаливые.

— Ты — жизнь моя.

И она кончилась. А я? Я осталась в своем городе, темном, туманном. Осталась навсегда. Слеза скатилась по щеке и сорвалась в пропасть, а сердце сжалось в точку.

Она покачала ногами и глубоко вздохнула. Только ветер вокруг. Оттолкнуться руками — и вниз, к поминальным камням.

— Принцесса!

Алов вскрикнула и чуть не свалилась с карниза по-настоящему.

— Провалиться тебе, Ярелл! Ты напугал меня!

Плешивый жрец закатил глаза, забормотал со своим смешным лесным акцентом:

— Так я ж только ради твоего блага... Чтоб ничего не случилось плохого. Тут ведь вона как высоко. Можно упасть вниз и убиться. Насмерть убиться. Пойдем лучше вниз, к землице поближе. Негоже людям так высоко забираться.

Он поправил серое шерстяное рубище и протянул ей руку через перила.

— Пойдемте, прошу вас. Зябко тут, да и уж пора обедать.

— Что за человек ты, а?! Все испортил!

Алов перемахнула через перила, оттолкнув Ярелла, надела туфли и направилась к лестнице. Жрец засеменил следом, бормоча что-то про холодные ветры и мягкую земельку.

— Ненавижу тебя! — тоска внутри Алов превратилась в гнев и выплеснулась на несчастного толстяка. — Крыса похоронная.

— Зачем же вы так, принцесса. Я ведь помочь только хотел.

— Знаю я, чего ты хотел! Думаешь, я не видела, как ты смотришь на меня?

— Да что вы говорите-то такое! — Алов прямо ощутила, как Ярелл позади нее покрылся красными пятнами. — Да я, может быть, любовался вашей красотою, да и все. Да где мне, червю смертному, даже помыслить о том, чтоб вожделеть... Да мне ж и нельзя, обетом связан по гроб жизни своей.

— Что хочешь говори, похотливый старикашка. Все равно тебе не поверю. И в подвал ваш не пойду!

— А вот это зря, это зря. И никакой это не подвал, это святой храм. Сказано: «Яма отворена бысть человекомъ яко пращуры»...

— Да там же воняет у вас!

— Ну, так что ж, если тлен и прах суть основа человеческая. Но когда придет час суда и воскресения мертвых, тление сие прейдет, телеса же преисполнятся благоухания...

— Хватит уже, противно. Не пойду — и точка!

— Ну, вы еще подумайте, подумайте. Я ведь что, я ведь ничего, я ведь не тороплю. Всему свое времечко. Всяк человек к землице припадает, кто к старости, а кто и в отрочестве...

Утомительная винтовая лестница, наконец, кончилась. Алов уже не терпелось поскорей скрыться от назойливого жреца. Она почти бегом вылетела во двор и упала прямо под ноги носильщикам отца. Носилки угрожающе закачались, и миру явился разгневанный император.

— Это все Ярелл, отец! — заявила Алов, поднимаясь на ноги и распихивая слуг, метнувшихся ей на подмогу. — Он опять меня преследует. Хочет заманить к себе на кладбище.

Император погрозил кулаком запыхавшемуся жрецу и хлопнул носильщика по плечу:

— Не стой. А с тобой мне надо поговорить вечером. Будешь к ужину?

— Не знаю, — буркнула принцесса вслед уже удалявшимся носилкам.

Сюрприз

Вишванатан любил работать по ночам. Ночью прохладно, тихо, и никто не мешает.

Впрочем, здесь, в глубоком подземелье, называемом в народе Колодцем, всегда тихо и свежо, даже холодно. Именно сюда перенесли тело убитого наследника, чтобы сохранить его до похорон.

Дело было, в общем-то, ясным: юношу убили, разбив голову канделябром. Но работа есть работа, и тело надо было изучить еще раз более пристально.

Здесь, при неровном свете факелов, Озхан выглядел почти живым. Вишванатан принялся за дело, насвистывая гимн Вайшьямуртхи. Однако вскоре свист прекратился.

Наследник, вне сомнения, умер от раны на голове, но он не был абсолютно здоров до смерти. Размеры зрачков, сосуды в глазах, цвет языка — множество признаков намекало на яд.

Вишванатан даже остановился и минуту стоял неподвижно — прямо посреди работы! — что было для него невероятно.

Он перепроверил еще, но на этот раз только укрепился в подозрении.

— Вот так новость.

Конечно, это могло быть просто совпадение. Ложные признаки, такое бывает сплошь и рядом. Но если это не так, и яд действительно был... Дело тогда приняло бы совсем иной оборот.

Вишванатан совсем разволновался. Постояв еще минуту (немыслимо!), он сдался профессиональному любопытству.

Только один способ поможет выяснить наверняка, был яд или нет. Если он был, то это должен быть совершенно определенный яд, его получают на юге из лепестков одного редкого цветка. Он поражает печень, оставляя в ней особые пузырьки, заполненные свернувшейся кровью. Когда их становится слишком много, человек умирает. Значит, надо смотреть на печень.

Эту часть своей работы Вишванатан не очень любил, но делал так же безупречно, как и все остальные. Через пару минут необычно крупная печень Озхана уже лежала перед ним на столе. На срезе виднелись черные сгустки.

Сомнения развеялись. Наследник был отравлен. Если бы его не убили, он бы умер сам в ближайшее время, от действия самого яда — а он одурманивает и погружает человека в тяжелое забытье, которое может закончиться смертью — либо от поражения печени.

Вишванатан закончил с телом, зафиксировал результаты в дневнике и направился к выходу. Вновь открывшиеся обстоятельства наполнили его тысячью мыслей. Обдумывая их одну за другой, он и не заметил, как вышел из Колодца, покинул дворцовый квартал и побрел по пустынным улицам в сторону дома.

В голову пришла прошлогодняя смерть младшего брата хана, Гази-бея. Он умер от яда, видимо того же самого. И так же как наследник, он отверг единобожие, оставшись верным своему родовому идолу. Едва ли это совпадение.

Вишванатан вдруг обнаружил, что стоит у двери собственного дома. Он отпер ее и услышал голос позади себя.

— Не спишь?

В испуге обернувшись, он различил смутную тень в нише стены напротив. Все мысли тут же улетучились, и в ушах застучал страх.

Незнакомец шагнул вперед, и Вишванатан опознал великого вазира.

— Какие новости?

Поклонившись, Вишванатан захрипел из-за вдруг пересохшего горла:

— Тревожные, о великий. Наследник был отравлен.

Ан-Надм слушал внимательно, склонив голову чуть набок. Лицо его, по обыкновению бесстрастное, в свете щербатой луны казалось высеченным из агата. Когда Вишванатан закончил с изложением своих подозрений, вазир лишь коротко кивнул.

— Продолжай поиски. И ускорься. Все это мне очень не нравится.

Он протянул маленький кошелек. Вишванатан принял его с поклоном, пожал ладонь вазира двумя руками и повернулся к двери. Поворачиваясь, он вдруг подумал, что рука эта странно знакома. Ширина ладони четыре джеба и пять шестых, пальцы узкие. Он обернулся, но ан-Надм уже растворился во тьме, как всегда бесшумно.

Прочь

К завтраку Алов опоздала, ела плохо, и уже хотела было уйти, даже не дождавшись последней перемены блюд.

— Я ждал тебя вечером, — Хайнрик Вреддвогль строго посмотрел на дочь поверх кубков и кувшинов.

— Я знаю. Я не хотела никого видеть.

— Нам нужно поговорить.

— О чем?

Ледяной взгляд чуть было не пробил стену императорского безразличия, заставив проснуться почти умершие воспоминания. О боги, она вся в мать.

— Пойдем. Есть очень важные вещи, которые не могут ждать.

В покоях императора было прохладно: он не любил жаровен. Алов села на подоконник и снова вонзила в него тяжелый взгляд.

— Ну?

— Алов, дочка...

Надо собраться.

— Ты знаешь, что случилось.

Нет, не так.

— Те, кто сделал это, хотят разрушить все. Все, чего так трудно добивались наши предки.

— Что?

— Я боюсь, грядет война.

— Война? Но почему? И кто хочет этого?

— Я не знаю... Мы выясняем это. Но пока ничего нет.

Алов фыркнула и стала ковырять пальцем стену.

— Это же не то, ради чего я здесь?

О боги.

— Конечно. Во-первых, я должен передать тебе Ключи.

Алов уставилась на него — теперь удивленно.

— Обычно наследник получает Ключи от всех Обществ в день восемнадцатилетия, но ввиду сложившихся обстоятельств...

— Все так плохо?

— Да, солнце. Боюсь, что да.

Алов слушала, затаив дыхание, и запомнила все с первого раза.

Ключи — тайные слова, отпирающие двери Обществ, и только правящий император знает их все. Раньше знал, пока двести лет назад не случилсяРаскол, и большая часть Ключей была утрачена. Осталось лишь три: общество Нювторм — верховный совет и истинное правительство империи; общество Вади Мут — шпионская сеть на Востоке; и общество Бедных братьев — сеть

осведомителей внутри страны. Алов запомнила их наизусть. Несмотря на подавленность, она все же подняла глаза и спросила, помолчав:

— А во-вторых?

Все равно надо сказать ей.

— Во-вторых, тебе придется уехать. Если война начнется, то именно здесь. Я хочу защитить тебя...

— Защитить? Так же, как маму? — Алов спрыгнула с подоконника. Кулаки ее сжались, а в глазах зажглись бешеные огоньки. — Где ты был, когда она нуждалась в тебе?

Это нечестный прием.

— Сейчас другой случай...

— Да точно такой же!

— Да послушай меня! — Хайнрик сам удивился своему крику. — Тогда я не мог ничего сделать, а сейчас могу. И потом, тогда был мир. А сейчас...

— Ты просто хочешь избавиться от меня, — Алов отвернулась и в голосе ее послышались слезы. — И всегда хотел. Я напоминаю тебе о ней.

О боги, как она права.

— Ты отбываешь сегодня.

Принцесса резко обернулась.

— Нет, пожалуйста, только не сегодня, нет. Сегодня похороны. Я хочу проститься с ним.

— Это слишком опасно, прости. Я не могу рисковать тобой.

— Нет, пожалуйста! — Алов уже перешла на шепот, чтобы не разрыдаться.

— Это не обсуждается. Тебя уже ждут внизу. Ты уезжаешь немедленно.

Он был готов зарыдать вместе с ней.

Похороны

День, как назло, выдался почти по-летнему жарким. Хан потел в своем толстом траурном халате и постоянно вытирал лицо. Хорошо, что тело Озхана успели забальзамировать, иначе оно бы совсем потекло на такой жаре.

Процессия еле тянулась в сторону погребального холма, чьи склоны то и дело проглядывали между зданий, пока улица петляла туда и сюда.

По сторонам улицы от жары изнывали горожане и приезжие, собравшиеся всласть поглазеть: не каждый день умирает наследник хана. Ни тени скорби на лицах, — хана передернуло, — вот бы разогнать их всех к шайтанам. Но увы: подданным нужны зрелища.

А ханские похороны были как раз таким зрелищем.

Впереди шли дети с корзинками и посыпали мостовую лепестками черных крокусов. За ними следовали плакальщицы, облаченные в просторные чатападманские балахоны, и ревели на все лады, вызывая жалость и скорбь у присутствующих. За ними шли евнухи и несли на шелковых подушечках оружие наследника. Затем двигалась колонна факельщиков — по степному обычаю. Наконец, восемнадцать дюжих рабов несли помост из черного дерева, на котором в постели из черных лилий покоилось тело сына, завернутое в мягкое полотно. Между слоями ткани могильщики натолкали папирусов с заклинаниями по древнему обычаю, который был старым еще в Урукаште.

Вслед за телом верхом ехали родственники: сам хан, новый наследник младший сын Бугдай, красавица Эсме, за ними старшая дочь хана со своим мужем. Следом пешком ковыляли большие и малые вазиры во главе с ан-Надмом, который по такому случаю даже надел новый халат,впрочем, ничуть не отличавшийся от старого. За вазирами следовали важные беи и сто-

личные вельможи — самая пестрая и нестройная часть огромной человеческой змеи. Завершалась процессия отрядом военачальников. Вдоль всей колонны по сторонам ее янычары несли черные траурные хоругви.

Бугдай выглядел совершенно безучастным, впрочем, его рябое одутловатое лицо редко выражало что-либо кроме отрешенности. Не то Эсме. Плотно укутанная в голубой шелк, она неотрывно смотрела вперед, туда, где среди цветов покачивалось тело брата. Губы сжаты так же сильно, как рука, стискивающая поводья.

Гомон толпы, причитания плакальщиц, треск факелов, жужжание мух — все слилось в невнятный гул, болью пульсирующий в висках. Скорей бы конец.

Процессия втянулась в ворота ханского кладбища на погребальном холме. Обычно пустынное унылое место наполнилось пестрыми одеждами и шумом и стало похоже на базар. Люди кружили, как муравьи, которые порой по неведомой причине тоже выстраиваются в кольца и бегут, пока хватает сил — без смысла и цели. Только у людей была цель: зияющая дыра в земле в самой середине водоворота.

Дурацкий обычай закапывать мертвецов. В степи, откуда происходил род Демиркол, мертвых сжигают на вершине родового кургана. Это в бескрайних мертвых песках Неджда нет даже дров для погребального костра. И мы теперь уподобляемся нищим пустынникам...

Озхан был бы расстроен. Он так и не принял Досточтимое Послание и остался верен богам ветров и Железной руке. Впрочем, теперь это неважно. Перед смертью все равны, — так говорит Сементериум. Хан даже испугался, насколько же это верно.

Перед смертью все равны

Повозка скрежетала на ухабах так, как будто готова была развалиться: возница гнал лошадей без жалости, повинуясь приказу императора доставить важных путников как можно скорее.

Алов угрюмо наблюдала за проплывавшими мимо пейзажами. Меловые холмы, поросшие корявыми оливами и лаврами, сухие поля, стада овец, черные клинки кипарисов — она привыкла к этому, но оно не стало родным для нее. Она скучала по дому, где над еловыми лесами вздымаются заснеженные пики, где водопады с шумом бросаются в пропасти, а на зеленых лугах пасутся пятнистые коровы. Пусть она родилась в великом Симиусе, но она была Вреддвогль, дитя Бергланда — по роду и по духу.

Тем страшнее были чувства, которые она испытывала. Она ехала в родовой замок Вреддстенн, который был так мил ее сердцу, но все ее естество противилось этому. Она хотела остаться. Противоречие разрывало ее на куски и вгоняло в глубочайшую тоску.

Да и спутник ее не прибавлял веселья. Жирный Ярелл взвизгивал всякий раз, когда повозка наезжала на очередную выбоину, и бормотал что-то про здоровьишко и старые косточки, которым ни к чему такие путешествия.

Дорога тянулась в сторону заката, наполнившего мир янтарем. Вот бы превратиться в муху в камне, который через десять тысяч лет выкопают из земли, отполируют, вставят в украшение, и очередная модница будет с его помощью вызывать зависть у подруг. У Алов в детстве был такой кусочек янтаря с насекомым внутри.

Наверное, это так здорово: находиться там внутри, защищенной от невзгод этого мира, и лишь смотреть оттуда на все происходящее, и видеть все всегда в теплых приятных красках заката.

Алов вспомнила, как они с Озханом любовались закатом на балконе ханского дворца на прошлой неделе, и слезы так и брызнули у нее из глаз. Его больше нет, так зачем мне жить?

— Как же, матушка, да что же ты говоришь такое! — вскинулся Ярелл. Очевидно, она произнесла последнюю фразу вслух. — Всем людям жить надобно.

— Зачем? — Алов уже кричала. — Чтобы страдать? Я не хочу страдать! Я не хочу больше ничего видеть, не хочу жить!

— А хоть бы и страдать. Не только страданиями полна жизнь, но и удовольствий в ней немало. Все нужно испробовать перед смертушкой. Она ко всем придет, так что же торопить-то ее.

— Не хочу тебя слушать!

— А вот это зря. Старый Ярила много повидал, авось, мудрости-то чуток поднакопил уже. Авось чего и посоветует доброго.

— Чего посоветует? Как лучше убить себя? Да ты же сам мне помешал — помнишь?

— Утешься, матушка. Припади к сени Церкви, и будет тебе утешение и радость великая, и страх смерти оставит тебя.

— Ну уж это нет. И нет у меня страха смерти!

— Это сейчас, пока ты молоденькая. А в старости все ее боятся. Боятся, что придет раньше срока.

— И ты?

— Я не боюсь. Ибо несть конца жития по смерти, но сон и ожидание воскресения и новаго мира...

— Что это?

— Символ веры нашей. Коротко сказано, а всю жизнь, всю самую суть в себя вмещает.

— Расскажи мне.

— Конечно, матушка, — Ярелл откашлялся, сел поровнее и продолжил торжественно. — Верую, нетварен мир и живущие в нем. Верую, несть конца жития по смерти, но сон и ожидание воскресения и новаго

мира. Верую, грядет Час Пробуждения и Тот, кто Воскреснет Первым.

— И все?

— Так я говорю ж, коротко и верно.

— Как-то уж очень коротко. Вот что значит «нетварен мир»?

— Это значит, несть миру создателя. Живое происходит от живого, а неживое — от неживого. Так было, есть и будет во веки веков. Из неживого живое не родится, и сотворено быть не может.

— А как же Гончар?

— Нет его.

— Как это нет? А кто тогда создал все?

— Никто не создал. Все просто есть.

— Но как это возможно?

— Вот ты, матушка, родилась от родителей своих. Но они же не создали тебя. Такоже и они родились от родителей своих, а те — от своих, и так всегда было. И будет. Нет начала этому и нет конца.

— Не может быть, чтоб не было начала.

— Может. Из неживого живое само не родится.

— Но... Как же тогда все люди и звери? Откуда они?

— Сие тайна величайшая, и познать ее не дано человеку, да и не нужно. Ведь как выходит: либо человек был всегда, либо его создали из неживого. А даже и создали — что с того? Ведь случилось-то это так давно, что нам и не понять, насколько. Это все равно, что род людской всегда, вечно был и будет, ежели вот родился человек, пожил да и помер — а мир-то весь вот он, как был до него, так и останется после стоять.

Алов внутренне содрогнулась. Ведь это и правда страшно — знать, что конец пути у всех един, и достигнув его, ты уходишь навсегда, а мир продолжает движение, как ни в чем не бывало. Насколько ничтожна, ненужна для мира наша жизнь!

— Озхан... — голос предательски дрогнул на имени любимого, — говорил мне, что на далеко юго-востоке живут настоящие язычники. Они поклоняются цветку, а богов у них не счесть. Они говорят, что когда человек умрет, он родится заново.

— Ну, так на то они и язычники. Враки это все, матушка. Ну, разве ж мы помним, что было до рождения нашего? Нет? То-то же. А если б мы перерождались, то разве б не помнили? А если мы не помним ничего, то чем это лучше смертушки-то?

Алов хотела возразить, что некоторые восточные мудрецы утверждают, что помнят свои прошлые жизни, но Ярелл принялся уплетать пирог с кроликом, и разговор угас. Принцесса уставилась в окно. Первые звезды уже показались на темнеющем небе.

Откровение

В храме было темно. Огонь на алтаре давал больше дыма, чем света, густые черные клубы уносились к невидимому своду и уходили в сеть потайных дымоходов, рассеиваясь там, истончаясь и тая. Наверху этот дым никто не заметит.

Учтапишек сидел на подушке перед алтарем, а остальные Верховные, надвинув капюшоны на лица, стояли, образуя живой коридор.

У ан-Надма закололо в боку. Да что это такое, я взрослый человек, чего мне бояться. Учтапишек поднял руку, указывая на место рядом с собой.

Пройдя через зал, ан-Надм опустился на колени и приложился к руке Старика.

— Мир тебе, досточтимый Уетеш-Тапи-Шегем! Да пребудет с тобой сияние Всеотца, да...

— Мы рады тому, что произошло, — старик прервал приветствие. — Мы верили в пророчество, и оно сбылось.

— Воля Всеотца была на это. — Ан-Надм почувствовал, как его голос дрожит.

— Воистину так, ибо Книга не лжет.

Ан-Надм непроизвольно посмотрел на Книгу, лежавшую в стороне на резном пюпитре. Как всегда, над ней корпел полуслепой старик, еще старше Учтапишека, по имени Решем-Цедер. Он был бесноватым и утверждал, что видит в Книге будущее.

— Досточтимый Решем-Цедер! — все уставились на толкователя. — Скажи, что ты видел.

— Досточтимые братья, — речь толкователя была хриплой и шепелявой, как будто он вправду был родом из Урукашты. — Сегодня я читал главу сто семнадцатую, и мне было видение. Ангел пришел ко мне и восстал надо мною, пылая огнем палящим, и рек, и открыл мне смысл этой главы. Я зачту вам ее.

Ан-Надм поначалу считал, что Решем-Цедер безумен. Но годы шли, и он стал замечать, что видения толкователя говорят правду — часто, очень часто, почти всегда. Теперь он уже не сомневался в истинности изрекаемого этой ходячей развалиной.

— Пал больной теленок, и Бык разъярился. Нет преграды, что сдержит его. Народы камня в смятении, народы света негодуют. Солнце встает на востоке и идет на закат, указуя путь. Нечестивые храмы пали, и нечестивые огни погашены, рабы ликуют, освобожденные, под ясным небом. Смерть тысяч уймет скорбь по одному. Из трупа теленка вырастает олива, из мертвой земли злак.

Учтапишек сказал:

— И в чем смысл главы сей?

— Умер сын хана нашего, и нет пределов скорби его отца. Скорби и ярости. Народы всех бейликов Востока негодуют от вести об этой смерти. Но там, на Западе, — Решем-Цедер указал скрюченным пальцем куда-то в стену, — там все преисполнены сомнения и страха. Они подточены изнутри, как гнилое бревно. Нет лучше

момента, чтоб нанести решающий удар. Разрушить их капища, погасить огонь, что вечно горит у них — и дым, что скрывает их город, будет рассеян. Мы принесем свет жителям Запада.

Наступила тишина.

— Досточтимые братья, — ан-Надм уже не боялся. — Я чту Книгу, но армия Запада сильна как никогда прежде. Нельзя начинать войну, мы проиграем.

— Книга не лжет, — Учтапишек чуть возвысил голос, и ан-Надм почувствовал себя крайне неловко, как будто его уличили в краже на базаре. — Запад силен, но сейчас мы сильнее. Что есть у них? Оружие? А что у нас? У нас есть гнев. Слабый в ярости одолеет сильного. У нас есть время. Мы готовы к войне, а они нет. У нас есть Книга. Значит, с нами Истина.

— Сейчас подходящее время, — продолжил Решем-Цедер. — Войско ангелов развернуло знамена. Трубы играют и бьют барабаны. Джинны и шайтаны в страхе бегут сияния вечного солнца и прячутся в пустынных углах земли, но не будет им спасения. Кому, как не людям Востока вновь разлить свет Истины на земле?

Решем-Цедер умолк и указал кривым пальцем на стену, где красовалось золотое солнце с искривленными лучами и точкой в середине.

— Хан должен выступить сейчас. — Учтапишек говорил спокойно, но в голосе его чувствовался металл. — Или он выступает сейчас — и пожинает славную победу, или не выступает...

Ан-Надм вопросительно поднял бровь. А вот это нехорошо.

— И войска поведут другие.

Список подозреваемых

Кальян получился скверным. Ан-Надм не сделал и трех затяжек, закашлялся и отослал стольника прочь.

Беда.

Он встал, прошелся по комнате и снова сел.

Известие о яде в теле наследника грызло его изнутри, как термит. Кто-то злоумышлял против отпрыска хана! Немыслимо!

Погоди-ка. Но ведь ты же его сам и убил.

Да, я убил. Но я сделал это ради блага страны. Это убийство развяжет нам руки, даст возможность сокрушить нашего вечного врага, притворившегося другом. И потом, я сделал это благородно. Озхан видел свою смерть.

Не то яд. Он убивает исподтишка, незаметно. Оружие подлецов и предателей. И женщин.

Нужно непременно выяснить, кто этот неудавшийся отравитель.

Ум уцепился за новую задачу, как виноградная лоза цепляется своими усиками за подпорки, и оставил самообвинение — на время, конечно.

Во-первых, кто мог это сделать в принципе? Тот, кто имел доступ к пище наследника. То есть члены семьи, слуги и повара.

Поваров ан-Надм выбирал и проверял лично, поэтому за них мог бы поручиться своей головой. Впрочем, надо выяснить, нет ли новых людей на кухне — хан уже, бывало, выкидывал такие фокусы, заменяя проверенных, надежных людей на какой-то сброд с улицы.

Слуги. Наследник распоряжался четырьмя людьми: двое постельничих, оруженосец и писец. Писца приставил ан-Надм, так что он отпадает. Остальных проверим.

Наконец, семья. Вот где змеиное гнездо. Ан-Надм поежился от предстоящего интеллектуального удовольствия.

Младший брат Бугдай скорбен умом и едва ли доживет до тридцатилетия. Отравитель из него никудышный, отбрасываем его.

Красавица Эсме, старше Озхана на десять лет. Эта, пожалуй, могла, да и мотив имеется: устранить наследников по мужской линии и самой занять трон после смерти отца.

Старшие дочери хана, последние оставшиеся в живых дети его первой жены — толстая Севинч и Эмине, которая к своим сорока трем годам так и не вышла замуж и, видимо, уже не выйдет. Эта престарелая любительница кошек, несомненно, могла быть отравительницей. А Севинч, мать семерых детей, ан-Надм исключил: она жила у своего мужа, богатейшего купца по имени Бююкай Пишкин, и во дворце появлялась разве что по праздникам.

Двое младших братьев хана, Шамаль и Самир, тоже отпали, потому что оба уже по нескольку лет кочевали где-то в Степи со своими многотысячными табунами. Хотя в глубине души ан-Надм был недоволен: эти двое были крайне подозрительными типами, от которых можно ждать чего угодно.

Сам покойный. Никогда нельзя исключать самоубийство — хотя в этот раз, похоже, речь о нем точно не шла. Молодой наследник, преспективный политик, скоро свадьба, всегда полон радости и любви к жизни. Нет, это не самоубийство.

Наконец, хан Озмак, величайший из великих. Ан-Надм сглотнул. Был у хана мотивчик. Да еще какой.

— Клянусь Железной Рукой, — кричал тогда Озхан, — Если это не прекратится, я пойду на крайние меры!

— Какие же? — в голосе хана чувствовалось презрение. — Снова сбежишь в Степь? Или, может, в этот раз наберешься храбрости и убьешь меня?

— Нет! Я пойду к людям!

— И что ты им скажешь? Смотрите, вот он я, честный ханский сынок! Восстаньте и убейте моего плохого папочку, чтобы я мог властвовать над вами?

— Нет! Я скажу им, что ты предал Небо! Они не убьют тебя, они отвернутся от тебя.

Удар ниже пояса, — подумал ан-Надм за ширмой. — Наследник умеет убеждать. Из него выйдет хороший государь.

— Что?

— Ты принял Досточтимое Послание! Пусть все знают, что ты осквернил память предков и отказался от Неба.

— Ты не посмеешь!

— Поспорим? — Озхан улыбался.

Да, это мотив. Да что там, почти улика. Конфликт тогда сошел на нет, но Озмак злопамятен. К тому же он очень привязан к своему младшему сыну Бугдаю, а Озхана недолюбливал. И боялся, что тот свергнет его.

Ну и Гюль. Начальник дворцовой стражи волновал вазира больше всего. Мало того что он тоже в подозреваемых, но дело совсем в другом. Если под кроватью действительно прятался он — значит, он теперь знает, кто убил Озхана. Знает, и потому скрывается. Нужно непременно найти его и обезвредить. Причем поскорее. Пожалуй, поисками займется Вишванатан, он кого хочешь из-под земли достанет.

Ан-Надм допил остатки вина и улегся поудобнее. Завтра будет трудный день. Будет расследование, а еще...

Еще надо будет убедить хана начать войну. Всего делов-то.

Возвращаться — плохая примета

В харчевне постоялого двора было шумно и дымно. Посетители заправлялись крепленым пшеничным

пивом, отчего их тянуло погорланить песни, каждого свою.

— Будешь чего-нибудь? — толстяк прямо лучился радостью оттого, что сейчас поест. — Нет? Да как же так, матушка, ты это брось. Надобно кушать, ибо живот наш есть средоточие сил.

— Не буду и все тут!

— Ну, хорошо, хорошо. Человек! Человек! — Ярелл поднял руку и даже свистнул. — Да что они тут, голодом нас уморить решили?

Появился тощий половой в замызганном фартуке, и жрец принялся заказывать.

— Давай, дружок, нам для начала хлебушка, да побольше. И маслица к нему. Пиво свежее у вас? Кувшинчик принеси. Или лучше два. И две кружки, — толстяк подмигнул вскинувшейся Алов. — Ну, луку там, зелени — это сам знаешь. Для начала, ага? Потом супу мне принеси, этого вашего, с перцем. Ну и баранины еще какой-нибудь. Вот так пока что. И поскорей давай только, а то мы с голоду помираем.

Половой сцапал протянутые монетки и исчез.

— Ты, матушка, ежели кушать не хочешь, ты не кушай. Ты вот хлебца лучше отведай тутошнего, — Ярелл возобновил атаку, когда на столе появилась корзиночка с нарезанной буханкой. — Один кусочек, чтоб живот хоть не пустой был. Чтоб не захворать.

Алов взяла у него ноздреватый ломтик, намазанный маслом, куснула его и отложила в сторонку.

— Я ведь, матушка моя, не просто так с тобой поехал-то.

— А то я не знаю. Ты же вечно вокруг меня отираешься.

— И вовсе я не отираюсь, а оберегаю покой твой от гроз мирских.

— Ну, называй, как хочешь.

— Так вот я еду на север. О, супчик! — Ярелл набросился на жгучий суп как голодный лев на антилопу.

— Ну, так, а мы куда едем? Разве не на север?

— Пока да, а потом разойдутся дороженьки наши.

— Ну и хвала богам!

— Ох, не знаю, матушка. Ты поедешь к западу, в имение батюшки твоего государя императора. А я помчусь на север, к горам, лесам и болотам.

— Зачем? Что тебе там делать?

— Ох, матушка, не знаю, сказать ли тебе, али промолчать.

— Уж говори, раз начал.

— Дела церковные, матушка. Еду я к нашему верховному жрецу на поклон.

— Ну и что тут такого, что ты не хотел говорить мне? Или ты врешь?

Алов посмотрела в глаза толстяку. Тот замер, не донеся ложку до рта. Что-то неуловимое пронеслось в его глазах — или это дрожащий свет масляной лампы сыграл в отражении? В следующий миг жрец поперхнулся, положил ложку и забормотал дальше:

— Да зачем же мне врать-то! Говорю ж: еду к Белобороду, просить совета о церковном устроении в стольном граде Симиусе. Ибо великие потрясения грядут, и многие смерти, и много трудов тяжких.

— Ладно, — Алов доела свою горбушку. Упоминание столицы снова наполнило ее смятением. За время пути жрец успел-таки подточить ее веру.

— Ярелл.

— Ч... что? — Жрец оторвался от бараньего ребра и уставился на нее.

— Я хочу вернуться.

— Да как же, матушка. Нельзя это, батюшка воспретил.

— Это неважно. Я хочу, и я вернусь в Симиус.

— Ох, беда! — жрец прервался и выпил кружку пива залпом, налил еще и только после этого продолжил: — Ой, беда какая.

— Послушай меня. Я все равно вернусь туда. Я... я многое поняла сегодня. Ты помог мне понять, — Алов заметила, как жрец приободрился, услышав похвалу. — Я хочу посетить могилу Озхана. Тайно. Никто не будет знать, где я.

— Да как же...

— Никто, слышишь?

— Но...

— Ты повернешь на север через девять дней. До этого времени не говори никому, что едешь один.

— А если...

— Если спросят, где я, скажи, мне нездоровится и я не хочу выходить из повозки.

— Ох, матушка.

— Ты же добрый, Ярелл. Ты поможешь мне, ведь правда?

Жрец тяжело вздохнул. Он выглядел очень грустным.

— Кто я такой, матушка, чтоб чинить преграды тебе.

На вынос Ярелл купил две буханки хлеба, огромного вяленого лосося и голову сыра.

Около полуночи взошла луна, но Алов уже скакала далеко от постоялого двора. Ярелл дал ей денег на лошадь, а потом отвлек императорских стражников разговорами, дав ей возможность выскользнуть из повозки за их спинами и раствориться в темноте.

— Вот, возьми, — прошептал он перед этим, протягивая ей кусочек папируса. — Как приедешь домой, отыщи брата Дуба... он служит у меня в сементерии. Он поможет, я ему написал. Он надежный человек.

Никогда бы не подумала, что с могильщиками приятно иметь дело.

Лепестки

Вокруг Махамандира — главного храма Ста Лотосов в ханстве — раскинулся целый квартал культовых построек из камня и кирпича, в свою очередь погруженный в море деревянных и глинобитных хижин и лачужек. Тысячи людей жили здесь в тесноте, грязи и беспорядке, вперемешку со священными животными. Тесные засоренные улицы не знали метлы. Потоки нечистот несли по канавам мусор, собираясь в мутные реки, которые низвергались в грандиозное подземное озеро, больше похожее на титаническую выгребную яму. Воздух был пропитан зловонием, но никому не было до этого никакого дела: религия лотоса учит забыть о земном отвращении.

Это средоточие мерзости возникло в столице пару веков назад в правление Демира Грозного из дома Гюнешсевер, пожалуй, одного из величайших владык Востока. Он пересек безводный Неджд, поставив корабли на огромные колеса, и вошел в Теплое Море, до того известное лишь кучке пустынников. Флот двинулся на юг и вскоре открыл город Вайшьянату, старый, огромный и некогда прекрасный. Храмы и дворцы из рыжего камня утопали в буйной зелени, а под многочисленными мостами нес свои бурые воды могучий поток Дхраса. Но храмы были заброшены, дворцы разорены; толпы нищих кишели на площадях и набережных, животные бродили среди людей и копошились в кучах отбросов, и зловоние довершало удручающую картину.

Флот под алыми с золотым солнцем парусами вошел в древний порт. Демир Грозный сошел на берег, облаченный в позолоченные доспехи и алый тюрбан. Жители города Вайшьянату пали ниц перед солнечным воинством, ибо хан был похож на Раджнапали, божество войны и разрушения, чьими изображениями полнились стены древних храмов.

Вперед вышли жрецы. Они усеяли путь хана лепестками диковинных цветов, они проводили его в лучший храм-дворец, они предложили ему богатые дары.

Один из жрецов знал язык Урукашты, и контакт состоялся.

Демир Грозный был мудр. Он не стал переубеждать несчастных. Он остался для них суровым божеством Раджнапали. Он принял дары и отбыл обратно в Шемкент, взяв с собой двух жрецов. Он увидел богатства этой страны и понял, как овладеть ими.

И в столице Востока вознесся величественный храм Ста Лотосов, ибо такова была вера жителей южной страны. Сто башен вознеслись к небесам, каждая подобна столепестковому лотосу, и каждая была лепестком большого лотоса. Люди Востока роптали, не понимая мудрости хана, они считали, что незачем тратить столько сил и средств на храм для дикарей, которые даже не знают письма. Но хан был непреклонен — недаром его прозвали Грозным — и храм был достроен.

Хан объявил жрецам с юга, что здесь средоточие их веры, и что он, великий и ужасный Раджнапали, правит этим краем. И что в его силах наслать мор и голод и разорить их города. Но он не станет этого делать, если они будут верно служить ему и ублажать его обильными дарами. Более того, он позволит им приезжать в этот главный храм и молить его о милости здесь, дабы молитвы быстрее достигали его ушей.

Дело было сделано. Огромная страна подчинилась владыке Востока, сделав его безмерно богатым и могущественным.

Но у всякой монеты две стороны. Столицу мало-помалу наводнили паломники с юга. Сначала они жили в самом Великом Храме Лотосов, затем стали строить дома вокруг. Демир Грозный уже давно умер; к паломникам привыкли, их перестали замечать, а они все

множились. Через полвека, в правление хана Эркена, храм окружила стена. Она отделила участок земли, на которой было позволено селиться чатападманам. Довольно большой, он включал в себя храм, уже построенные дома и дворцы, и широкие поля вокруг них. Но спустя пару десятилетий эта земля уже с трудом вмещала всех: поля покрылись хижинами, прежние улицы были застроены, и даже на крышах домов покрупнее выросли кособокие лачуги. Здесь жило больше людей, чем в остальной столице, а кое-кто говорил, что даже больше, чем в целом Неджде.

Здесь жил сам Вишванатан и тот, к кому он сейчас направлялся — аптекарь Шрисадхешу, один из двух сотен торговцев снадобьями во всем чатападманском районе. Девятнадцатый, кого Вишванатан посетил за сегодня.

Аптека находилась в темном переулке недалеко от храма. Когда-то этот переулок был сточной канавой, а сейчас его забили полугнилые деревянные сараи, оставив узкий, на одного человека, проход вдоль стены.

Аптекарь сидел посреди своей лавки и толок в ступе зубы крыс. Он был гол из-за удушающей жары, но малиновый тюрбан на его голове по-прежнему выдавал его принадлежность к касте Абхьявата.

— Приветствую, — Вишванатан поклонился, но не слишком низко, и прижал левую руку к груди, как того требовал этикет.

— Приветствую, — аптекарь склонился чуть ли не в ступу, прикрыв лицо ладонями.

— Скажи, Шрисадхешу, у тебя есть лепестки голубой агавы?

Глаза аптекаря сверкнули, вроде бы он даже усмехнулся в бороду — полумрак скрадывал черты лица.

— Ну конечно, конечно есть.

Он отложил ступку и прямо на корточках, как паук, перебрался к шкафу со склянками. Стекло звякнуло раз-другой и глазам Вишванатана предстала пузатая

банка, заткнутая толстой пробкой и для верности еще обмотанная тряпицей. Синеватые комочки на дне не оставляли никаких сомнений.

— Почтенный Прабхавата желает сократить чьи-то дни? — аптекарь открыл банку, вытащил щепотку сушеных лепестков и разглядывал их, поднеся к глазам. — Хороший выбор, сказал бы Шрисадхешу, но не сейчас, нет, не сейчас. Сейчас их слишком мало, на скорую смерть не хватит. Да будет позволено посоветовать, лучше возьми вот это, — аптекарь ловко выудил из недр шкафа пузырек, наполненный белой трухой. — Это сушеный гриб с севера. Съешь немного — и он подарит тебе чудные видения. Съешь побольше — уснешь сном, похожим на смерть. Съешь еще больше...

— Мне не нужен гриб, аптекарь. Скажи, кто купил у тебя лепестки?

— Шрисадхешу не может сказать, — аптекарь спрятал банки в шкаф и вернулся к своей ступке. Он выглядел расстроенным. Или раздраженным. — Он не помнит.

— Ты лжешь, аптекарь. — Вишванатан придал голосу самую суровую окраску. — Это не самое нужное снадобье, однако, оно у тебя под рукой. Покупатель приходил часто и недавно. Ты помнишь его, но не хочешь говорить.

Аптекарь молчал.

— Я велю тебе сказать, кто он, Абхьявата. Повинуйся.

Аптекарь вздохнул, но промолчал.

— Ну хорошо. Я расскажу, как ты недостойно оскорбил Прабхавату неповиновением. Тебя высекут плетьми и наложат штраф. Неужели ты хочешь попасть в беду из-за какого-то бледнолицего? — Вишванатан двинулся к двери. Про бледнолицего он сказал на авось.

Но стрела попала в цель.

— Постой...

— Да?

— Это бледнолицый, да. У него в левом ухе серьга из золота, черная борода и кривая сабля. Еще кинжал с рубинами за поясом, и перстень. Перстень с черным камнем. Он приходил много раз. Последний раз — неделю назад, — аптекарь помолчал и продолжил: — Шрисадхешу все сказал, он не хочет попасть в беду. Он не любит бледнолицых, как и ты.

Как и я. И при этом я работаю на них.

Вишванатан кинул аптекарю монетку, поклонился и вышел. Таинственный покупатель был прямо вылитый Хюсню Гюль, прежний и нынешний начальник ханской стражи.

Ночь

Она летела.

Чуть ущербная луна сияла на небосклоне, даря чудесные виды полей и холмов, меж которыми пролегал ее путь. Ночной ветер, слегка прохладный, полный аромата сосен и пряных трав, развевал ее волосы, гладил ее щеки, наполнял ее легкие, дурманил голову.

Могучий конь под ней мчался плавно, словно корабль по речной глади. Она чувствовала, как перекатываются бугры его мышц, как легко дается ему бешеный ритм их бега.

Он нес ее домой.

Серый мир вокруг казался сном, мутной дремой перед пробуждением. Там, впереди, за холмами, среди кипарисов и пальм ждала реальность, великий город Симиус, ее дом. Он все же стал ее домом, хотя родилась она далеко на западе, в суровых холодных горах. И покидать этот дом она не собиралась.

Ночь полна звуками и запахами. В темноте глаза не нужны, и она закрыла их. Она вдыхала теплую тьму, и видела то, что чуяла в ней: вот нежные цветы, что

прячутся во влажных овражках и раскрываются лишь после заката, вот полынь вдоль дороги и лаванда в полях, вот олеандр и жасмин вокруг домов земледельцев, вот терпкая смола и сухая хвоя, что покрывает землю под соснами, вот конский навоз, который кто-то сбросил с дороги в канаву. Тысячи запахов сливались в удивительной гармонии, подобной музыке. И звуки ночи вплетались в эту мелодию, обогащая ее, расширяя до самого края мира: летучие мыши свистели в небе над нею, ночные цикады тянули свою песню в сухих полях, травы шуршали под ветром, подковы высекали искры из булыжников тракта, ухала вдалеке сова.

Каждый шаг, каждый миг приближал ее к цели, делал ее свободнее, наполнял утерянным было смыслом.

Она — ночь. Она поняла это так же ясно, как видела луну. Она непроницаема для взглядов людей, но полна жизни — непонятной, чужой, но прекрасной. Она живет, и нет над ней хозяина. Никто не укажет, что делать: она свободна, и лишь смерть ее — утро — закончит ее полет. Но до утра далеко, а значит — она жива.

— Я — ночь, — шепнула она коню. Тот всхрапнул в ответ, словно соглашаясь.

Дорога до столицы оказалась короче, чем ей представлялось вчера. Небо на востоке еще не успело окраситься розовым, когда перед нею выросла городская стена и Западная башня, увенчанная ажурным шпилем. Ворота не закрывались по ночам — признак мирного времени — и она влетела туда, как ветер.

Ночные улицы были пусты и темны, луна почти скрылась, и лишь редкие огни освещали перекрестки, но она помнила город наизусть. Она не хотела останавливаться. Она мчалась, закрыв глаза, поворачивая коня в последний миг, мимо дворцов, магазинов, мастерских. Только достигнув цели, она приказала себе остановиться.

Маленькая площадь перед столичным Сементериумом, зажатая глухими стенами больниц и боен, днем казалась мрачным колодцем, но ночь залила ее мраком, сгладила и превратила в таинственный грот. Удары сердца, казалось, отражались от стен. Алов с трудом успокоилась после своего дикого полета и, собравшись с силами, толкнула тяжелую дверь.

Внутри сементериума было так же темно, как и снаружи, лишь вдалеке у алтаря горела одинокая свеча. Алов прошла к ней. Дрожащее пламя едва позволяло разглядеть ступни вырезанных на стене портретов. Они попирали кости и черепа, что означало победу над смертью. Тишина и спертый воздух церкви сделали свое дело: Алов почувствовала усталость, неимоверную, тяжелую, как гора. Она не спала уже вторые сутки.

— Кто тут? — из боковой двери показался заспанный, растрепанный брат Дубб с факелом в руке. Увидев Алов, он немного успокоился. — Кто ты, дитя?

Алов уже не могла говорить. Она протянула ему записку от Ярелла. Дубб вытащил откуда-то глазные стекла, поднес записочку к огню и долго читал, шевеля губами.

— Пойдемте, принцесса, — сказал он наконец. — Вам нужно отдохнуть.

В келье где-то в глубине сементериума было так же темно, как и в мире за его стенами. Алов растянулась на жесткой кровати и сразу же провалилась в сон.

Готовься к войне

Хан спал плохо, уже которую ночь. То и дело просыпаясь от кошмаров, он, скорее, проводил время в полудреме. Утром тело оказывалось разбитым, а разум замутненным, как после курения опия. Он уже подумывал и впрямь опять взяться за запретный кальян, раз уж результат все равно один и тот же.

Утро снова одарило его плохим самочувствием, да еще и пульсирующей болью в затылке. Он сел на постели и долго сидел, уставившись в одну точку. За окном занималась заря.

«Кто встанет затемно и узреет восход, обретет в этот день благословение Всеотца» — так написано.

Еще прохладный ветерок снаружи разгонял остатки ночных ароматов. Солнце показалось над горизонтом, и птицы тут же, как по команде, принялись неистово щебетать в ветвях сада внизу. Хан вдохнул полной грудью. Он узрел восход.

— О мудрейший.

Выдох застрял в горле от неожиданности. Ан-Надм всегда подкрадывался незаметно, как убийца.

— Да ты что, смерти моей желаешь?

— Прошу прощения за столь ранний визит, — ан-Надм поклонился, — но дело весьма срочное.

— Выкладывай, — хан недовольно завернулся в халат, — и пойдем внутрь, здесь еще прохладно.

— Я размышлял всю ночь, о великолепнейший, и пришел к выводу: война неизбежна. Более того — она необходима.

Хан посмотрел на него со скорбным выражением лица.

— Печально слышать такое от моего великого вазира.

— Но...

— Не думай, что я не понимаю времени! — отрезал Озмак II. — Война неизбежна, и чем скорее мы начнем ее, тем будет лучше для всех. Однако я ждал, что ты будешь против войны.

— Отчего?

— Тысячу лет мы жили мирно. Тысячу! Неужели тебе не страшно?

— Не страшно что?

— Не страшно разрушать то, что простояло так долго? Ведь пророк писал: «Не нами положено — лежи

оно так во веки веков». Разве не в этом залог будущего процветания?

— Но ведь и бахчу нужно полоть, — отвечал ан-Надм. — И лес, если он загустился, чистят от сорных деревьев. Ибо сорняк, не будучи уничтожен единожды, взойдет снова и задушит урожай.

— Но ведь война ударит и по нам. Сколько солдат падет, сколько крови правоверных будет пролито.

— Грядку с морковью не только полют, но и прореживают, — парировал ан-Надм, сам удивляясь своим огородным аллегориям. — Хороший садовник вырвет сорняки, но и часть моркови, чтобы остальная росла и насыщалась силой и сладостью. Это неизбежная жертва, приносимая ради будущего урожая.

Хан постоял молча, покачиваясь вперед и назад.

— Я знаю, — сказал он вдруг. — Давно уже знаю, что должен напасть первым. Я просто боюсь... Боюсь того, что последует.

Все предрешено, чуть не сказал ан-Надм. Пророчество исполнится в любом случае, независимо от твоих действий, хан.

— Бояться нечего, — произнес он вслух. — Это праведная война, и мы победим. Мы не можем не победить.

Надо добивать.

— А если все же случится так, что силы Запада превзойдут наши, и мы проиграем войну — мы все равно выиграем: ведь память о нас пребудет вечно. Память о тебе, о светлейший. Тебя запомнят как того, кто дерзнул перестроить тысячелетний мир. Само это дерзновение — подвиг, недоступный никому из живущих.

Глаза хана остекленели, он задумался глубже обычного; лицо его ничего не выражало.

— Я не знаю, Малик, — сказал он печально. Он не называл ан-Надма по имени с тех пор, как умерла Шамсия. — Я не знаю. Мне нужно подумать.

Неудобные вопросы

Эсме уже позавтракала. Служанка бросила на ан-Надма полный подозрения и недовольства взгляд поверх лицевого платка и скрылась за ширмами. Вазир вздохнул и вступил в комнату.

— О! — Эсме невероятно удивилась. — Дядюшка! Так рано, а ты уже наносишь мне визит. Что с тобой?

— Есть разговор, — ан-Надм уселся на кушетку напротив.

— Ну надо же. У дядюшки есть разговор. — Эсме отправила в рот большую виноградину. — И что же это за разговор?

— Скажи мне... — ан-Надм тоже отщипнул ягоду, сжевал ее и продолжил: — Когда ты последний раз видела брата? Озхана, я имею в виду.

Эсме резко встала. Так резко, что ан-Надм не сразу сообразил, что сидит в присутствии стоящей ханым. Он неуклюже вскочил, едва не опрокинув стол. Вот ведь дочь шайтана! Так быстро поднялась, ничуть не потеряв изящества.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что это я его убила, дядюшка?

— Ты? Нет-нет, что ты! — запротестовал ан-Надм, лихорадочно соображая, как строить беседу дальше. — Совсем не хочу.

— Тогда к чему этот разговор?

— Э-м... Эсме, душа моя... Я ведь, собственно...

— Пытаешься выяснить, что случилось, и кто это сделал, да-да-да.

Ан-Надм кивнул. Чертовка сверлила его своими прекрасными черными глазами, и он терял дар речи.

— Так я повторяю: неужели ты думаешь, что я могла убить моего брата?

Еле собравшись с мыслями, ан-Надм выдавил:

— Я просто проверяю все возможности...

— Ах, все? Ну, и кто там у тебя еще ходит в подозреваемых?

Ан-Надм неопределенно развел руками.

— Все понятно, — Эсме снова села. — Уйди с глаз моих, дядя. Я люблю... любила Озхана. Моего маленького головастика. Он ведь вырос на моих руках.

Она закрыла глаза.

— В ту ночь я была здесь. Это подтвердят Валиде, Гелинджик, Риша, старый евнух Басыт. Можешь допросить их прямо сейчас, пока я не успела их предупредить. Только уходи.

Ан-Надм вышел, как оплеванный. Вот ведь шайтаново отродье. И тридцати лет нет от роду, а так унизила его — великого вазира, родного дядю! И как унизила! Ничего ведь не сказала такого — а он будто вернулся в медресе, когда учитель Фарид нашел у него папирусы с неприличными картинками. Слава Всеотцу, что она никогда не сможет занять престол. Правление такой, как она, было бы ужасно.

Плохо то, что он так и не вполне понял, могла ли она отравить наследника.

Приходя в себя, ан-Надм добрался до дома Эмине Демиркол. Дочь хана и его первой жены жила в большой вилле в восточной части города. Мало кто мог — или хотел — попасть за высокие стены, покрытые желтоватой облезающей штукатуркой. Эмине-ханым жила уединенно.

Дверь открыл лысый опухший евнух.

— Великий вазир ан-Надм, — представился ан-Надм и показал для верности свою обсидиановую печатку.

Узкимтемным коридором они прошли в сад, где в такие часы хозяйка отдыхала после завтрака. Сад тоже был запущен и тенист, а главное — он кишел кошками. Ужасные разноцветные создания носились туда-сюда, карабкались на деревья, дрались. Посреди этого великолепия на кушетке около неработающего фонта-

на, подобно вишенке на пирожном, возлежала владелица дома.

— Малик, дорогой! — пропела она, приподнимаясь. — Сколько лет, сколько лет прошло!

— Эмине-ханым! Как здоровье? Как ваши... питомцы?

Хозяйка тем временем приняла полулежачее положение.

— Ах, хвала небесам, жаловаться не на что. Асия недавно окотилась, пятеро замечательных малышей. Четверо пятнистых, а пятый весь беленький! — она улыбнулась, став похожей на сморщенную крысу. Неудивительно, что ее никто не берет замуж. — Все великолепно. Кстати, чем обязана в такую рань?

Уж скоро полдень, а ей все рань.

— Кхм... Я... Дражайшая Эмине-ханым, — выдавил ан-Надм. — Позвольте задать вопрос, который, быть может, покажется нескромным... Когда вы последний раз встречались с вашим покойным братом?

Глаза кошатницы тревожно блеснули, но улыбка с лица так и не сошла, разве что сделалась еще более мерзкой.

— Ах, бедный мой братец, — пропела она горестно. — Такой молодой, такая потеря для всех нас... Я так страдала, так плакала, когда узнала о нем...

— Я не видел вас на похоронах, — заметил ан-Надм.

— Ах, я была разбита горем, — лицо Эмине переходило от смеющегося выражения к плачущему. — Я не могла подняться с постели.

Ты лжешь. Я вижу это в твоих глазах.

— Надеюсь, вам уже лучше сейчас?

— Спасибо, Малик, ты такой заботливый, — она погладила его по руке. — Да, мне уже лучше. Знаешь, — она перешла на шепот, — я ведь знала, что он должен умереть.

Вот так дела.

— Мир полнился черными знамениями уже много недель, — Эмине схватила ан-Надма за руку и склонилась к его уху. — Кровавая луна всходила, звери бесновались. Я нашла мертвую птицу у себя на балконе. Она лежала вот так, — ханым показала распростертую позу, — и я сразу поняла, что наш дорогой Озхан долго не протянет. Черный ворон кружил над моим домом и носил в лапах лавровую ветвь. Черный человек с саблей подбирается к нашему наследнику — так я подумала тогда.

Она чокнутая или издевается надо мной.

— Мм... а почему вы ничего не предприняли, чтоб защитить его?

— Как можешь ты говорить такое! Конечно, я пыталась, но ведь мне никто не верит. Я пыталась предупредить... Я рассказала отцу о моих опасениях.

— И что он?

— Конечно, высмеял меня! Ты безумна, сказал он, забудь и думать об этом! Не говори об этом ни с кем, иначе все сочтут тебя сумасшедшей.

Черный человек с саблей — это Гюль. Но хан... Почему он так повел себя? Неужели он?

—Что ж... благодарю, Эмине-ханым, — ан-Надм встал и раскланялся. — Беседа с вами приятна как ничто иное, но меня ждут дела.

— Ах, Малик, кого ты обманываешь, — отмахнулась Эмине. — Ты узнал то, зачем пришел, и я не нужна тебе более... Скажи, Малик. Я безумна?

— Ну что вы, конечно нет! — конечно да, но ты от меня услышишь только то, что хочешь услышать. — Надеюсь, до скорой встречи.

— Счастливого пути, Малик.

У ворот его ожидал Вишванатан.

— Что нового?

— Вишванатан выяснил кое-что.

Узнав про Гюля, покупавшего в аптеке ядовитые цветы, ан-Надм еще сильнее воодушевился. Значит, Гюль. Похоже, клубок начинает распутываться.

След

Хюсню Гюль как сквозь землю провалился. Никто не видел его после смерти Озхана. Он не появлялся на службе, а дома у него Вишванатана встретила заплаканная жена.

— Хюсню пропал, — заявила она, — я молю Всеотца, чтобы он был жив.

Последний раз Гюль виделся с женой в день похорон. Он был какой-то странный, подавленный и тихий, но ничего не говорил. Просто оделся, как обычно, и ушел — якобы на службу.

Ниточка грозила оборваться.

— Ну и где он может быть? — спросил Вишванатан сам себя, и тут же ответил: — Надо спросить кое у кого.

Кое-кем оказался полноватый тип неопределенного возраста и ужасно невзрачной внешности, одетый в пестрый халат и феску. Он сидел в прокуренной чайной «У Ибрагимбека» один, задумчиво потягивая ароматный отвар.

— Садык-джан, мир тебе, — Вишванатан учтиво поклонился.

— И тебе мир, ищейка, — Садык-джан сверкнул золотым зубом и сделал широкий жест рукой. — Присядь, выпей чаю со мной.

— Я разыскиваю одного человека, — сказал сыщик после того как половой ушел, расставив на столе чайную посуду и мисочки с сушеными фруктами. — Это Гюль, он живет здесь на Шелковой улице.

На стол, еле слышно звякнув, лег небольшой кошелек.

— Как же, Гюль. Хюсню Гюль. Знаю его. Начальник стражи во дворце мудрейшего хана, — кошелек так же бесшумно скользнул в рукав Садык-джана. — Говорят, он проигрался у Назима и попал в долговую яму. Говорят, это было в квартале Плотников. Надо поговорить с тамошним судьей.

Вишванатан собрался было подняться.

— Э-э, дорогой, зачем спешишь? Вместе пойдем, — скользкий типчик остановил его жестом. — Судья Муртафи тебя и слушать не станет. Важный человек. Надо подход знать.

Неспешно допили чай. Дневной жар уже начал спадать, но мозг Вишванатана по-прежнему кипел. Все-таки ночью работается лучше. А еще лучше — в подземелье. А еще у него была мечта уехать когда-нибудь далеко на север, где, говорят, всегда прохладно, а зимой и вовсе выпадает настоящий снег — такой, как бывает только на вершинах самых высоких гор. А на севере, говорят, он покрывает всю землю!

Судья Муртафи как раз проснулся после сиесты и вышел в зал заседаний, где он обычно принимал посетителей и вершил суд.

— Мир тебе, почтенный кади Муртафи! — Садык-джан, а за ним и Вишванатан, поклонились чуть не до пола. — Да будут небеса над тобою всегда чистыми! И да прольется лишь дождь изобилия над домом твоим!

— Доброго дня тебе, Садык-джан. Как сам, как отец?

— Благодарю тебя, все идет своим чередом, — учтиво отвечал Садык-джан. — Я надеюсь, и у тебя тоже, почтенный кади.

— Грех жаловаться, Садык-джан, хвала создателю, — кади кивнул. — А какие нынче погоды стоят! Мои крестьяне уж неделю как отсеялись.

— Да, год обещает быть тучным, если будет на то воля Всеотца.

Разговор, а по сути болтовня ни о чем и обмен приторными любезностями, затягивался. Вишванатан начал нервничать. Он плохо понимал обычаи столицы, даром что прожил здесь почти всю свою жизнь. Единственное, что он уяснил твердо — здесь правят деньги и связи. Неджды любят взятки золотом, а степняки — дорогим оружием, при этом и те и другие обожают лесть. Если ты знаешь, кому дать взятку, ты можешь все в этом городе. Ну, почти все.

— Ищейка! Подойди!

Вишванатан подошел и поклонился судье.

— Ты из района Лотосов, я погляжу?

— Это левая рука великого вазира, — пробормотал Садык-джан. — Большой человек, — опять легонько звякнули монеты в передаваемом кошельке.

Улыбка жирным слизнем выползла на лицо Муртафи.

— Очень рад принимать вас у себя, — он даже поклонился — немного, чтобы показать, что проявляет уважение, но не настолько, чтоб казалось, что он считает Вишванатана равным себе или — упаси Создатель! — заискивает перед ним.

— А я признателен вам, почтенный Муртафи, что нашли долю вашего драгоценного времени выслушать мой ничтожный вопрос, — смиренно произнес Вишванатан.

— И в чем же вопрос этот?

— Я ищу человека. Это Хюсню Гюль, начальник стражи во дворце. Говорят, он задолжал, и вы разбирали это дело.

— Гюль... — Муртафи деланно задумался. — Гюль... Ах, да, ну конечно! Три, нет, кажется, четыре дня тому назад. Помню такого.

— Мне нужно с ним поговорить. Где он?

— Я присудил ему три месяца работы на Назима, — сказал Судья. — Он проиграл в кости сто золотых!

— Три месяца?!

— Конечно! А как иначе он смог бы вернуть долг? Со службы его выгнали.

— Значит, он у Назима сейчас? Где его дом?

— Нет-нет, — Муртафи улыбнулся, — Гюль сейчас сидит в нашей тюрьме. Он наказан за неуважение к суду и за то, что побил стражников, которые его задержали. А еще, — судья понизил голос и наклонился так, что чуть задел носом ухо, — он напился пьян и клеветал на самого великого вазира! Мол, тот злодейски умертвил нашего наследника.

— Вот как? — Ан-Надм был удивлен. — Клеветал?

— Так сказал кади.

— С Гюлем надо побеседовать. Где он, ты говоришь?

— В тюрьме у Муртафи.

— Хм... Тогда вот что, — ан-Надм вытащил папирус и принялся что-то строчить. — Пойди в караул и возьми двух стражников. Вот грамота, — он протянул исписанный листок, — забери Гюля оттуда и переведи в государственную тюрьму.

«Взять двух стражников» оказалось не так-то просто. Они все были чем-то заняты. Вишванатан битый час препирался с начальником караула, и потом еще два часа ждал, пока назначенные ему люди освободятся, и солнце уж клонилось к закату, когда они, наконец, направились в тюрьму.

Тюрьма судьи Муртафи — то есть тюрьма района Плотников, портового района и района Ткачей — была невысоким круглым зданием почти без окон. Основная часть заключенных теснилась в камерах в подземелье, а верхние этажи занимали склады и помещения для охраны.

Стражник провел их на самый нижний, третий этаж вглубь земли. Свет поступал сюда через колодец в середине здания, но его все равно было недостаточно, а в камерах и вовсе царила мгла. Громыхнула решетча-

тая дверь, и свет факелов осветил тесное помещение. У дальней стены стоял Гюль. Лицо его перекосилось и посинело, язык высунулся наружу, а шею сжимала петля из скрученной рубашки, привязанная к крюку на стене.

То, что осталось

Утром Вишванатан снова отправился к жене Гюля.

— Плачь, женщина, — сказал он, — ибо муж твой умер в тюрьме, попав туда за долги.

Жена, однако, не ударилась в рыдания, только лицо ее словно превратилось в восковую маску.

— Я ведь чуяла, что он не жив уже, — сказала она тихо. — Никогда так надолго не пропадал. Он у меня ведь сильный, все беды ему нипочем. Всегда возвращался, пусть раненый, но приходил на другой же день.

Она накинула уличный платок и отправилась в Колодец попрощаться с телом Гюля, потому что умерших в тюрьмах хоронили на тюремном же кладбище, закрытом для посещений во веки веков.

Вишванатан же остался в опустевшем доме. Он не сказал женщине, что при осмотре тела обнаружил сломанные ребра и множество синяков — незачем расстраивать ее еще больше.

Вообще смерть Гюля поставила еще больше вопросов. Почему начальник стражи вдруг отправился играть к Назиму, почему напился, почему буянил в суде. Кто убил его — а в том, что это убийство, у Вишванатана не было никаких сомнений — и зачем. А главное — есть ли тут какая-то связь с его расследованием.

Поскольку хозяин дома уже не мог ничего сообщить, сыщик решил осмотреться — быть может, на вопросы сможет ответить сам дом.

Но уверенность таяла с каждой минутой. Вишванатан осматривал комнату за комнатой в немаленьком доме, но никаких зацепок не находил. Да и отыскать что-либо было довольно трудно: весь дом был завален невероятным количеством разнообразного хлама. Едва ли они использовали и десятую часть всех вещей, что заполняли весь дом, покрываясь толстым слоем пыли.

Однако удача одарила его краешком улыбки: в одной из комнатушек на втором этаже он увидел на полке свежий отпечаток в пыли. Небольшая узкая полоска, словно от случайного касания пальцем. Вишванатан проследил ее направление. За рядом бутылок и горшков чистый кружок в сплошном слое пыли говорил: здесь стоял небольшой сосуд, который недавно забрали. Сосуд из аптеки.

Воодушевленный, Вишванатан удвоил усилия, но все было тщетно. Когда последнее помещение в доме было обследовано, едва ли он смог бы похвастаться результатами многочасового труда. Ни документов, ни вещей. Лишь два более-менее подозрительных предмета.

Первым предметом была сабля Гюля. Это была не та сабля, с которой он ходил на службу. Красиво изогнутый клинок покрывали степные письмена, гласившие: «Не будет другого богатыря, подобного ветру и горé, кроме тебя. Славься, Айгюмюш, да падут злоумышляющие против тебя». Это была цитата из степного эпоса о Лунном богатыре — великом герое древности. Писать эту цитату на мечах было многовековой традицией. Однако здесь надпись была немного другой, будто короче, чем нужно. Вишванатан не знал степного письма, но смутно припоминал правильный вид этой надписи.

Второй предмет был странным не только для начальника ханской стражи, а и вообще для столицы Востока. Небольшая статуэтка — олень с большими ветвистыми рогами, работа мастеров-косторезов с да-

лекого севера. На рогах олень нес золотой шарик, очевидно, изображающий солнце.

Ни один из этих предметов пока не приближал его к разгадке; впрочем, и это было неплохо.

Ан-Надм выслушал отчет, разглядывая подозрительные предметы.

— «Быстрее ветра, острее воды, холоднее льда, горячее пламени».

— Что?

— Написано на сабле, — пояснил вазир. — Не знаю, откуда это.

— Мы в тупике, — заключил Вишванатан. — Гюль — последнее звено, и оно лопнуло. Дальше идти некуда.

Лицо ан-Надма вдруг осветилось.

— Еще как есть, — ухмыльнулся он. — Значит так. Ты займись саблей. Покажи ее шейху Абади аль-Хасабу, он старший оружейник. Он должен знать, откуда она. А оленя я беру на себя.

Когда сыщик ушел, великий вазир еще раз осмотрел дивную резьбу по кости. Олень был прекрасен. Что ж, не так уж и важно, откуда ты взялся. Очень хорошо, что ты попал мне в руки. Теперь ты послужишь мне.

Оружейник

Район Кузнецов, где размещались оружейни, занимал северо-западный конец города. Воздух здесь пропах дымом и горелым железом, а по улицам разносился непрерывный звон сотен молотков, гудение пламени, шипение закаляемой стали. Этот квартал недолюбливали, называя филиалом Симиуса за вечные столбы дыма и лязг металла. Впрочем, многие мастера здесь и вправду были приезжими в первом-втором поколении. Увы, искусство обращения с железом на Западе развито куда выше, чем у нас. Найти хорошего кузнеца в Неджде трудно, а в степи их и вовсе нет.

А в холодной стране Дагыстан, что лежит далеко на северо-запад от столицы, говорят, кузнец есть в каждой деревне.

Впрочем, были и на Востоке мастера, способные заткнуть за пояс любого западного оружейника. К одному из таких и держал путь Вишванатан. Шейх Абади был начальником в большой мастерской, принадлежавшей одному из неджджских вельмож (говорили, эта мастерская была лучшей в стране, а то и в мире). Он встретил сыщика прямо в рабочем помещении, одетый в кожаный фартук и шляпу, с клещами в руке.

— Мир тебе, мастер, — сказал Вишванатан. — Я пришел от великого вазира Малика ан-Надма.

— И тебе мир, — мастер отложил клещи. — Что нужно великому вазиру? Новый кинжал еще не готов, я посылал сообщить на прошлой неделе...

— Нет-нет, я по другому поводу, — Вишванатан вытащил из свертка тряпья саблю Гюля. — Что ты можешь сказать об этом?

Мастер надел перчатки и осторожно принял у него саблю, долго вертел ее, сгибал, смотрел одним глазом вдоль клинка, постукивал по нему костяшками пальцев и слушал звон, пробовал ногтем остроту.

— Отменная работа, — сказал он наконец. — Немного мастеров нынче способны на такое. Да это и не нынешняя сабля, ей лет пятьдесят, не меньше.

— А что это за...

— Надпись? Да, это, пожалуй, самое важное здесь. «Быстрее ветра, острее воды, холоднее льда, горячее пламени», — мастер прищурился. — Я, признаться, уж и не верил, что когда-то увижу такой клинок.

— А что с ним не так?

— Что? Ты правда не знаешь?

— Нет, — признался Вишванатан. — Надписи на мечах делают многие...

— Да, но не эту, — шейх Абади вернул ему саблю и снял перчатки. — Это девиз ордена Аль-Ансар, что

означает «Помощники». Изначально они были телохранителями пророка Джабраила, а когда он умер — поклялись защищать его учение.

— Аль-Ансар? То есть они до сих пор существуют? Но ведь всем известно, что их истребили много веков назад!

— Этот клинок лишь говорит нам, что они существовали, — пожал плечами мастер. — И не так давно, этой сабле не больше сотни лет. Откуда она у тебя?

— Ее владелец... недавно умер. Мы нашли ее в его вещах. Никто не знает, откуда она у него.

Оружейник вдруг ушел куда-то вглубь мастерской, не сказав ни слова. Он долго отсутствовал, Вишванатан даже успел завернуть саблю в ткань, развернуть и снова завернуть.

— Вот.

Мастер держал в руках обломок клинка. Вишванатан повертел его в руках. Тот же металл, такой же рисунок булата, такие же буквы надписи.

— Этот кусок младше меня на десять лет. Клинок, от которого он осечен, выковал недждский мастер Али Абу-Бакр аль-Джабали. Твой, по-видимому, тоже.

— И что это значит?

— Ничего. Теперь ты просто знаешь, откуда взялась твоя сабля.

Вишванатан немного расстроился. Это, конечно, была полезная информация, но он рассчитывал на большее. Поэтому он раскланивался с таким удрученным выражением лица, что шейх Абади не выдержал.

— Я сказал все, что знал, не суди строго, — сказал он. — Поезжай в Тарсис. Иди к Реджеп-бею. Он собирает редкое оружие. Быть может, он сумеет сказать больше.

Простое решение

— Что это?

Золотой шарик на рогах костяного оленя ярко блестел в лучах света, падавших из окна.

— Солнечное божество севера, — сказал ан-Надм.

— Что? Откуда это?

— Гюль. Он был предателем. Он служил императору Запада. Он предал истинную веру ради языческого солнцепоклонства. Вот доказательство.

Ноздри хана раздулись, а щеки покрылись пятнами. Такое бывало, когда он подавлял в себе гнев. Наружу не прорывалось почти ничего. Хан лишь занес кулак, чтобы разломать ненавистную статуэтку, но и тут сдержался.

— Убери это и уйди.

— Он убил...

— Уйди!

Ан-Надм повиновался, спрятав оленя в рукаве. Теперь все сомнения уж точно развеяны.

Вазиры большие и малые уже, как обычно, сидели в зале дивана. Они еще не знают, что он им скажет сейчас. Кто-то, возможно, лишь догадывается. Как они воспримут это?

Хан вошел в зал, сел на свое место и объявил:

— Мы приняли решение. Мы начинаем войну с Западом.

Все молчали. Почему вы молчите? Неужели вам нечего сказать?

— Почтенный Абу Вафик! — тот поклонился. — Вы в ответе за войска, потому мы велим вам: отыщите в Степи наших братьев Шамаля и Самира. Их орды нужны нам. Найти их будет трудно, но вы справитесь. Доставьте мне четыре... нет, шесть тысяч конных воинов. Если будет меньше хоть на одного — вы пойдете в бой вместо них.

Абу-Вафик снова поклонился, но на этот раз его лицо выражало ненависть.

— Почтенный Филимон! — Айманикиду привстал с кресла и снял свою шапку. — Мы запрещаем вывоз продовольствия из столицы. Все корабли следует досматривать и задерживать. Конфискации пока не проводить, — на лице вазира отразилось сомнение. — Нам нужны запасы на случай длительной осады. Вообще подсчитайте все наши наличные припасы и доложите.

Филимон кивнул и сел обратно.

— Почтенный Файдуддин! — продолжил хан. — А вы подсчитайте, каковы будут наши расходы на все это. Достаточно ли казны.

— Да вот не думаю... — начал было Файдуддин-паша.

— Не сейчас, — прервал его хан. — Не надо думать. Посчитайте. Теперь шейх Вали. Удвоить уличную стражу. Объявите, мы запрещаем выходить на улицы с полуночи и до рассвета. Всех нарушителей задерживать и допрашивать.

Шейх Вали поклонился.

— Что-нибудь еще? — хан вопросительно уставился на своих вельмож. Филимон Айманикиду снова снял свою шапку и сказал, запинаясь:

— Мудрейший из мудрых, я... Такое сложное решение, война... Я, право, не уверен, время ли сейчас для таких вопросов...

— Это простое решение, почтенный Филимон, — уверил его хан. — Что за вопрос?

— Ученый из Тарсиса, о сиятельнейший. Прибыл два дня уж как, и требовал выслушать его. Дело интереснейшее... да. И я взял на себя смелость отнять немного вашего драгоценнейшего времени...

— Давайте его сюда, —хан демонстративно зевнул. — Незачем тянуть.

Ученый оказался полноватым старичком, закутанным в бесформенный линялый балахон. Он был

лыс, бородат и обут в странные сандалии из черной кожи, а на голове его красовалась высокая шапка из овечьего меха — типичный житель Мраморных островов. За ним семенил щуплый мальчик лет десяти, одетый так же странно; под мышкой у него была зажаты свернутые трубочкой папирусы и кожи. Ученый прошлепал в середину зала, раскланялся и начал свою речь.

— О величайший из великих! Позволь мне занять немного твоего времени своей недостойной речью. Я пришел сюда, чтоб рассказать об удивительнейшем открытии.

Хан уставился на него с плохо скрываемым презрением.

— Много лет я провел в странствиях по городам Запада и Востока, — сказал ученый. — Семь лет прожил в попытках понять природу земли. Ведь когда корабль уходит от берега, он пропадает за горизонтом, будто бы вода не плоская, но выпуклая. Семь лет я думал и понял, наконец, что земля наша не плоская, но подобна шару, а мы живем на его поверхности.

Мальчик развернул папирус, на котором был нарисован круг, изображающий землю. По ее поверхности бежали люди и плыли корабли.

— Это богохульство! — заявил Абу-Вафик. — Ибо написано у пророка: «Слава его достигла краев земли». Значит, у земли есть края. Думать иначе — грех!

— Прошу извинения, о мудрый вазир, но все опыты, проведенные мною, говорят, что я прав, и что земля наша действительно шар.

— Это проделки шайтанов! — не унимался Абу-Вафик. — Они для того и созданы, чтобы отвращать людей от Послания.

— Но если даже ты прав, ученый, — подал голос хан, — что это изменит? Какое дело человеку, плоска земля или кругла, если она все равно бесконечно боль-

ше его, и ему не пересечь ее, хоть бы даже он всю жизнь шел по ней?

— В этом и состоит мое главное открытие, — ученый поднял палец. — Земля не так велика, как считается. Корабль обогнет ее за два месяца, не более.

— Обогнет? И куда он прибудет? — ан-Надм удивился.

— Он вернется обратно, к самому началу пути.

— Кощунство! — закричал Абу Вафик, потрясая корявым пальцем. — Этот человек — опасный еретик и должен быть казнен, о мудрейший!

Философ немного попятился, его мальчик тоже выглядел испуганным.

— Это же оскорбление Всеотца! — разбрызгивал слюну Абу Вафик. — Ведь если земля конечна, то значит и могущество Всеотца конечно, будучи ограниченным ею! Но это не так! Поэтому считать так — богохульство! Даже мысли такие исходят от пустынных шайтанов, не говоря уж про слова! — он выхватил кинжал.

— Успокойтесь, почтенный! — Файдуддин, сидевший рядом с разбушевавшимся вазиром войск, тоже вскочил и преградил тому дорогу к перепуганному ученому. Абу-Вафик разошелся еще сильнее, изрыгая проклятие за проклятием. Незаметно все присутствующие подключились к перепалке, и снова зал дивана стал похож на базар в момент поимки карманника.

— Вон отсюда все! — заорал хан. — Все до одного!

Помещение опустело, только ан-Надм остался стоять у трона в растерянности.

— Все — это и ты тоже!

— Ваше слово — закон, — великий вазир кивнул и скрылся за шторой.

Кладбище

Тьму сменил свет — добрый, золотистый. Он наполнил ее тело легкостью и приятным теплом. Сознание не хотело включаться, чтобы не разрушить состояние покоя и блаженства. Алов просто плыла в море волшебного сияния. Если бы это продолжалось вечно!

Озхан.

Имя всплыло из глубин спящей памяти, как поплавок, и тут же вытянуло вслед за собой невод ассоциаций, полный рыб-воспоминаний — плохих и хороших — и струи мыслей хлынули во все стороны, смывая и гася золотые искры счастья. Алов проснулась.

Луч солнца, окрашенный причудливым витражом в теплые цвета, веселым узором падал на ее постель и разбиваясь на тысячи лучиков освещал небольшую келью — грубые каменные стены, древний крестовый свод и настоящий череп, висящий над дверью.

Сементериум. «Помни, что смертен» — девиз этой религии, кости, черепа и гробы — символы ее. Удивительно, как такое мрачное учение сочетается с безмятежностью и жизнелюбием его жрецов. Надо будет как-нибудь изучить их догматы.

Ступни ощутили приятную прохладу мрамора, отполированного подошвами тысяч людей, и Алов осмотрела себя. Ее одежда и обувь исчезла, а на ней теперь было надето свободное платье из простого полотна. Ну надо же.

За тяжелой дверью оказалась галерея, выходившая на небольшой двор. Алов умылась слегка мутноватой водой из старого фонтана у стены и услышала пение.

Небольшой хор пел без слов. Мелодия была спокойная и немного грустная, она переливалась, как флаг на ветру. Алов пересекла двор и вошла в часовню.

Пятеро служителей Сементериума стояли у дальней стены и выводили удивительную мелодию, глядя в нотные листы, а посередине зала стоял Дубб с чашей в руках. Он поднял ее над головой и мелодия внезапно оборвалась.

— Да будет благословенна вода сия, — Дубб говорил по-ромелийски со своим смешным лесным акцентом, — и преисполнится света, и наполнит жизненной силой пьющего ее. И смерть, что ждет у порога, подождет еще один день; а если все же войдет в двери сегодня, да будет милостива и легка. Истинно так.

— Истинно так, — пропели хористы, и служба закончилась.

— Прошу в трапезную, принцесса, — Дубб поманил ее за собой. — У нас как раз обед.

Обедали молча: Алов была слишком голодна, а у жрецов было не принято говорить за едой. В этом смысле Ярелл был вопиющим исключением.

Обильная, хоть и простая, пища начала снова увлекать Алов в объятия сна. Она вышла во двор к фонтану, прятавшемуся в тени деревьев, но его журчание и легкий ветерок только все усугубили. Даже умывание не помогало, и Алов начала клевать носом. К счастью, в это самое время появился Дубб.

— Как ваше самочувствие, принцесса? Вы спали так долго...

— Долго? Но ведь сейчас лишь полдень.

— Вы проспали весь вчерашний день и всю ночь.

Ну и дела. Видимо, сказались две бессонные ночи и все переживания последних дней.

— Я чувствую себя замечательно. Где моя одежда?

— Мы почли за честь постирать ее, принцесса. Вы можете получить ее назад, как только захотите.

— Я хочу прямо сейчас, — Алов припустила металла в голос. — Мне пора.

— Куда вы собираетесь? — Дубб обеспокоился.

— Я пойду за Мост, в Шемкент. Я хочу посетить м... могилу... — голос опять дрогнул и не дал закончить фразу.

— Вам нельзя идти туда одной, принцесса, — Дубб был очень встревожен. — На улицах неспокойно, а в заречье и подавно.

— И что, ты не пустишь меня? Запрешь здесь?

— Нет, конечно нет, принцесса. Кто я таков, чтобы указывать вам. Я лишь прошу вас взять с собой брата Киви. Он сможет защитить вас в случае чего.

Дубб был прав. За рекой вообще настороженно относились к северянам, а сейчас подозрительность наверняка сменилась враждебностью. Алов, конечно, предпочла бы отряд дворцовой гвардии, но за его неимением и жрец сементериума был бы кстати.

Брат Киви оказался здоровенным северянином из Десятиречья, еще толще Ярелла и на целую голову выше. Пшеничная его борода была заплетена в косу, и волосы вероятно тоже, но они скрывались под просторным капюшоном. Впрочем, и без волос никаких сомнений в его происхождении не было. Оставалось только надеяться, что хотя бы его размеры отпугнут коварных южан, которые могут покуситься на ее жизнь. Алов вздохнула и натянула капюшон поглубже.

Мост был почти безлюден. Покупателей было необычно мало, а многие лавки вообще закрылись. Алов старалась вести себя спокойно, но опустевшие торговые ряды вселяли в нее какой-то безотчетный страх. Ей казалось, что торговцы и покупатели следят за ней, а какой-то одноглазый южанин в чалме даже как будто погрозил ей своим кривым кинжалом. Жара становилась нестерпимой. Солнце пламенело в белесом небе и нещадно утюжило землю ослепляющими лучами, отчего тени казались густыми и черными, а краски поблекли, и звуки рынка растаяли вместе с ними.

В тишине они подошли к воротам Шемкента — полукруглой арке из резного черного мрамора. Алов

поежилась — чуждая архитектура Востока никогда не нравилась ей.

Улицы города были еще страшнее. Солнце зажгло белым огнем стены домов, обуглило черные колонны и башни, разлилось расплавленным железом по мостовой и уползло в зияющие черные пасти переулков. Редкие прохожие перебегали туда и сюда, как пустынные духи. Вдалеке завел свою заунывную молитву жрец-единобожник. Алов вдруг осознала, что у нее нестерпимо болит голова, причем уже давно. Каждый шаг гулко, как большой колокол, звенел в пустоте.

Наконец, они достигли цели. Старое кладбище Шемкента было построено на месте некрополя древнего полиса Симеос, стоявшего тут тысячелетия назад; кое-где даже сохранились античные саркофаги. За века, прошедшие после заключения Великого Мира, оно оказалось в городской черте. Людей тут уже не хоронили, за исключением нескольких благородных фамилий, некогда построивших здесь свои склепы.

В самой середине кладбища, на Ханском холме, нашел последний приют наследник дома Демиркол. Простой камень в виде буквы «Т» стоял над свежей могилой, исписанный по-горизонтали причудливыми неджскими письменами, а по-вертикали — не менее причудливыми письменами степняков, из которых происходил Озхан.

Алов рухнула на колени, не в силах более стоять. Здесь кончилось все. Кончилась ее жизнь — такая, какой она ее знала. Что будет дальше? Ей стало страшно, и слезы полились из ее глаз. Она сжала в кулаках комочки земли, чтобы не разрыдаться.

Так она просидела довольно долго, словно в каком-то полусне. Крик чайки, невесть зачем пролетевшей над могилами, привел ее в чувство. Голова больше не болела, сознание было чистым.

— Приветствую, — сказал знакомый голос откуда-то сзади.

Алов встала и обернулась. Эсме, сестра Озхана, тоже была одета в плащ с капюшоном, только более изящный.

— Приветствую, Эсме. — Слова не шли наружу, и воцарилось молчание.

Внезапно Эсме шагнула вперед и обняла ее.

— У нас мало времени, поэтому просто слушай. Я знаю, ты любила его, — ее шепот был еле слышен, а волосы пахли мятой. — Пообещай мне, что ты поможешь мне позаботиться о нем, когда все закончится.

— Что?

— Отец похоронил его, как требует Досточтимое Послание. Отец впал в мукаррамовскую ересь. Но Озхан не принял Послания. Он остался верен нашим богам. Как и я.

Вот так новость.

— Когда все закончится, я должна выкопать тело брата и предать его огню. Иначе дух его будет страдать, носясь между землей и небесами.

— Что закончится?

— Война. Война приближается. Отец готовится напасть на вас. Грядут непростые времена, и кто знает, переживем ли мы их. Поэтому я и прошу тебя об этом. Если выживешь ты, а не я — сделай это. Ради меня. Ради него.

Алов была поражена.

— Но почему ты говоришь мне о войне? Разве это не тайна? Ведь я же враг.

Эсме пристально посмотрела ей в глаза.

— Конечно, отец держит в тайне свои планы. Но я не хочу войны. И ты не враг мне. К тому же мне кажется, это он виноват в смерти брата.

— Когда?

— Я не знаю точно. Может быть, неделя, десять дней. У отца недостаточно войск в столице. Он будет собирать их в Степи, а на это нужно время. Но долго ждать он не намерен.

Эсме выпустила Алов из объятий.

— Прощай. Мне уже пора, — она сделала несколько шагов прочь и добавила, обернувшись: — Да хранит тебя Небо.

Алов проводила взглядом удаляющуюся фигуру, пока та не скрылась за лесом надгробий, а затем поискала взглядом Киви. Тот прятался под старой оливой, но при его габаритах он мог бы с тем же успехом прятаться за копьем. Увидев, что Алов осталась одна, он выбрался из укрытия, отряхнулся и подошел к ней.

— Мне нужно увидеть отца. Сейчас же.

Недобрые вести

Стражники почтительно расступились, и принцесса вошла в зал заседаний. Исмарк, читавший вслух какое-то послание, осекся на полуслове, и в гробовой тишине все уставились прямо на нее, кто-то с удивлением, кто-то с тревогой. Отец же смотрел на нее с яростью.

— Что это значит, принцесса? — голос его уже сочился гневом. — Вы должны быть не здесь.

— Не в это время, отец. Война грядет. Хан Востока замышляет вероломно напасть на нас.

Министры зашумели.

— Откуда тебе это знать?

— Мой источник надежен... и он очень близок к хану. Война приближается. Твои предчувствия не обманули тебя, отец.

Император кинул быстрый взгляд на Исмарка. Тот еле заметно кивнул.

— Их войско слабее нашего... и они это знают. Либо они ударят внезапно, либо соберут побольше сил. К тому же внезапность они уже потеряли.

— У нас есть неделя. Они уже собирают воинов в степи, — Алов помолчала и услышала, как кто-то при-

свистнул. — Надо думать, армия востока будет огромной.

— Император, — Исмарк повернулся к трону. — Нужно сейчас же, немедленно сзывать все имеющиеся войска. В первую очередь...

— Я понимаю. Принцесса! — Император даже встал. — Ты сегодня же отбываешь кораблем в Ромулус. Приведи сюда легион, не меньше. Туда три дня пути, и столько же обратно. Надеюсь, ты успеешь.

— Успею, ...император, — Алов поклонилась.

В порту было людно всегда. Небольшому отряду приходилось буквально протискиваться между тюков, штабелей, бочек, сетей и снующих туда-сюда моряков и рабов.

Корабль «Летучая рыба» приткнулся между двумя пузатыми грузовиками, на фоне которых он выглядел совсем хрупким, тоненькие мачты и снасти ловили в черную сеть заходящее солнце. Капитан Тимеос, уроженец одного из островных полисов, поприветствовал принцессу и даже поклонился, а в сторону Киви лишь скорчил презрительную гримасу. Рабы оставили свою поклажу на палубе и сошли на берег, сходни были убраны и корабль пришел в движение.

Алов разместилась на носу и принялась наблюдать, как жалкая горстка матросов лихо управляется со снастями. Они бегали туда и сюда, подчиняясь непонятным приказам капитана, но беспорядочность была лишь кажущейся. Корабль вышел из гавани, распустил широкие паруса и помчался на закат. Алов понаблюдала немного, как погружаются в пучину стены и башни столицы, а потом повернулась вперед, подставив лицо последним лучам заходящего солнца, порывам ветра и соленым брызгам.

— Хороший ветер, — капитан подошел и встал позади. — До полуночи продержится. «Летучая рыба» — быстрый корабль. Домчит до Ромулуса за два дня!

— Угу.

Алов не хотелось общаться.

— Ночью море коварно, принцесса. Спуститесь вниз, когда стемнеет.

Капитан ушел. Алов вдохнула влажный остывающий воздух и закрыла глаза. Она снова летела, но теперь это было иначе. Вода пугала ее — незаметно, неощутимо; страх таился где-то на задворках сознания, не давая расслабиться полностью и насладиться полетом. Все-таки море — не ее стихия. Она предпочла бы лошадь, но,увы, никакая лошадь не сравнится в скорости с хорошим кораблем. А с «Летучей рыбой» и подавно. Она и ее капитан верно служили империи — а точнее, непосредственно дому Вреддвогль — уже восемь лет. Не было порта во Внутреннем море и водах Запада, где бы ни видели ее узкие паруса. А уж Мраморные острова капитан знал как свои пять пальцев.

Алов открыла глаза и чуть не вскрикнула: так неожиданно темна была ночь вокруг. Легкий туман, поднявшийся от воды, полностью поглотил горизонт и сделал звезды едва различимыми мягкими пятнышками. Еще раз вдохнув соленый ветер, она отправилась к себе в каюту.

Сон, однако, не шел. Страх, который на открытом воздухе только показывал у границ восприятия свои колючие плавники, в темноте каюты выполз целиком и закачался в воздухе, размахивая светящейся удочкой на голове. Алов отчетливо ощутила водяную бездну внизу — холодную и темную, полную жутких созданий, врагов рода человеческого. Она представила, как медленные черные волны вздымаются до небес и поглощают «Летучую рыбу», как вода срывает дверь и наполняет каюту, как тяжесть сдавливает ее грудь, выгоняя оттуда последний вздох.

Нет, так не может продолжаться.

Алов с трудом оделась в кромешной темноте каюты и выползла на палубу.

Ветер уже почти утих, и туман рассеялся. Луна наполнила водную гладь тысячами серебряных искр, которые сверкали ярче, чем крупные звезды, усеявшие ясное небо. Паруса чуть слышно похлопывали при легких порывах ветра, да легкая рябь с шелестом разбивалась о борта судна.

Алов прошла на нос и встала на самом краю. Теперь она словно парила в воздухе над поверхностью моря — нет, над звездным небом, среди миллионов светящихся точек, круживших в дивном танце вокруг нее.

— Не спится? — Киви, оказывается, тоже был тут. Он сидел прямо на палубе в тени у передней мачты. — Мне тоже.

— Так красиво.

— Да. Лучше всякого сна, — голос Киви был глухим и низким.

— Море совсем не страшное, когда оно так спокойно, правда?

— Море никогда не страшное. Оно прекрасно. Всегда. Когда спокойно и когда штормит. Днем и ночью. Летом и зимой.

— Я боюсь его... боялась. Сейчас нет.

— Ты боишься не моря, а смерти. Все люди боятся. Победи этот страх — и жить станет приятно вдвойне.

Алов замолчала. У похоронщиков все оно на уме.

Но ведь прав Киви, прав. *Смерть* страшна.

— Но как? Как не бояться ее?

— Припади к сени Церкви, и будет тебе утешение, — ответил жрец словами Ярелла.

Может и правда припасть?

— Скажи, у тебя есть книги? Книги о вашей церкви?

— Да, принцесса, — Киви поднялся. — У меня в каюте. Я могу принести.

— Принеси. И возьми фонарь. При одной луне читать вредно для глаз.

Челядь

Пятеро человек выстроились по струнке посреди комнаты, боясь даже вздохнуть, а ан-Надм, напустив на себя свирепый вид, прохаживался перед ними, то и дело задерживая взгляд на том или ином из них.

В темном углу сидел ханский палач в полном облачении и с топором — ан-Надм вызвал его для создания гнетущей атмосферы.

Четверо слуг покойного наследника и новый повар. Слуги были ан-Надму знакомы, а вот повара он видел впервые, и это его удручало. Это значило, что хан опять самоуправствует, заменяя людей направо и налево. Во-первых, это было просто опасно — мало ли, что это за новые люди. А во-вторых, это шло вразрез со стремлением ан-Надма контролировать всех и всё во дворце.

— Шаг вперед, — великий вазир махнул пальцем. Повар подпрыгнул как ошпаренный и метнулся на указанное место. — Кто таков?

— Я... я... повар, о светлейший величайший вазир...

— Имя?

— Му... Мухуддин, о светлейший, Мухуддин Ылыклык.

— Как попал на кухню?

— Так ведь... Дядя мой, Батыр Сиркеджи, он же поваром у великого хана... Он испросил высочайшего соизволения... А там как раз один из поваров у... умер, отравился... Ну, меня и взяли...

— Отравился?

— Да... Говорят, рыбою. Есть такая рыба, знает ли великий вазир, рыба-пузырек, потому что она надувается как пузырь... Она очень вкусна, если правильно приготовить ее... А если неправильно, то смертельно опасна...

Мухуддин забормотал про рыбу, а ан-Надм задумался. Да, повар отравился как раз с неделю назад, но вроде не насмерть. А выходит, что умер. Почему ему не сообщили, интересно узнать. Ну и потом, рыба, значит. А если нет? Надо будет послать Вишванатана, пусть проверит труп, если конечно там что-нибудь осталось.

— А может, это ты и отравил его? — ан-Надм подпустил в голос свирепости.

— Да что... Да я... Как... — несчастный Мухуддин покрылся пятнами, — О величайший вазир, я не отравлял его! Я и знать не знал о нем!

— А может, ты врешь мне? А сам отравил повара? А может, и еще кого-нибудь? — либо сейчас выдаст себя, либо невиновен. — Что если тебе пообщаться с палачом? — Палач, стоявший в углу, звонко провел пальцем по лезвию своего топора.

— Никого я не травил! — Мухуддин упал на колени, он почти плакал. — Не вели казнить, о вазир! Я ни в чем не виноват! Я не умею готовить рыбу-пузырек и никогда бы не взялся за нее! А то, что тебе говорили про баранину — правда, я выбросил ее в окно, но это только потому, что по ней ползали мухи, а светлейшему хану негоже кушать еду, засиженную мухами! Потому я и выбросил ее, а не чтобы украсть ее!

— Свободен, — ан-Надм пренебрежительно махнул рукой, и Мухуддин стрелой вылетел из комнаты.

— Теперь вы.

Слуги раскололись еще быстрее. Ан-Надм обогатился знанием о том, что оруженосец наследника вступил в противоестественную связь с одним из стражников, что постельники подворовывают еду и мелкую посуду, а писец, которого он сам же и приставил к наследнику, злоупотребляет опийным кальяном и часто обманывает наследника и вообще всех вокруг, выпрашивает деньги в долг, и не возвращает их.

Самым главным достижением было то, что он убедился: все слуги не имеют к отравлению никакого отношения.

А вот дядя трусливого повара — другое дело. С ним нужно поработать.

Кухня

Батыр Сиркеджи пропал. Просто не пришел утром на кухню. Послали к нему домой, но никого там не застали. Стражники порыскали по кварталу, поспрашивали, но, само собой, безуспешно — кто же просто так расскажет стражнику что-то важное.

Повторялась история с Гюлем, и ан-Надм кусал губы от злости. Где этот Вишванатан, когда он так нужен? У него есть связи среди преступников, он может найти кого угодно в самых глухих трущобах. Сейчас эти связи очень бы пригодились. Как только вернется из Тарсиса, непременно отправлю его на поиски.

Выяснить удалось лишь, что единственный родственник пропавшего повара — юный Мухуддин. Придется поговорить с ним еще раз.

Тот уже во всю работал на кухне, крошил большие луковицы в огромный чугунный котел. При виде ан-Надма он побледнел и выронил нож.

— Где Батыр?

— Я... я... — несчастный не мог и двух слов связать.

— Когда ты его видел последний раз?

— В... вчера, — Мухуддин смахнул слезы от лука. — Здесь, на кухне.

— На кухне?

— Да. Домой он не приходил.

— Он говорил что-нибудь? Что-то подозрительное? Собирался куда-то?

— Да нет же... Никуда он не собирался... кажется.

— Кажется? Или не собирался?

— Не собирался. То есть не говорил ничего такого.

— А что говорил?

— Да ничего... Я даже удивился. Он все больше молчал, а обычно ведь не умолкнет.

— Почему? Что-то случилось?

— Да нет же, ничего, — Мухуддин задумался.

— Может, он встречался с кем-нибудь? С кем-то говорил?

— Да ни с кем же! Только со мной и говорил... — тут повар побледнел еще больше, хлопнулся на четвереньки и завыл: — Не вели казнить! Это ж я ему вчера сказал, что ты про него у меня справлялся и про Фуркана — ну, который отравился! Как сейчас помню, рассказал ему все, про что мы с тобой говорили, а он сразу так притих и говорит мне, ты, мол, Мухуддинджик, не волнуйся, говорит, мол, все хорошо будет. Ну и все.

— И все?

— Да. Потом мы не говорили больше, а потом я пошел домой, а он тут остался. Больше я не видел его, клянусь бородой Пророка.

Теряешь хватку, подумал ан-Надм. Упустил повара. Отложил на завтра такое важное дело — и все, конец. Теперь ищи его — свищи. И государственные задачи тебе не оправдание! Наследник отравлен, что может быть важнее этого, государственнее. Так, глядишь, совсем впадешь в маразм и превратишься в Абу-Вафика. А на твое место возьмут кого помоложе да поцепче.

От этих мыслей великий вазир разволновался не на шутку. Сейчас без Вишванатана он как без рук. Что за глупости: великий вазир Востока, второй человек после хана, зависит от какого-то безродного цветочника! Ну, не совсем безродного, тот вроде происходит из какого-то довольно знатного по цветочным меркам рода. То есть касты. Но все равно, кто он и кто я — а поди ж ты.

И ведь случись что с Вишванатаном — ты тоже пострадаешь, Малик. Ты слишком многое ему доверяешь, слишком много позволяешь, слишком надеешься на него. Надо избавляться от этой зависимости. Нет, определенно, когда он вернется из Тарсиса, мы покончим с этим делом об отравлении, а потом придется отправить его на покой.

Груз

Порт Симиуса, зажатый с одной стороны длинной косой, намываемой речным течением, а с другой — полого уходившими под воду ступенчатыми меловыми скалами, был всегда в движении. Корабли большие и малые теснились в довольно узком проливе, круглые сутки сновали внутрь, к причалам, и наружу, на вольные воды. Даже по ночам в порту кипела жизнь, пусть и не так, как днем.

После смерти Озхана Демиркола, впрочем, все изменилось. Уже не так много кораблей стояли на якоре в море, ожидая своей очереди на разгрузку, а ночью таможню и вовсе стали закрывать: никто не приходил в темноте. Вести расходятся быстро по Мраморным островам, и торговцы прячутся в своих убежищах, опасаясь войны и пиратов, которые только и ждут смуты и неурядиц.

Эвримах Леониди был еще не стар, но опытен. Корабли, даже самые большие и неповоротливые, под его руками вели себя как послушные лошади. «Сам бог морей и ветров дал ему этот дар» — говорили одни, а другие шептали: «Он принес в жертву морю свою жену и сына в обмен на власть над кораблями».

Поэтому Исмарк выбрал именно его. Провести корабль из Фемоса в Симиус — невелика заслуга, но условия были едва ли реальными. Во-первых, это был огромный грузовик, один из самых больших. Два

ряда весел, шестьдесят гребцов, два косых паруса. Во-вторых, идти предстояло ночью, а это значит — против бриза, а времени на путь отпущено очень мало. И в-третьих, никто не должен ничего узнать или увидеть. То есть и команда должна быть небольшой и проверенной многократно.

Было еще и в-четвертых: никаких толчков, резких поворотов и даже качки. Не говоря уж о столкновениях или даже ударах о причал.

Леониди хмыкнул и согласился.

Переход удался. Еще не забрезжил рассвет, когда грузовик подошел к столице. Порт был открыт и расчищен от кораблей, которые сгрудились западнее по побережью. В полной темноте Эвримах подвел корабль к причалу, не задев ни песчаной косы, ни погашенного маяка: его морское чутье никогда не ошибалось. Сходня легко стукнула по мостовой, и моряки ступили на берег. Порт был темен, но не пуст: их ждали.

— Вы гений, Леониди, — Исмарк почтительно поклонился. — Я, признаться, в вас сомневался, но совершенно зря. Не желаете ли поработать на армию империи?

— Нет уж, увольте, — Леониди поклонился в ответ. Работать на армию означало лишиться того, что он ценил больше всего — свободы.

— Ну, как знаете. Разгружай! — Исмарк махнул рукой, и на корабль устремился поток солдат. Это были лучшие янычары хана.

С невероятной осторожностью, какую не ожидаешь от закаленного в боях воина, они спускались в трюм, извлекали груз и уносили его на берег, в темноту складов. Небольшие глиняные сосуды квадратной формы для удобства хранения, с плотно запечатанными крышками. Тысячи их.

— Что мы хоть везли-то? Почему такие предосторожности?

— А? — Исмарк не сразу понял вопрос. — Это неважно, Леониди. Главное, вы выполнили вашу работу блестяще. Теперь вам нужно исчезнуть на время. Отправляйтесь к себе в Тиры, отдохните. Никто не должен узнать об этом, — он кивком указал на снующих туда-сюда янычар.

Первые лучи солнца застали грузовик уже в море. Леониди шел в Тиры — свой родной город. Сундучок с золотом, который теперь прятался в его каюте, прекрасно заменил ему всякие объяснения. Работа как работа, ничего особенного.

Коллекционер

Город Тарсис испокон веков стоял на небольшом острове у самого берега. Над узким проливом был перекинут мост, одновременно являвшийся и акведуком, старый и узкий. Двум людям было тесно расходиться на нем, а уж лошадь и вовсе не смогла бы его преодолеть, но это было не страшно: всю работу в городе выполняли рабы. Единственный из Мраморных полисов, попавший под покровительство хана Востока, так и не отказался от этого древнего обычая, за что получил порицание и презрение прочих свободных городов, а равно и всего ханства, которое отвергло рабство еще при пророке Джабраиле.

— Когда весь просвещенный мир давно уже признал, что владение человеком есть состояние противоестественное, — говорили в Неаполисе, — эти ретрограды из Тарсиса продолжают торговать рабами, уподобляясь северным варварам. Тем самым они отрицают истинность этического учения Хрисанфа Смирнского и Аполлодора Старшего. А значит, отказываются признавать очевидное, ибо истинность эта была доказана поколениями наших философов! Отвергая же это учение, они ставят себя выше этики, противопоставляя

себя всем прочим! И я спрашиваю вас: доколе? Доколе будем мы, вольные люди, терпеть такое унижение? А в том, что это унижение, нет никакого сомнения: само бытие Тарсиса в его нынешнем виде оскорбляет весь человеческий род!

Впрочем, жителям Тарсиса это порицание было нипочем. Они спокойно существовали в своем замкнутом мирке — ведь контакты с другими городами Мраморных островов нарушились после заключения великого Мира и утверждения границ, а общение с дикими кочевниками из степи, или того хуже с неграмотными пустынниками тарсийцы считали ниже своего достоинства. Кроме того в них занозой сидела давняя обида на полис Симеос, который, как они считали, отнял их право стать столицей мира, да и то исключительно из-за того, что через него протекала река. Они мало общались с внешним миром, и внешний мир мало вмешивался в их дела.

Вишванатан подъехал к городу на рассвете. Надо было, конечно, воспользоваться кораблем и сократить путь почти на сутки, но водных путешествий он не любил. Дорога протиснулась между прибрежными скалами, и перед взором его открылась чудесная панорама бухты, заполненной небольшими кораблями, темного еще силуэта острова Тарсис, и совершенно белой поверхности моря, незаметно переходящей в белое же небо.

Остров был сложен не из мрамора, как большинство Мраморных островов, а из твердого бурого гранита, и камень для строительства завозили сюда из других мест, поэтому дома здесь были пестрыми и разнообразными. Солнце взошло, и город словно раскрылся подобно диковинному цветку.

Оставив лошадей у постоялого двора, Вишванатан прошел по мосту в город. За ним следовал переодетый стражник по имени Умар, которого ему выделил ан-

Надм для безопасности. Вишванатан был не против, но попросил телохранителя держаться в стороне.

Внутри город оказался с гнильцой. Главная улица спиралью закручивалась вокруг главной площади, которая располагалась у самой вершины. Эта улица была шириной едва ли в четыре шага, а в переулки, пересекавшие город радиально, и вовсе нужно было протискиваться. Дома нависали над улицей, верхние этажи выступали над нижними, а переулки часто вообще были туннелями. Город давил и угнетал, и это давление отражалось на его жителях. Они были щуплыми и низкорослыми, Вишванатан будто попал в царство лесных карликов.

Дом Реджеп-бея, одного из отцов города, стоял почти на главной площади. На улицу выходила ровная глухая стена без единого изъяна. Вишванатан шагнул в переулок и встал около тяжелой черной двери, из которой торчало позеленевшее медное кольцо. Мимо прошмыгнула карлица-старуха, закутанная в темное. Вишванатана вдруг пронзило холодное предчувствие. Внутрь заходить совершенно не хотелось. Такие же ощущения он испытывал перед дверьми сементериумов и почему-то бань. Он облизал губы и осмотрелся еще раз. Вид телохранителя, прислонившегося к стене на противоположной стороне улицы, его немного успокоил, и он потянул за кольцо.

На звон вышел старый карлик в сером балахоне. Вишванатан показал ему грамоту с печатью великого вазира, тот кивнул и молча провел его в дом. Дверь позади захлопнулась, и тревога вновь зашевелилась в подсознании.

Внутри, однако, дом выглядел гораздо более жизнерадостно. Мраморные колонны, резные орнаменты на потолках, расписные кафельные стены, пальмы и фонтаны во внутренних дворах — скорее, дворец знатного столичного вельможи, а не провинциального бея.

— Чем обязан? — Вишванатан даже немного испугался, увидев хозяина, ибо тот был нормального роста, отчего казался великаном на фоне нескольких слуг, сопровождавших его.

— Мир дому твоему, почтенный Реджеп-бей, — визитер затянул стандартное приветствие, — да не иссякнет гостеприимство твое и не оскудеет трапеза...

— Чем обязан? — повторил Реджеп-бей с ноткой металла в голосе.

К делу так к делу.

— О вас говорят в столице, почтенный Реджеп-бей. Говорят, вы искушенный знаток оружия, самый искушенный по эту сторону Шема — а некоторые утверждают, что и по обе...

— Да, я люблю оружие, — хозяин расплылся в улыбке, показав гнилые корявые зубы. — Не будет преувеличением сказать, что моя коллекция — одна из самых существенных во всем восточном мире. Да что там, я буду рад показать ее вам. Прошу!

Дом был очень велик, и идти пришлось долго. Вишванатан отметил, что Реджеп-бей не делал ничего сам: рабы подавали ему кубки, открывали перед ним двери, повиновались малейшему мановению его пальцев.

— Я вижу, вам удивительны мои слуги?

— О да, — отвечал Вишванатан. — Удивительны — это не то слово.

— Все порицают нас, жителей Тарсиса. Но за что? Ведь людям свойственно осуждать, не разобравшись до конца в вопросе. Мы рабовладельцы, говорят они, мы истязаем несчастных рабов, лишая их свободы. Но посмотри на них, — Реджеп-бей указал на очередного карлика, открывшего перед ними дверь. — Это уже не люди. Они не такие, как мы. Они созданы специально, созданы поколениями ученых Тарсиса, созданы, чтобы служить. Они не смогут жить вольно, без хозяев.

— Не смогут?

— О нет, никак не смогут. Это тоже проверено. Они очень несамостоятельны. Они как дети, — Реджеп-бей улыбнулся, — и пропадут без покровительства. А вот и она!

Она — коллекция оружия — была великолепной. Большой зал с красными стенами, заполненный разнообразными средствами для убийства. Ножи, кинжалы, сабли, мечи, топоры, булавы, копья были упорядочены по видам, размерам, странам и векам.

— О! — только и смог сказать Вишванатан после нескольких минут рассматривания.

— Благодарю, — поклонился Реджеп-бей. — А вот здесь, прошу вас, вот здесь, так сказать, жемчужина, — он указал на стойку посреди зала. — Очень старая и очень редкая. Таких в мире было всего семь. И кто знает, сколько сейчас осталось.

В простой деревянной раме стояла старая изрубленная сабля. Точно такая же, как у Гюля.

Помощник

— Ну, — выйдя из зала с коллекцией, Реджеп-бей возлег на диван у фонтана. — Я вижу, и вы цените оружие?

— О да, — отвечал Вишванатан. — Собственно, я прибыл к вам за советом.

Он развернул свою саблю и положил на стол перед хозяином.

Глаза Реджеп-бея загорелись, он вскочил с дивана и, встав на колени около стола, принялся разглядывать чудо-клинок, низко склонившись к нему.

— Как? Откуда?.. Откуда она у вас? А впрочем, нет, не отвечайте пока, — он пробежал пальцами по спинке клинка, словно получая от прикосновения к металлу физическое удовольствие. — Она прекрасна!

— Что это за сабля?

Реджеп-бей посмотрел на Вишванатана поверх клинка.

— Вы слышали про Аль-Ансар?

Сыщик кивнул.

— Все, что вы слышали про них — ложь, — отвечал Реджеп-бей. — Ну, или почти все.

Он сел на свой диван, держа саблю в руках и поглаживая ее, как кошку.

— «Помощники» были созданы при аль-Корванах. Может быть с нуля, а может быть на основе чего-то более старого. Так или иначе, сто двадцать лет назад они поклялись защищать веру и выковали эти клинки. Семь клинков получили генералы ордена. Самые преданные защитники веры.

Реджеп-бей взмахнул саблей, вслушиваясь в свист рассекаемого воздуха.

— Они клялись не иметь жен и детей, посвящая жизнь служению. А клинок переходил следующему генералу после смерти предыдущего... — он нехотя отложил саблю и помолчал. — Откуда она у вас?

— Она принадлежала одному человеку... Он умер.

— Откуда она *у вас*? — повторил Реджеп-бей, снова с металлом в голосе, и на этот раз Вишванатану сделалось не по себе.

— Я расследую... одно дело, — сказал он. — Эта сабля — улика. Ее владелец... был как-то замешан, но...

— Понятно. И чего вы хотите от меня?

— Мне говорили, что вы сможете рассказать, откуда взялась эта сабля.

— Ну так я рассказал.

— М-м, не сочтите за обиду, но это не совсем то, чего я ожидал.

— А чего вы ожидали? — Реджеп-бей прищурился.

— Не знаю. Каких-то... подсказок. Почему эта сабля принадлежала ему. Что это могло бы значить... для моего расследования.

— Я рассказал вам все. Разве вы не понимаете? Эта сабля значит, что ваш мертвец был генералом Аль-Ансар. Воином пророка, защитником веры. Она не может находиться в руках посторонних, — Реджеп-бей сложил руки на груди и закрыл глаза. — Расскажите о вашем расследовании.

— Что? О расследовании? — Вишванатан опешил. — Прошу прощения, но я не могу. Дело слишком деликатно.

— В таком случае, боюсь, я более не помогу вам, — Реджеп-бей резко выпрямился. — Вам, кажется, уже пора. Вас проводят.

Вишванатан встал.

— Один вопрос, — Реджеп-бей тоже встал. — Я готов купить ее у вас. Сколько?

— Это улика, — пожал плечами Вишванатан, — до окончания следствия...

— Жаль, — Реджеп-бей улыбнулся. — Ну, прощайте. Удачи желать не буду, она вам не понадобится.

В глазах потемнело, а мраморный пол метнулся к лицу, ударил Вишванатана в лоб, и тот отключился.

Клинки во тьме

— Господин!

Сознание ворочалось в черепной коробке, пытаясь снова найти выход наружу. Вокруг метались куски каких-то видений и снов: карлики с топорами, гнилая усмешка Реджеп-бея, почему-то бодхисаттва Шактисвара.

— Господин, очнитесь!

Шактисвара хлопнул в ладоши, и мир воскрес. Вишванатан лежал на полу в мрачном помещении без окон, над ним склонился его телохранитель Умар с факелом в руке. Чуть поодаль на полу виднелся труп карлика в луже крови.

— Что?.. Где я?

Телохранитель помог ему подняться и рассказал, что случилось.

Он ждал Вишванатана до самого вечера. Когда стемнело, он понял, что что-то не так, и решил действовать. По крышам он перебрался за стены дома Реджеп-бея и проник внутрь. Прячась за шторами, он подслушал разговор хозяина с тремя омерзительными карликами. Хозяин был недоволен.

— Надо было вместо вас купить стратиотов! — шумел он. — Они дороже, но хотя бы умеют убивать.

— Мы исправимся, мы будем хорошими, — ревели карлики, — только не прогоняй нас!

— Это я еще посмотрю! А пока подумайте, что с ним теперь делать!

— Что? Что делать?

— Избавьтесь от него!

— Но как? Как?

— Убейте, разрежьте на кусочки, скормите собакам, сами съешьте, выкиньте в море — неважно! Его не должно быть в моем доме к утру!

Хозяин ушел, а карлики еще долго трепетали, стоя на коленях. Потом они успокоились и отправились за ножами.

Умар проследил за ними, скрываясь в тени. Они спустились в подвал и отперли какую-то дверь. Умар увидел Вишванатана, лежащего на полу, и карлика, собирающегося перерезать ему горло, и пришел в движение. Карлик с факелом упал, ударившись головой о притолоку. Второй, даже не успев обернуться, отлетел в сторону и затих. Карлик с ножом обернулся на звуки ударов, но увидел только приближающееся лезвие. Умар схватил факел и метнулся к сыщику.

— Проклятые карлики! — Вишванатан поднялся, опершись на руку телохранителя. — Вот ведь ублюдки! — из раны на шее текла кровь — это раб Реджеп-бея успел порезать кожу.

— Тише, господин! — Умар достал из сумки чистую тряпицу и обвязал ему рану, — нам нельзя разбудить их. Нужно скорее уходить отсюда.

— Э нет, — шок проходил, и в рану возвращалась боль, а в разум — злость. — Я так просто не уйду отсюда.

— Но почему? Это же безумие — оставаться здесь!

— Нет-нет, — Вишванатан проверил, надежно ли сидит повязка на шее. — Вовсе не безумие. Во-первых, они забрали улику, которую я должен вернуть. А во-вторых, надо показать им, как следует встречать гостей из столицы, — он вытащил нож из руки карлика и двинулся прочь.

Осторожно, почти не дыша, они вышли из подвала, миновали спальни рабов — Умар аккуратно заклинил дверь табуреткой на всякий случай — и поднялись наверх.

Дверь в зал с коллекцией оружия была не заперта. Внутри было совершенно темно, свет факела переотражался во множестве отполированных лезвий, наполняя темноту дрожащими бликами.

Стойка в середине, хранившая саблю Аль-Ансар, сейчас пустовала.

— Мерзавец забрал ее, — прошептал Вишванатан.

— Надо уходить.

— Нет! Сначала побеседуем с хозяином, — он прошел вдоль стены и выбрал себе оружие по душе — широкую саблю со срезанным концом, такую, с какими обычно изображают бога войны Раджнапали.

Из комнаты хозяина доносилась какая-то возня и голоса.

— На счет три, — одними губами сказал Умар и, отсчитав пальцами, высадил дверь мощным пинком. Кто-то пронзительно вскрикнул.

Реджеп-бей возлежал на своей кровати совершенно голый, в компании нескольких настолько же голых карликов и карлиц. Они перепуганно жались друг к другу и натягивали на себя простыни. Хозяин тоже

был испуган, но быстро совладал с собой и грозно произнес, подымаясь:

— Что вы себе позволяете?

— Что *вы* себе позволяете? — Вишванатан сразу перешел в наступление. — Разве так встречают гостей?

— Вы не гости, — отвечал хозяин. — Вы воры, что входят в чужие дома в поисках поживы. А воров в Тарсисе казнят.

— Зачем вы напали на меня?

— Вы держали то, что не должно было быть у вас.

— Саблю? Клинок ордена Помощников?

— Да... Великолепный клинок. Только генерал Аль-Ансар может владеть ею. А всякий посторонний, кто прикоснется к ней, должен умереть! — Реджеп-бей бросился в атаку, держа в каждой руке по орденской сабле, Вишванатан даже не заметил, откуда тот вытащил эти клинки.

Хозяин сражался отменно. Получив несколько мощнейших ударов и едва сумев их отвести или заблокировать, Вишванатан стал отступать, и совсем пропал бы, но Умар и тут пришел к нему на помощь.

— Вы умрете оба, — заявил Реджеп-бей, не отрываясь от схватки. Ни капли страха не было в нем, несмотря на наготу и двух противников. — Сначала ты, цветочник, а потом твой друг.

— Возможно, — отвечал Вишванатан. — Лет через двадцать.

— А я думаю, это случится сегодня!

Сабля выпала из левой руки Реджеп-бея и отскочила к стене — это Умар наконец успешно провел обезоруживающий прием. Но тут же и поплатился за это, пропустив удар по правому плечу. Он упал на колени и выронил свой меч, рука безжизненно повисла; ключица, судя по всему, была перерублена вместе с верхними ребрами. Реджеп-бей замахнулся, чтобы обезглавить несчастного, но Вишванатан оказался проворнее и рассек ему локтевой сустав. Хозяин взревел

и умолк, сжав окровавленную культю, сабля его со звоном упала на пол. Схватка закончилась в полной тишине. Факел догорел и угас.

Красный замок

Весна в этом году выдалась затяжной. Снег еще прятался отдельными кучками в расселинах, и листья все никак не могли показаться на ветвях, хотя солнце уже припекало.

С просторного балкона открывался чудесный вид. Слева громоздились заснеженные иззубренные гряды Белых гор — одна за другой, теряясь в голубой дали. Справа простиралась обширная долина, такая зеленая и радостная летом, но бурая и каменистая сейчас. Далеко впереди у самого горизонта виднелась темная полоска — Лес.

Маркграф Эдвард Ротберг стоял, опершись на каменные перила, и осматривал свои владения. Почти все, что он видел, принадлежало ему. Только на самом дальнем краю горной цепи, еле различимый, виднелся силуэт замка Вайсберг. Когда-нибудь, впрочем, и этот замок с его землями будет принадлежать дому Ротберг. Возможно, раньше, чем кто-либо думает.

Гонец прискакал около получаса назад — Ротберг заметил его, когда тот был еще далеко. Интересно, что за вести он привез. И где его носит, почему он до сих пор не явился к нему.

Наконец, томительное ожидание закончилось.

— Ваша светлость, — гонец поклонился, забренчав кольчугой, и протянул Ротбергу свиток папируса.

Пробежав глазами по строчкам, маркграф вспотел. Он перечитал письмо еще и еще раз, отпустил гонца и прочитал текст в четвертый раз.

Новости были самые замечательные.

«Наследник хана убит, — писал Исмарк. — Несомненно, это будет расценено как происки Запада. Весьма вероятно, Восток попытается нанести ответный удар. Вам следует отослать в столицу не менее четырех тысяч воинов для укрепления гарнизона».

Вот оно.

Ротберг снова устремил свой взор на восточный горизонт.

Убийство ханского сына и неразбериха, которая за этим конечно последовала — это тот шанс, к которому дом Ротберг шел уже два века. Как удачно, что этот шанс выпал именно ему.

Эдвард вспомнил уроки истории, которые давал ему престарелый философ из Ликеи.

В 1797 году Великого Мира запад содрогнулся. Солнцепоклонная ересь, просочившаяся с востока, набрала силу и нанесла удар, который едва не перечеркнул все завоевания цивилизации. Волнения охватили столицу, подогреваемые провокаторами. Армия встала на сторону повстанцев, поскольку и генералы оказались поражены этим мракобесием. На улицах появились баррикады, а вскоре и трупы. Только гвардия оставалась верна дому Вреддвогль, но ее было недостаточно; повстанцы и армия теснили ее повсюду. Дворец был взят в кольцо, и вскоре ворота были открыты — предательства никогда никто не ждет, но оно всегда таится рядом. Императорская семья была схвачена и казнена в полном составе — сам император, его дети, жена и братья.

Страна погрузилась в хаос. Власть перешла в руки мятежных полководцев и феодалов, называвших себя Трибуналом. Их лица были скрыты: не личность составляет цену человека, но его дела — так говорили они.

Карл Ротберг, сын тогдашнего главы дома, также вошел в Трибунал, обеспечив верность Севера.

Восемнадцать долгих лет люди жили в страхе, ибо власть Трибунала была жестокой и беспощадной. В том числе беспощадной к старым богам.

Храмы по всей стране были осквернены и разграблены, а затем перепосвящены Солнцу. Но это было чужое, Старое Солнце, пришедшее с востока, а не Сул из старого пантеона. Людей насильно обращали в новую веру и принуждали приносить жертвы новому богу, огнем и мечом карая несогласных.

Рано или поздно любой кошмар кончается. Трибунал стал невыносим, протестные настроения, копившиеся много лет, наконец, прорвались и выплеснулись на улицы столицы. Кровь опять потекла по мостовой. Повстанцев вел молодой человек, выдававший себя за Клавдия Вреддвогля, сына последнего императора. Он говорил, что чудом спасся в ужасной бойне полтора десятилетия назад, а сейчас вернулся, чтобы вернуть себе трон Империи.

Трибунал был повержен своим же оружием — вероломством. Карл Ротберг перешел на сторону Лжеклавдия и выдал остальных членов. Полководцев вытащили прямо из постелей и убили на месте, а с ними и всех, кто хоть как-то запятнал себя сочувствием к Трибуналу. Два года Лжеклавдий и его наемники выкорчевывали всякие следы Старого Солнца, возвращая старых богов на их законные места.

А затем Лжеклавдий неожиданно умер: раны и тяготы войны сокращают век. Говорили и о яде, и о происках востока. Так или иначе, власть перешла к Верховному Совету, в который вошли крупнейшие землевладельцы Севера и Юга.

Впрочем, толку от такого совета было мало. Слишком гордыми были его члены, слишком пеклись о своих интересах. Они спорили дни и ночи, не в силах прийти к единому решению. Когда был жив император, его воля служила той силой, которая объединяла их всех, не давая погрузиться в бесконечные склоки

и принуждая мыслить о государстве, а не о собственной выгоде.

Поэтому такая единая воля не могла не появиться. Ею стал Карл Ротберг, возглавивший Совет и фактически взявший в свои руки абсолютную власть в стране, и державший ее уверенно несколько лет, пока миру не был явлен настоящий Клавдий Вреддвогль.

Эрих Ротберг, отец Карла и тогдашний имперский министр дорог, скрыл его во время резни, подменив на мальчишку-поваренка.

Сам Клавдий был помещен в темницу под чужим именем, где провел два года, пока не улегся кошмар первых лет Трибунала, после чего был тайно переправлен в замок Ротберг и оттуда — дальше на север, в еще малоизвестный тогда край Десятиречья, в городишко Вайнамо на берегу Ледяного моря.

Ротберги уже давно вели торговлю с северянами из-за Белых Гор, наживая свои богатства, но далеко их влияние не распространялось, и Эрих надеялся, что сможет войти в доверие к туземцам, поселив среди них своего подопечного.

В общем, так и вышло. Клавдия признали равным местные князьки, он даже взял в жены одну из завидных невест — Марью из рода Кейхясто. Люди Ротберга часто навещали его, но на самом деле они лишь пользовались этим предлогом, чтобы беспрепятственно проникать вглубь страны и распространять там свое влияние. Так ковалось присоединение Десятиречья, которое случилось много позже. Эрих Ротберг был великим стратегом и на десятилетия вперед заложил основы развития страны.

В день, который он счел подходящим, Клавдий с женой был доставлен в столицу. Народ принял его с радостью и без колебаний, ибо живы еще были те, кто видел его в детстве; кроме того серые волосы, синие глаза и родимое пятно на левой руке не оставляли сомнений в его происхождении. Вреддвогль вернулся

на трон, и Ротберги отступили в тень — так удобнее вести дела.

Впрочем, еще раз они вышли на свет довольно скоро. Клавдий умер на седьмом году правления, оставив безутешную вдову с двухлетним сынишкой Ульвом на руках. Снова Карл Ротберг принял бразды правления и железной рукой удерживал их, пока Ульв не достиг совершеннолетия.

Эдвард часто задумывался, почему его пращуры не взяли власть в империи. Они дважды стояли на вершине — и оба раза уступали место другим. Он задавал этот вопрос всем подряд, и только отец ответил на него: «Они отдавали власть, потому что знали — им не удержать ее. Мы были не готовы к ней тогда. Мы уступили высшую власть — но сохранили нашу независимость. Поэтому мы так сильны сейчас. Сильнее, чем когда-либо». А потом отец добавил: «Мы и сейчас не готовы к власти. Может быть, когда я уже умру, а ты унаследуешь дом Ротберг, наступит миг, когда ты сможешь вернуться на вершину и покорить ее навсегда».

И вот, похоже, настал тот самый миг. Дом Ротберг готов к власти, и судьба подкинула возможностьвзять ее.

— Четыре тысячи воинов? — Эдвард усмехнулся в бороду. — Ты получишь пятнадцать.

Вечный город

Капитан не солгал. На рассвете третьего дня на западном горизонте вспыхнули розовые искры, слились в непрерывную полосу, которая расползлась вправо и влево, расширилась и из нее вдруг выросли очертания белокаменных дворцов и храмов, сиявших в первых лучах солнца, как раскаленная медь.

Город раскинулся на невысоких горах в устье могучей реки Эрис, которая собирает воды по всему северу

Ромелийского полуострова, беря свое начало в Старых горах невдалеке от замка Вреддвогль. Несколько грандиозных мостов соединяли берега — настолько высоких, что под ними могли пройти даже самые большие корабли. И они ходили: вся широкая река и просторная гавань перед городом была наводнена парусами всех цветов и форм.

«Летучая рыба» направилась прямо под мост, который назывался Фонарным, в реку, и встала у мраморного причала.

Алов сошла на серые камни, отесанные много веков назад, изъеденные солью, истертые множеством ног. Навстречу уже спешил портовый чиновник со своим рабом-писцом. Чиновник был по местному обычаю укутан в длинное белое полотнище с вышивкой по краям, которое походило на скатерть.

— Приветствую вас, высокие гости! — чиновник поклонился. «Летучая рыба» была частой гостьей в этом порту, но Алов оказалась здесь впервые. — Приветствую, Тимеос! Кого ты привез в этот раз?

Алов напряглась, вспоминая уроки ромелийского, и произнесла:

— Я Алов из дома Вреддвогль, — чиновник при этих словах снова поклонился, — я прибыла в ваш город, чтобы обратиться к Сенату.

— Конечно, принцесса, — чиновник снова поклонился. — Сейчас я вызову повозку, которая доставит вас, куда пожелаете.

Раб, прятавшийся за спиной чиновника, высунулся и прошептал что-то тому на ухо.

— Прошу меня извинить, принцесса, — чиновник опять поклонился, — нынче заседание Сената отменено из-за праздника.

— И когда будет следующее?

— Не ранее чем завтра, принцесса.

Это плохо. Промедление даже в несколько часов может обернуться катастрофой, не то, что в целый день.

— А можно созвать заседание *сегодня*?

Чиновник, все еще не разогнувшийся из поклона, замер, уставившись на нее.

— Праздник Плодородия — тысячелетняя традиция. Мы чтим обычаи предков, и всегда чтили. На этом зиждется вечное процветание Ромулуса. Увы, принцесса, это едва ли возможно. Сенаторы уехали из города в свои поместья, чтобы лично воздать хвалу земле.

Алов не нашлась что ответить. Зато раб опять высунул вихрастую голову из-за плеча таможенника и что-то пробормотал.

— Впрочем, сенатор Флавий живет здесь. Думаю, вы сможете остановиться у него и обсудить с ним все вопросы.

— Увы, вопросы слишком важны, поэтому мне нужен весь Сенат. Однако спасибо вам, пожалуй, я встречусь с сенатором сегодня. И не надо повозок, мне бы хотелось пройтись пешком. — Алов сама удивилась вычурности произнесенной фразы.

Солнце между тем поднималось, наполняя улицы города светом и жизнью. Поначалу гулкие и пустые, они становились все более людными и шумными. Сновали туда-сюда посыльные, прохаживались вышедшие на прогулку горожанки, торговцы выставляли товар на прилавки, спрятанные в обширных галереях. Алов медленно ступала по черной базальтовой мостовой, а перед глазами ее развертывались величественные панорамы Вечного города.

Он был совсем иной. Цвета — иссиня-черные мостовые и белоснежные здания, увитые сиреневым плющом; природа — мощные пальмы, огромные сосны, темные лавровые деревья; люди — важные, неторопливые, приветливые — все составляло разительный контраст со столицей. Мрачный Западный Симиус — задымленный бурый лабиринт с башнями, похожими на скелеты, и обожженный Восточный — зловонный муравейник цвета угля и пепла, иссушенный солнцем

и покрытый пылью пустынь. Именно такими они теперь вспоминались ей — города-близнецы, такие непохожие, но одинаковые в своей людоедской сути. Алов помнила, как приятно бывало посетить Неаполис и другие города-государства, рассеянные по островам Мраморного моря, как неспешна и безоблачна жизнь их жителей. А Ромулус — один из древнейших городов мира, и, несомненно, самый величественный — был и самым неспешным и безоблачным.

Мощеная дорога вдруг вырвалась из мраморного каньона улицы и зазмеилась по обширному парку, больше похожему на лес.

— Это сад Флавиев, госпожа, — сказал носильщик. — Мы скоро прибудем на место.

— Теперь я могу вас покинуть, принцесса, — Алов вздрогнула, услышав родную речь. — Здесь вы в безопасности, я пока не нужен вам больше.

— Куда ты собрался?

— В Ульпилу. Мне нужно навестить брата Памфилия. Завтра я вернусь.

Алов только всплеснула руками.

— Ну... хорошо.

Конечно, она могла приказать ему остаться. Но смысла в этом не было никакого. Киви был прав: здесь, на земле сенатора, угрозу ей мог бы составить только сам сенатор. А в этом случае не помог бы и Киви.

Дорога взмыла по склону невысокого холма и, пройдя под величественной резной аркой, разлетелась небольшой площадью, обрамленной всевозможными зданиями одно изысканнее другого. Возглавлял ансамбль дворец влиятельнейшей семьи Флавиев. Трехэтажный, украшенный колоннами из розового мрамора дом затмевал своей пышностью все постройки Ромулуса, которые Алов довелось увидеть.

Несколько слуг толпились в тени крыльца, оживленно беседуя. Заметив гостей, они замолчали, а затем вышли навстречу.

— Приветствую вас, принцесса! — самый старый слуга поклонился, а за ним остальные. — Сенатор ждет вас!

Вот так дела. Оказывается, портовый чиновник успел предупредить Флавия. Интересно, кого еще он проинформировал.

Марк Юлий Флавий, старший сенатор Ромулуса, один из богатейших людей империи, готовился отобедать. Столы накрыли прямо в атрии рядом с фонтаном.

— Ах! Принцесса! — хозяин встал из-за стола, отбросив золотую вилку. — Не выразить в словах, как я рад вашему визиту.

— Я тоже весьма рада посетить ваш прекрасный дом, уважаемый сенатор.

— Извольте разделить со мною трапезу! Я сегодня один, все родичи выехали за город. — Флавий широким жестом обвел столы, уставленные всевозможными блюдами. Да он Ярелла за пояс заткнет по прожорливости, даром, что такой сухощавый.

Обед был вкусен, но нескончаем. Слуги незаметно приходили и уходили, блюда сменяли одно другое. Алов уже вполне насытилась, но крошечный Ярелл в ее голове все подначивал попробовать то и это. Тем более что Флавий не говорил ничего, только жевал, и тишина усугубляла желание есть. В конце концов, подали фрукты — она вздохнула с облегчением.

Сенатор развалился на подушках и принялся поглощать мелкий желтый виноград.

— Сожалею о вашем горе, принцесса.

Конечно, он уже все знает, получил весточку уж дня три тому назад, не меньше.

— Благодарю вас. Вы, должно быть, понимаете цель моего визита.

— Конечно, — Флавий сделал чрезмерно длинную паузу, будто желая, чтобы она сама начала говорить. — Вы прибыли, чтобы от имени вашего отца-императора просить Ромулус о поддержке. Поддержке войском.

Алов кивнула, улыбнувшись. Они уже, несомненно, все обсудили и уже приняли решение. Все, что сейчас происходит и будет происходить — это формальность и дань любви ромелийцев к процедурам и церемониям. Ее встреча с сенаторами ничего уже не изменит.

— Ваша проницательность заслуживает глубочайшего уважения, — да что за обороты лезут на язык, откуда они вообще. — Все именно так. Поэтому я должна выступить в сенате.

— Боюсь, это возможно лишь завтра. Да вы это знаете и без меня. Праздник, — Флавий пожал плечами, изобразив виноватое выражение лица. — Впрочем, не волнуйтесь, завтра все будут уже здесь. Я надеюсь, вы не откажете мне в уважении заночевать у меня.

— Благодарю за приглашение, сенатор, с превеликим удовольствием.

Что за слово такое «превеликим».

Допрос

Корабль к полудню принялся раскачиваться как пьяный. Именно качка всегда отвращала Вишванатана от водных путешествий. Тошнота вцепилась в горло невидимыми руками. Какое-то время он боролся с омерзительным чувством, но оно взяло верх. Надо бы пойти проветриться.

Солнце вблизи зенита было размытым пятном, а остальное небо светилось равномерным белым светом, затянутое тонким, но плотным слоем облаков. Свежий ветер и вид окружающего мира немного привел его в чувство.

Несчастный Умар погиб. Рана оказалась слишком глубокой, он мгновенно потерял огромное количество крови. Проклятый Реджеп-бей тоже умер, и это немного уменьшало горечь потери. Никогда еще Вишванатан

не наблюдал насильственную смерть человека в такой близости, а тем более смерть своего собственного телохранителя, и никогда еще не заходил так далеко на допросах, поэтому до сих пор переживал это событие.

Когда схватка закончилась, он приказал карликам принести веревку и связать бывшего хозяина. Те повиновались беспрекословно. Вишванатан собственноручно проверил узлы и даже проявил милосердие, крепко перетянув отрубленную руку для остановки кровотечения, а потом взялся за допрос.

Реджеп-бей был бледен, но держал себя гордо, не впадая в панику.

— Тебе все равно конец, цветочник, — сказал он. — Можешь убивать меня, но ты все равно труп. Теперь Аль-Ансар точно не спустит тебе этого. Тебя найдут.

— Кто?

— Мои братья.

— Кто они?

— Помощники. Защитники истинной веры.

— Кто они?

Реджеп-бей улыбнулся своими гнилыми зубами.

— Ты узнаешь это за миг до смерти, цветочник.

— Кто они?

— Ты узнаешь.

— Кто они, говори.

Хозяин рассмеялся.

— Так вот зачем ты здесь. Ты хочешь знать.

Вишванатан молчал.

— Я ничего не скажу, — продолжил хозяин.

— Увидим, — Вишванатан вынул принесенный из хозяйской коллекции изящный стилет и принялся калить его над свечой.

— Я не боюсь боли, — сказал Реджеп-бей. — Можешь пытать меня сколько угодно. Защитникам веры не ведом страх и страдание...

— Видишь ли, — перебил его сыщик. — Я цветочник, как ты заметил. У меня другая вера. И боль другая,

— он нащупал нужную точку чуть пониже колена и аккуратно погрузил туда спицу совсем неглубоко.

От крика, казалось, обвалится потолок. Реджеп-бей не ожидал, что маленький укол будет так болезнен. Вишванатан обучался своему искусству у лучшего врача города Вайшьянату, и знал о человеческом теле все. На диво медицина Юга — страны, где жизни людей ценятся дешевле горсти орехов — превосходила познания любых других целителей царства Раджнапали, уж не говоря о Западе, где тело до сих пор было запретным и загадочным даром богов, неподвластным человеческому разуму.

— Имена, — Вишванатан вытащил иглу. — Говори.

— Отправляйся к шайтанам, грязная свинья! — Реджеп-бей разразился проклятиями. — Да отсохнут руки твои, и глаза твои да выклюют грифы! Да покроют тебя гнойные язвы... — вопль снова сотряс дом.

Дождавшись, когда хозяин отдышится и откроет глаза, Вишванатан спросил снова:

— Имена?

Ответом было лишь злобное сопение.

— Что ж, полагаю, ноги тебе больше не нужны. Я заберу их.

Вишванатан зашел хозяину за спину, отсчитал нужный позвонок, приставил к нему свой стилет и прошептал на ухо:

— Смотри.

Последовавший крик был скорее воплем ужаса, чем боли: Реджеп-бей осознал, что нижняя половина тела вдруг исчезла. Он видел ее там, где она должна была быть — но не чувствовал! Даже мучительная боль в ногах исчезла. Он не мог пошевелить ступнями, он не ощущал веревок, стягивающих лодыжки. Но самое ужасное было впереди: проклятый цветочник вытащил пилу и принялся отпиливать ему ногу, как бревно, а он

этого *не чувствовал*! Этого он уж не мог перенести, и сознание его помутилось.

Реджеп-бей приходил в себя еще раза два или три, очень ненадолго, бредил, и снова проваливался в забытье. Но Вишванатан добился своего: среди потока слов он различил то, что ему было нужно — имя.

А получив это, он забрал клинки Аль-Ансар и ушел, распустив веревки. Реджеп-бей остался лежать и истекать кровью. Возможно, карлики попробуют помочь ему, но едва ли преуспеют.

Вишванатан вдохнул побольше морского ветра. Он возвращался в столицу, но не потому, что там был его дом. Туда его вело расследование. Имя, которое он узнал.

Старики

Из колесницы Ромулус выглядел немного иначе. Облака скрыли солнце, украв тени. Алов плыла над толпой, и город казался ненастоящим, будто не здания и люди проходили мимо, а древние барельефы Неаполя, искусно изваянные из белоснежного островного мрамора.

Флавий ехал молча, уткнувшись в какие-то свитки. Он упорно избегал разговоров о войске — вчера, ссылаясь на занятость по дому, и сейчас, притворяясь работающим. За ужином и во время завтрака он, наоборот, говорил безумолку о всякой бессмыслице, не давая и слова вставить. Не хочет говорить — и ладно. На заседании уж не отвертится.

Здание сената, как и подобает, было старым. За долгие века оно погрузилось в землю на рост человека и ступени крыльца вели вниз, делая его похожим на сементериум. Мраморные стены и величественные некогда колонны пожелтели и выкрошились, а барельефы оплыли, почти утратив осмысленные формы.

Огромный круглый зал с сиденьями, амфитеатром поднимавшимися от небольшой площадки, венчался полусферическим куполом с окном посередине. Даже в столице не было столь же огромного и величественного помещения, если не считать главной камеры Махамандира, но там Алов не бывала, а потому у нее на миг перехватило дыхание. Она остановилась и стала осматривать зал, и совсем не сразу поняла, что сотни глаз уставились на нее, а сотни ртов замолчали все как один.

— Принцесса! — Флавий жестом пригласил ее пройти дальше. Смутившись, она потупилась и поспешила следом за ним в пурпурный сектор, предназначенный для самых влиятельных сенаторов, послов и важных гостей.

— Сенаторы Ромулуса! — взял слово председатель Юний Эмилий из рода Виталиев. — Вчера мы отводили праздник Плодородия, и сегодня работы у нас вдвое больше обычного. Кроме того, нас удостоила визитом наследница трона империи принцесса Алов. Она желает обратиться к нам с... речью. — Так и чувствовалось, что он хотел сказать «просьбой». Виталий коротко взглянул на нее и продолжил: — Поэтому я предлагаю заслушать ее прямо сейчас, прежде чем мы перейдем к нашим делам. Что может быть важнее вопросов империи. Прошу, принцесса.

Это было неожиданно. Ни тебе церемоний, ни вступительного слова. Подавив неловкость, она встала с места и вышла на площадку для выступлений.

Сотни глаз вновь направили на нее свои взгляды — благосклонные и не очень, вопрошающие и нетерпеливые. Надо начинать. Алов глубоко вздохнула, призвала на помощь все свои знания ромелийского и заговорила.

— Уважаемые сенаторы Ромелии! Я рада, что вы уделяете мне время, но вопрос, который я подниму, действительно важен. Важен для всех.

Она сделала небольшую паузу и осмотрелась — но сенаторы все так же молчали и выражения лиц оставались неизменными.

— Вы уже знаете, что произошло в столице неделю назад. Мой... — голос, не дрогни, прошу! — жених был убит, и страна оказалась на пороге войны. — Шепоток в зале. — Хан Востока обвинил нас в гибели сына и готовится нанести удар. Его степные войска уже в пути.

Алов снова остановилась. Слезы пеленой встали перед ее взором. Говорить на чужом языке довольно тяжело, когда тебя слушает такое количество людей. От которых к тому же так многое зависит. А сенаторы между тем зашептали громче.

— Скоро на столицу обрушится ярость Востока. Воины наши сильны, но уступают в численности врагу. Император призывает всех правителей Империи направить в столицу свободные войска для усиления гарнизона.

— Какое войско у императора в столице? — спросил кто-то из сенаторов.

— Пятнадцать тысяч, — отвечала Алов. — Пятнадцать тысяч в столице и еще десять — у владык Бергланда. Они придут.

— И сколько вы просите от Ромулуса?

— Десять тысяч, — сказала Алов.

Сенаторы зашумели. Слышались возгласы «Немыслимо!», «Зачем столько войск?», «Ни за что!».

— Ваши войска — лучшие в Империи! — закричала Алов, перебивая гул. — И самые многочисленные. Мы не просим отдать нам все. Направьте к нам один легион.

— Но принцесса! — старики поутихли, и тот же сенатор продолжил: — Каковы силы врага, если император хочет встретить его тридцатью тысячами?

Все замолчали, ожидая ее ответа.

— Больше. Гораздо больше. Сто тысяч, может быть, двести.

Сенат превратился вдруг в базар: все начали махать руками и голосить.

— ТИХО! — председатель вскочил со своего кресла. — Тишина!

Алов словно оказалась посреди бурлящего моря звуков. Сенаторы не хотели верить ее словам, и бесновались, доказывая друг другу ее неправоту. Она даже на какое-то мгновение сама заколебалась — правда ли это. Шум постепенно утихал, и, наконец, тот самый сенатор, который первым задал ей вопрос, тоже вскочил с места и закричал, пробиваясь сквозь чужие голоса:

— Откуда у них столько войск? Нам известны примерные оценки — это десять тысяч в столице и еще двадцать в степи. Все, больше у них нет, и не может быть ничего. Разве что если они выведут против вас степных женщин, детей и стариков.

— У них есть Юг. Смуглокожие цветопоклонники по ту сторону Теплого моря.

— Юг? Но что этот Юг? Орда дикарей, живущая на руинах былого величия! К тому же Юг далеко.

Не так далеко, как хотелось бы.

— Боюсь, сенаторы, вы не представляете себе мощь Юга...

Мощь Юга

«Прямы и широки улицы твои, высоки стены и башни, прекрасны храмы и дворцы твои, Вайшьянату, Город с Тысячью Имен. Длинна и величественна история твоя, и тем горше видеть твой упадок.

Древние боги-цари спустились с небес на священную гору Викрама, что ныне скрыта в лесах Эндаману. Бог Дхраса стал рекою, пробив себе путь через заросли к Теплому морю. В огромной ладье боги пошли на закат и там, где поток встречают соленые волны, положили начало великому городу, центру земли. В самом

устье они затопили свою ладью, и отсюда лучами расходятся главные улицы города, в конце каждой из которых стоит храм каждого из древних богов — и число их десять. Лишь двое других не выстроили себе храмов: Дхраса, что навеки остался рекою, дающей жизнь и пропитание тысячам людей, животных и птиц, да грозный Раджнапали Кровавый, чей буйный нрав не вместит ни одно здание.

Века сменяли века, и боги, уснув в своих храмах, покинули землю, ибо всякое воплощение смертно. Лишь Дхраса все нес свои бурые волны навстречу закату, да Раджнапали ходил по земле, сея хаос и разрушение. Бурями приходил он, грозами и пожарами, землетрясениями и штормами, и люди страшились его и почитали. Но и он все реже возвращался в Вайшьянату, предпочитая суровые страны севера.

А время бежало, и город наполнило уныние и тлен, ибо без богов люди мельчают и гибнут в трясине бессмыслия. Никто уж не возносил молитв богам, никто и не помнил их, кроме кучки жрецов, которые передавали из уст в уста древние знания, ненужные никому.

А потом Раджнапали вернулся, и не один, а с новыми богами. Он объявил, что теперь правит далекой северной страной, и призвал людей за собою. Многие ушли с ним, и еще больше ушло в последующие века — в надежде на лучшую жизнь вблизи Живого Бога. Они уходили и возвращались редко, лишь с тем, чтобы рассказать небылицы о далеких землях, загрузить корабль пряностями, лекарствами и новыми паломниками и отправиться в обратный путь — год за годом.

А Вайшьянату все стоял, а Дхраса все тек. Иловые острова в устье поднимались и исчезали, джунгли захватывали кварталы и улицы и вновь отступали, люди рождались и умирали — город жил своей обычной жизнью вдали от богов.

И вот они снова пришли.

Вместо солнца на востоке утром встала синяя стена облаков, предвещая сезон ураганов, а в Теплом море на горизонте показался алый парус. Он рос быстро, и еще до полудня в порт вошла остроносая галера. Боги были на ней, посланцы Раджнапали. Плохие вести принесли они с далекого севера. Демоны, извечные враги богов, убили сына Раджнапали — прекрасного юного Ньясвендру. Сокрушенный утратой, Кровавый Хаос вышел из Большого Храма, где жил последние века, и грозит миру. Он сзывает всех, кто верен ему, в поход против армии демонов. Те же, кто не выйдет под его знамена, будут жестоко наказаны. Ярость великого Раджнапали падет на головы их без пощады.

Поэтому мы выступаем сегодня!»

На этом военачальник Шаккхапутра Варасвами закончил свою речь, и в ответ услышал тысячеголосое «Да!», заглушившее даже раскаты наступавшей грозы. Огромное войско Вайшьянату, заполнившее без промежутка площадь Луны, в едином порыве выражало доверие своему командиру и готовность следовать за ним, куда будет нужно. Воины кричали, стучали щитами, и им вторили хлынувшие с неба струи первого в этом году дождя.

— В порт, воины! Корабли уже ждут!

Огромные корабли втянули в себя огромное войско без остатка. Дождь хлестал как из ведра, связав призрачными нитями серые воды Теплого моря и серые небеса. Поход начался.

Основание

Скромный по столичным меркам особняк в квартале Ростовщиков был стар и перекошен. Деревянные балки почернели и растрескались, штукатурка осыпалась, а черепицы выкрошились и поросли мхом.

Тем не менее, новая дверь говорила о том, что в доме живут, и живут хорошо — светлый ромелийский дуб, бронзовые узорчатые петли и решетки по карману только весьма зажиточному хозяину.

Зажиточным хозяином был шейх Хадор аль-Гурайба, личность настолько же известная, насколько загадочная.

Шейх Хадор был философом и писателем, что редкость для уроженцев Неджда. Говорили, он провел молодость, странствуя по Мраморным островам, оттачивая свое красноречие в бесчисленных спорах с тамошними мудрецами. Так или иначе, в зрелом возрасте он осел в столице, и принялся писать.

Из-под его пера вышло множество книг, Вишванатан сейчас даже не помнил всех названий, хотя перед визитом подготовился, забежав в библиотеку. Впрочем, названия были неважны: шейх называл свои книги именами звезд. Важно было содержание.

Он писал о богах. О том, кто они и кто мы, люди, и как нам общаться с ними, и как взаимодействовать, и зачем. Множество умов исковеркали его книги, а еще большему множеству по прочтении открывался свет истины, каждому свой. Книги запрещали, изымали, жгли; автора клеймили позором, называли еретиком и богохульником. А он все жил там же, где и всегда, отшельник посреди большого города, ни с кем не общаясь и никого не подпуская к себе.

Бронзовая колотушка имела форму человека, подвешенного за ноги и стучащего в дверь головой. Долго, очень долго не открывали; Вишванатан уже стал подумывать об уходе, когда, наконец, вышел сам хозяин, лысоватый старичок с аккуратной бородкой. Вишванатан представился, хотя и как-то скомканно, после чего был допущен внутрь.

Дом был тесен и захламлен. Старым было все, начиная от отделки потолков и заканчивая растениями в горшках. Повсюду громоздились кучи трухлявых вещей

и ветхих книг. Но впечатление от жилища при этом оставалось приятное, живое, не в пример мрачному дому Реджеп-бея. А во внутреннем дворе так и вовсе суетились какие-то люди, работая с бумагами.

Старичок разлил чай по стаканам и, предложив сесть, спросил:

— Вас интересуют мои книги? У меня есть любая из них на продажу. Надо, знаете ли, как-то сводить концы с концами.

— М-м... и да, и нет, — ответил Вишванатан. — Давайте сразу к делу. Аль-Ансар, — он положил на стол саблю Гюля. — Что вы скажете об этом?

Шейх Хадор отставил горячий стакан.

— А вам зачем это?

Вишванатан положил на стол саблю Реджеп-бея.

— Вот этими саблями меня только что чуть не убил... один из них.

Шейх провел пальцем по письменам на клинке и задумался.

— Что скажу? — он подергал себя за бороду и через прищур глянул на Вишванатана. — Так вы, я вижу, знаете о них не меньше моего. Чего вы хотите еще?

— Все. Я хочу знать о них все: кто они, что они делают, кто ими управляет.

— Это бесполезное знание, — сказал шейх.

— Вот как?

— Да, да. Настолько же бесполезное, насколько и сами Аль-Ансар.

— Бесполезное? Насколько я успел понять, они отличные воины. Они фанатично преданы своей организации. Это же очень серьезная сила. Разве они могут быть бесполезны?

— Могут, конечно. Для вас.

— Что?

— Ну вот, предположим, вы узнали, кто они... кто оставшиеся Помощники. Что вам с того? Они не станут

говорить с вами. В лучшем случае. А в худшем — попытаются убить вас. И то и другое для вас бесполезно.

— А. Хорошо, — Вишванатан замялся. — Но тогда есть кто-то, кому они небесполезны? Тот, кому они подчиняются?

— Во-от! Теперь вы спросите, кому они подчиняются. Но, поскольку вы явились ко мне, значит, вы знаете, что это я... Кто, кстати, выдал меня? Реджеп? Шаррак?..

— Реджеп.

— У вас, должно быть, редкий дар убеждения людей... Ну, так вот. Вы уже это знаете, тогда какой прок спрашивать это у меня?

— М-м...

— Вы хотели узнать, что делают Аль-Ансар. Я отвечаю вам: ничего.

— Ничего? Совсем?

— Да. Совсем ничего.

— Тогда зачем это все?..

— Низачем.

Вишванатан разгневался.

— Я не шутки шутить сюда пришел, — сказал он сквозь зубы.

— Еще чаю? — Шейх подошел к столику и зазвенел посудой. — Хорошо, любезный Вишванатан. Я вижу, вы злитесь. Хорошо, я скажу вам.

Он снова сел в свое кресло-качалку и продолжил.

— Аль-Ансар — это, если хотите, мой эксперимент.

— Что за эксперимент?

— Я создал их, дай бог памяти, лет пятьдесят тому назад. Сначала это был просто кружок почитателей стихов Мукаррама — да-да, помимо Досточтимого Писания святой Джабраил еще много чего написал. Он был великий человек, сейчас мало кто осознает подлинные масштабы его величия... Так вот, это были фанатичные люди. Верующие, если вы понимаете. Я столкнулся с ними случайно, пронаблюдал. И я по-

думал тогда: интересно, смогу ли я управлять ими. И это оказалось так просто. Я все обставил как таинственный ритуал. Заказал дорогие клинки, обклеил стены черным бархатом. Они получили то, к чему стремились — чувство собственного превосходства над толпой. А я получил семерых преданных псов. Они готовы на все. Полное подчинение. Триумф воли, если хотите.

— Но зачем?

— Я был молод и глуп, — отвечал шейх. — Так что правильный ответ все-таки «Низачем». Проба пера.

Он встал и порылся в куче книг.

— Вот, — на стол рядом с клинками лег средних размеров томик, озаглавленный «Основание».

— Что это?

— Я ведь, в сущности, все это уже описал вот тут. Без конкретики, конечно, — шейх снова сел в кресло. — Видите ли, Вишванатан. Людьми очень просто манипулировать, если знать, на какие точки нажимать. И это не страх, и это не деньги, нет. То есть, конечно, и это тоже, но проще играть не на этом.

— А на чем?

— Жажда власти, — отвечал шейх Хадор. — Стремление стать выше остальных. Дай человеку хотя бы малейший намек на то, что он превосходит других людей, хотя бы в чем-то — и он твой навек. На этом построено так много обществ и организаций, что диву даешься: ведь они это делают от себя, так сказать, в силу животного магнетизма, не осознавая. А я осознал. Аль-Ансар были только пробой, и пробой удачной. Закрытое общество, обладающее тайным знанием — да многие убить готовы только за то, чтобы вступить туда.

— И убивают?

— А вы как думаете?.. — оба помолчали. — Так вот, Аль-Ансар — это была только первая ласточка. Потом были другие... Но это все неважно. Важна простота. Люди настолько предсказуемы.

— Почему вы мне это рассказываете? Вы не боитесь... открывать эти сведения кому-то?

Шейх покачался в кресле и ответил:

— Вы мне нравитесь, Вишванатан. У вас живой ум, а это нынче редкость. Вы поймете меня. Может быть, это пойдет вам на пользу. Что же касается Аль-Ансар... а также Ан-Нушата, Аль-Джайидун, да всех их... Они как бы есть, и их нет. Они спят. Я вам не скажу больше ничего, а без меня вы не найдете концов. Понимаете, в этом суть Основания — почитайте обязательно. Все люди видят хана, видят вазиров и беев, и думают, что это правильная природа управления. Но истина вот тут, — он постучал по книге. — Если известен лидер — организация уязвима. Значит, лидер не должен быть критическим звеном. В идеале его вообще нет. Никто ничего не знает. Кажущийся хаос, все что-то делают, до конца не понимая, зачем — но из кусочков как бы само собой складывается целое. Как мозаика. Устрани одного человека, двух, десяток — организация продолжит работать. Мир придет к этому, рано или поздно. Возьмите, — шейх пододвинул книгу. — Дарю.

Вишванатан поднялся.

— Позвольте еще вопрос, — сказал он, собирая вещи. — Вы убили Озхана?

Шейх Хадор склонил голову набок.

— Нет. Это не мы.

— И вы не пытались?..

— Мы не пытались, — ответил шейх. — Нам это ни к чему. Война армий — а такие убийства всегда ведут к войне — так вот, война — это дикость и архаизм. Мы против войны армий. Мы за войну умов. А тут умом не пахнет, увы.

Трава

Копыта ударяли по земле почти бесшумно, только и слышно было сочное чавканье переламываемых стеблей травы.

Дорога исчезла еще вчера, утонула в разнотравье, а мостовая на ней закончилась и того раньше. Кругом была великая степь. Плоская как стол, она простиралась до самого горизонта, который превратился в безупречно прямую линию. Ветер гнал волны по траве, пряно пахли цветы, трещали насекомые.

Небольшой отряд под началом Йылмаза Шестипалого выехал из столицы четыре дня назад. Где-то в степи кочевала орда Шамаля Демиркола, младшего брата хана. Ее они и искали, чтобы призвать в столицу.

Род Демиркол, или Железная рука, происходил с севера степи, из самого сурового ее края, где ветры свирепы, а травы скудны. У подножия снежных гор в долине пересыхающей на зиму реки они кочевали, как и тысячи других степных родов, и прозябали в нищете. Так продолжалось очень долго, и ничего не менялось, да они и не хотели ничего менять. Они не мыслили жизни вне степи.

Но однажды с неба упала звезда и разбилась в горном ущелье. Шаманы стали гадать, что за знамение явили им Небеса. Одни говорили, что это знак конца времен, и скоро Небо расколется и падет на землю каменным дождем. Другие — что это птица Феникс, что появляется раз в тысячу лет.

А Тёме́р Демиркол, глава рода, не стал ничего говорить. Он взял своих лучших воинов и отправился в горы. Это было тяжелое испытание, ибо степной народ не любит гор и боится их. Однако они покинули степь, углубились в долину и нашли павшую звезду. На дне огромной воронки лежала она, остывшая и почерневшая, и они увидели, что звезда сделана из железа. Темер поднял ее и увидел в очертаниях небесного

камня стиснутый кулак. «Железная рука, — зашептали воины, — Небеса дают тебе знак».

С этого и началось завоевание мира.

Поколения спустя, когда Демирколы взошли на вершину славы и могущества, Железная Рука была перевезена в Шемкент и установлена в дворцовом святилище. А в том ущелье, где она была обретена, поставили памятный столб из черного гранита с высеченным стиснутым кулаком.

А земли вокруг столба по-прежнему принадлежали роду Демиркол. Там умножались их табуны, там учились езде и военному делу их юноши. Туда-то и держал путь маленький отряд.

Горы словно проявились из голубой дымки над горизонтом. Их снежные вершины — словно спящие воины, ждущие своего часа. А пониже вечных снегов, там, где равнина встречается с предгорьем, появилась черная полоса. Она росла вширь, и скоро стал слышен грохот тысяч копыт. Орда Шамаля Демиркола мчалась навстречу.

Отряд словно оказался в бушующем море грив. Лошади множества мастей мчались мимо, их топот заглушил все. А когда табун промчался, подъехали воины. Тысячи их — молодые, сильные, готовые к битвам и славе. Шамаль ехал во главе орды, и алые перья на шлеме его трепетали на ветру, как пламя.

— О могущественный! — Шестипалый спешился и припал на одно колено. — Твой брат, величайший из великих Хан Востока Озмак из рода Демиркол (да продлятся дни его!) просит тебя прибыть в Шемкент. Война грядет. Настало время сокрушить западных безбожников.

— Война? — Шамаль повторил это слова, будто стараясь ощутить его вкус. — Война! Вы слышали? Война грядет! — он обратился к своим тысячникам. — Как долго мы ждали этого. Настает наше время! — он повысил голос. — Этот мир стал утомителен. Война — вот это

дело по мне! Мы выступаем немедля! Мы обрушим нашу ярость на ничтожные войска Запада, сокрушим их и развеем, как прах на ветру! Война!

— Война! Война! — заревела орда в ответ.

Оленья тропа

«У Ибрагимбека» было на удивление безлюдно: пустовали стульчики на улице в тени акации, и даже под навесом. Редкие прохожие, не задерживаясь ни на мгновение, проходили мимо чайных и лавок, которые почти все были закрыты. Удручающее зрелище. Вишванатан юркнул в занавешенный проход.

Садык-джан сидел внутри в самом темном углу, а кроме него и хозяина, копошившегося у самовара, в чайной никого не было.

— Город напряжен, как тетива, — сказал Вишванатан, присаживаясь. — Многие уже поразъехались, а те, кто остался, предпочитают сидеть дома.

— Будут грабежи, — отвечал Садык-джан. — Столько домов пустует. А уж что начнется, когда случится война...

— Там уж будет не до этого.

— Вай, ищейка! Да тебе ли не знать этих людей? Воруют всегда, а случись какая-нибудь заварушка — воруют всемеро.

— Хм... да, — что тут возразишь. — Мне опять нужна помощь, — кошелек привычно звякнул на стол.

— Слушаю тебя.

— Некий Батыр Сиркеджи, повар из дворца, живет на улице Зеленщиков. Пропал три дня как. Не вернулся домой со службы.

— Проклятое место этот дворец! — усмехнулся Садык-джан. — Люди один за другим пропадают. Ну, хорошо, ищейка, я попробую разузнать. Но время сейчас уже не то. Послезавтра получишь ответ.

Вишванатан встал.

— Ищейка!

Садык-джан выпустил огромное облако дыма и прододжил:

— По поводу Гюля. Его искал еще один человек. Беловолосый, с севера. Приехал позавчера из-за Моста, выспросил все у его жены, потолкался там и сям и уехал обратно.

— Спасибо, Садык-джан.

— Ты платишь — я говорю.

Лавки на мосту не открывались уже несколько дней: никто не хотел покупать ничего у торговцев с другой стороны реки, а у своих можно было купить и внутри города. Стражники ворот, в былое время развлекавшиеся болтовней с прохожими да глазением на женщин и девиц, сейчас посуровели и пристально смотрели в лицо и вслед каждому, кто пересекал Шем. Вишванатан с телохранителем — на этот раз таким же южанином, как он сам — быстрым шагом миновали полосу раскаленного камня и вошли в Симиус через высокую стрельчатую арку, прорубленную в городской стене на месте древних ворот.

Город сразу облепил его, как жидкая грязь — тесный, дымный, тенистый. Здесь было холоднее, чем в Шемкенте, и очень людно, но напряжение чувствовалось точно так же. То и дело Вишванатан ловил неприязненные взгляды из толпы. Чужих не любили здесь, а тем более настолько чужих, а тем более на пороге войны.

План был таков: потолкаться на рынках, в трактирах и у старьевщиков, якобы пытаясь сбыть костяного оленя, выигранного в шатранч (Вишванатан специально изъял его из хранилища улик в ханской тюрьме); понабивать цену, а главное — посветиться на глазах у тех, кого этот олень заинтересует особенно. Если никто не выйдет на связь до завтрашнего вечера — то, значит, и вообще не выйдет, и можно возвращаться.

Весь день Вишванатан и его тень Балакришнан бродили по запыленным улицам Симиуса. Они побывали в таких местах, куда нога человека из-за реки не ступала никогда. Местные таращились на двух южан как на диковинных животных, тыкали пальцами, дети что-то голосили и бежали вслед, дергая за одежду. Торговцы, старьевщики, ростовщики — Вишванатан потерял им счет. Он старательно выспрашивал у каждого цену, у некоторых даже торговался, и уходил ото всех со словами «Я подумаю». Но ни один торговец не выдал того особенного интереса, которого сыщик так ждал.

Стемнело, и нужно было возвращаться в постоялый двор. Улицы вмиг обезлюдели, а в стеклянных ящиках на стенах тут и там загорелись огни — это горела нефть, поступавшая туда по спрятанным трубам.

Огромные тени от Вишванатана и его спутника метались от стены к стене, пока они, все ускоряясь от смутной тревоги, пересекали засыпающий город.

— Куда торопишься?

Из темного переулка вынырнули две фигуры, преградив путь.

— Постой, поговорим.

— Я спешу, — отвечал Вишванатан. — Извините.

— Черномазый спешит, — сказал незнакомец язвительно. — Он не хочет говорить с нами. Он брезгует.

Вишванатан протиснулся между встречными и тут же получил удар в голову, к счастью, касательный — больно, но безопасно. Впрочем, равновесие он потерял и чуть не упал совсем. Он обернулся, но Балакришнана нигде видно не было. Что за дела.

— Что вам нужно? Деньги? — Вишванатан попятился. — У меня есть, много, в комнате.

— Черномазый хочет откупиться, — сказал незнакомец. — Он думает, мы хотим его ограбить, — звякнул и тускло блеснул в свете фонаря короткий нож.

Вишванатан понял: это не грабители. Молодые выходцы из низших слоев, одурманенные идеей — тут же вспомнился шейх Хадор и его Основание — превосходства бергландской нации над всеми прочими. Бледная звезда — так называлось это движение. Страшные вещи рассказывали о них: будто бы они выходили на улицы по ночам и убивали припозднившихся прохожих только за то, что те были родом с востока.

Или с юга.

Сердце отчаянно заколотилось, по всему телу выступил пот. Вишванатан испугался по-настоящему. Кто-то схватил его за руки сзади — видимо, к убийцам подошло подкрепление. Он рванулся несколько раз и затих, поняв безвыходность положения.

— Ты продаешь вещь, которая дорога мне, но откуда она у тебя? Твои друзья отняли ее у меня, когда я был у вас в гостях. Ограбили меня. Вот оно — гостеприимство Востока.

Незнакомец с ножом приблизился и сказал тихо:

— Нечего тебе тут разгуливать, — нож ударил в Вишванатана в живот, — да еще и таскать с собой наши священные символы, — еще удар, — касаться их своими грязными руками.

Тут Вишванатан мысленно отблагодарил Небеса, Железную руку, Старое Солнце, Всеотца и всех прочих богов Востока за славный обычай носить ватные халаты. Толстый слой войлока поглотил силу ударов короткого ножа, а оставшуюся приняла на себя кольчуга, которую он предусмотрительно надел. Кроме того войлок заглушил звон лезвия о металлические кольца, и убийцы не сразу заметили, что жертва и не думает умирать. А вот сама жертва, поняв, что жизнь ее еще не закончена, воодушевилась и перешла в контратаку.

Сильный удар головой назад удачно пришелся точно в нос. Злодей взвыл и выпустил руки Вишванатана, который только этого и ждал. Схватив руку с ножом, он перенаправил очередной удар в горло

незнакомца, стоявшего левее. Тот упал, захлебываясь кровью; убийца выпустил нож и растерялся. Вишванатан лягнул его в промежность и помчался прочь, оттолкнув третьего негодяя, все еще зажимавшего разбитый нос.

Только запершись в своей комнате на постоялом дворе, Вишванатан пришел в себя и осмотрелся. Кольчуга была все-таки повреждена в нескольких местах — насколько же этот неизвестный убийца ненавидел всех чужаков, если бил так сильно? Раны были неглубокие, но требовали немедленной обработки, чем он и занялся, и лишь по завершении процедуры осознал, что сумка с драгоценным оленем осталась там, на месте схватки. А еще интересно, где все это время был несчастный Балакришнан. Боюсь, он уже мертв. Не везет мне с телохранителями. Точнее, им со мной.

Вишванатан покинул Симиус на рассвете, как только открыли ворота. Стражники долго смотрели ему вслед.

Птица Гнева

Ветер моря снова трепал ее волосы, солнце согревало ее. Она ехала домой.

«Летучая рыба» оказалась во главе небольшой флотилии. Двенадцать пузатых кораблей Ромулуса вместили в себя две тысячи воинов. Еще шесть тысяч отправилось пешком по Эвдоксовой дороге — древнему тракту, соединившему все прибрежные полисы Внутреннего моря в незапамятные времена, еще до Великого Мира.

Выступление в сенате дало результаты лучшие, чем она ожидала. Само собой, сенаторы уже все обдумали до ее приезда, и первоначально хотели выслать в помощь столице три тысячи воинов. Но ее упоминание о Юге наполнило их сомнением. А когда ромелиец

в сомнениях — он перестраховывается. Поэтому их архитектура такая монументальная, корабли такие огромные, купцы такие богатые, а воины — такие смертоносные.

Сенаторы дали ей десять тысяч сразу, а понтифик Януарий из города Ульпилы обещал выслать еще минимум две тысячи оттуда.

Следующий день она провела в каком-то полузабытьи, просто гуляя по улицам Ромулуса. Дома, деревья, люди проходили мимо и исчезали в серой пелене. Она ничего не запоминала, и мыслей тоже не было никаких. Напряжение, в котором она пребывала во время выступления, схлынуло и опять, как несколько дней назад, лишило ее сил и способности к восприятию действительности. Лица, мосты, колонны слились в сплошное серое панно, хаотический барельеф, похожий на искусство мертвой Урукашты. Единственное, что отпечаталось в памяти более-менее отчетливо — это ромулусский Сементериум, куда она забрела совершенно случайно. Невысокое по местным меркам, унылое здание из кирпича пряталось в рощице каштанов на самом берегу Эриса. Его простая форма — гладкий цилиндр без окон, с плоской крышей и единственной дверью — настолько противоречила обычной пышности и изяществу города, что казалось, будто оно упало сюда с небес, подмяв собой целый квартал.

Это был мавзолей императора Корнелия, разграбленный во время мятежей, захлестнувших страну в правление Трибунала, и обращенный в тюрьму. После реставрации Империи Долгое время он пустовал и постепенно приходил в негодность, обрастая мхами, пока, наконец, городской совет не передал здание Церкви Сементериума.

Наклонный коридор довольно круто уходил вниз, в центральную камеру, которая, впрочем, была больше похожа на колодец. Далеко вверху виднелся кружок неба, но здесь царил глубокий полумрак. Кирпичные сте-

ны совсем почернели от лишайников, а от саркофага Корнелия, некогда стоявшего в середине двора, осталась только куча обломков. Унылую картину усугубили еще и могильщики, обосновавшиеся тут. У дальней стены они соорудили что-то вроде алтаря с черепом наверху, а вдоль левой — уложили двух не очень свежих покойников. Угрюмый жрец как раз закончил копошиться в углу; увидев Алов, он поклонился и молча проследовал на выход. Шаги стихли, и тишина стала полной.

Она что-то поняла там, в этой тишине. Сейчас, при ярком солнце, под морским ветром, это постоянно ускользало, но она знала, что стоит ей опять оказаться в сумраке и тишине церкви, как она сразу снова поймет это. Поймет, чем ее так манит к себе Сементериум. Почему ей так спокойно в их церквях — пусть среди черепов и мертвецов, почему приятно беседовать с их жрецами — пусть глуповатыми или грубоватыми. Какая-то особая простота и естественность заложена в их учении, которой нет ни у нас, ни у ромелийцев, ни тем более на Востоке.

Ох, боги. Я совсем запуталась.

Столько событий произошло за последнюю неделю. Столько всего она узнала и столько сделала. А ведь сколько еще впереди — кто знает? Мы считаем, что Тидд, владыка времен. Ромелийцы спрашивают будущее у Хрона. Озхан сказал бы, что на все воля Небес. А Ярелл бы заявил, что будущего нет, и мы сами его создаем, живя.

Вот оно.

Сементериум вывернул мир наизнанку. Все верования отдают власть над миром сверхсильным богам и демонам, делая человека игрушкой в их руках. А неграмотные могильщики с далекого севера, где солнце, говорят, не заходит летом и не встает зимой, уравняли человека и богов. Их учение дало ему власть над своей

судьбой — над тем единственным в мире, что действительно принадлежит человеку и только ему.

Алов улыбнулась. Она — хозяйка своей судьбы. Ей сразу стало легче, и даже бездонные пучины внизу уже не так страшили. Она опять летела навстречу ветру, готовая ко всему. Должно быть, так чувствовала себя Парфения Безжалостная, знаменитая женщина-пират древности, наводившая ужас на все Внутреннее море тысячу лет назад. Но у Парфении было всего три корабля да сотня головорезов. А Алов Птица Гнева вела за собою две тысячи! Трепещите, свободные полисы!

Из-за горизонта как раз показалась вершина вулкана на острове Ликея, куда держала путь армада Птицы Гнева.

Сезон дождей

Хлестало так, что улицы превратились в бурные реки. Кромешную тьму за окном иногда взрывали вспышки молний, позволявшие различить сквозь пелену дождя разве что крышу таможни. Все остальное было погружено в серую муть.

Ставрос закрыл ставень и вернулся к столу. Единственное, что было хорошо в Южном Волоке, так это то, что здесь всегда тепло. Даже сейчас, когда снаружи разверзся настоящий водяной ад. Все остальное здесь было ужасно. Вот эти обложные дожди, полностью перекрывающие навигацию весной и осенью. Постоянно ошивающиеся тут толпы дикарей с юга или того хуже — из Неджда. Жутко дорогая еда, причем не самая лучшая (за исключением лета, когда с юга везут диковинные фрукты). Такой уж он, самый южный форпост цивилизации.

Ставрос служил старшиной таможни уже восемь лет. До этого он, как и многие жители Мраморных островов, много лет ходил по двум морям, торгуя овощами

и хлопком. Но годы взяли свое, и он ослаб зрением настолько, что не видел дальше своих рук. Ликейские глазные стекла немного исправили положение, но море пришлось оставить. Ставрос устроился на таможню, и довольно быстро дослужился до старшины. Помог его купеческий опыт и природная хитрость.

Теперь он был правой рукой гюмрюк-бея Муаддиба ибн-Ассаса, практически вторым человеком во всем Южном Волоке. От него зависело, кто сможет проехать внутрь и выехать наружу, и сколько товаров провезет с собой. Он часто представлял себя неприступной крепостью, защищающей рубежи ханства от бесформенного хаоса, пиратов и контрабандистов, царящих во внешних водах.

Дверь с треском распахнулась, и бесформенный хаос ворвался в комнату. Ставрос чуть не подавился и вскочил, опрокинув стол. Кровожадные дикари с Юга, они все входили и входили, откуда их столько, что им надо?

— Западный ворота открывать! — крикнул кто-то из них.

— Угу, — Ставрос кивнул и выпал в окно.

Мутный поток подхватил его и понес. В переулках, не залитых дождем, он замечал толпы дикарей. Не такие уж они дикари, раз смогли подобраться незамеченными. Зачем им западные ворота? Неужели они хотят прорваться к Западному Волоку?

Нападение! Это война! Они, наконец, напали. Правы были мудрецы, предупреждавшие, что рано или поздно Юг восстанет. Надо отправить весточку в Шемкент, и быстрее! Ух!

Поток сорвался с набережной в гавань. Ставрос очутился между каменной стеной и бортом корабля, сверху на него лилась грязная вода, валились какие-то очистки, уличный мусор. Отплевываясь, он поплыл вдоль стены. Он жив, и это главное. Он сможет спасти

страну. Он знает этот порт, через двадцать локтей в стене будет лаз — вот, кстати, и он.

Пробираться подземными ходами во время такого ливня было непросто. Хорошо еще их полностью не залило. Воды было почти по пояс, и течение то и дело сбивало его с ног; мрак был абсолютным, но он шел по памяти.

Лестница совсем проржавела, но еще держалась. Деревянный люк наверху был чем-то завален. Ставрос напрягся и выдавил его, оказавшись в захламленном сарае. Это был дом Эвримена, его любовника.

Сам любовник спал как убитый. Ставрос разбудил его оплеухами и, вытащив из постели, заставил одеваться. Тот перепугался не на шутку, и было отчего: после путешествия по затопленным подземным ходам вид у Ставроса был не самый благостный.

Через несколько минут они уже пробирались задними дворами к северным воротам. Улицы кишели дикарями: они бегали туда-сюда, носили что-то, выгоняли жителей из домов. Молнии участились, и гром грохотал почти непрерывно, нагнетая и без того напряженную обстановку.

У северных ворот толклись два дикаря. Ставрос и Эвримен подкрались к ним сзади и перерезали горло одновременно. Те не успели издать ни звука и даже не дернулись, просто повалились на землю и ушли под поверхность воды, залившей небольшую площадь. Хорошо.

Лошади в конюшне были все на месте, дикари еще не успели их увести. Эвримен оседлал свою неджскую, и они поспешили к воротам.

Воротами, впрочем, называлась небольшая дверь в городской стене. Над ней даже башни не было. Ставрос открыл замок и снял запоры, и дверь распахнулась под напором воды, сразу хлынувшей наружу. Лошадь заупрямилась, не желая проходить в невысокий проем.

Да поскорей ты! Эвримен тянул животное за уздечку, а Ставрос похлопывал ее по бокам, толкая к двери.

Сзади послышались вопли дикарей и шлепанье множества ног. О боги, да это не лошадь, а осел! Ставрос от души шлепнул ее по крупу, после чего получил сильнейший удар копытом в живот. Дыхание перехватило, он отлетел в сторону и упал в грязь. В проеме двери мелькнул лошадиный хвост — хорошо, значит, Эвримен успел выйти. В тот же миг несколько рук схватили его, поставили на ноги и поволокли прочь. Несколько дикарей метнулись к распахнутым воротам, споткнулись о притопленные тела, что-то закричали. Ставроса остановили, звякнул клинок. Он понял, что сейчас умрет. Но это было неважно, Эвримен уже далеко, он донесет весть. Вспышка молнии осветила залитую улицу и свирепые лица дикарей, а грома Ставрос уже не услышал, погрузившись в мутную воду.

Пузырек

Садык-джана «У Ибрагимбека» не оказалось.

— Нынче они не заходили, — сказал Ибрагимбек. — Должно быть, отправились к Артемиде.

Артемида Ликейская держала дом любви с самой плохой репутацией. Говорили, она покупает своих девушек у работорговцев. Говорили, она позволяет клиентам делать все что угодно (и добавляли страшным шепотом: *вообще все*).

Информатор действительно был там. Вишванатан встретил его выходящим из выкрашенной в голубой цвет по ликейскому обычаю двери. Он раскланялся с хозяйкой, которая самолично спустилась проводить его — видно, постоянный клиент, а может, просто нужный знакомый — нахлобучил феску и увидел сыщика.

— А, ищейка, — дежурная улыбка выползла на лицо и уползла обратно. — Ты рановато. Но мне есть что сказать.

— Мир тебе, Садык-джан.

— Твоего повара нашли. Он пытался проскользнуть через северные ворота. Мой человек затеял драку, стражники забрали обоих. Сейчас они в ханской тюрьме.

— Он жив?

— Жив, — ухмыльнулся Садык-джан, — и здоров. Только немного помят. Я лично проверил, чтобы у него отобрали все, чем он мог бы... ну... ты понимаешь.

— Благодарность моя не знает границ.

— Ну, так я предложу ограничить ее тридцатью монетами, — сказал Садык-джан. — Дорого, а что делать: мне еще нужно навестить начальника караула, чтобы моего человека выпустили поскорей.

Кошелек отправился в карман к информатору, а Вишванатан — в ханскую тюрьму. Она примыкала к внешним стенам дворца, и в нее помещали государственных преступников. Почему повара упрятали туда, было неясно — возможно, драку у ворот сочли вражеской провокацией.

В тюрьме было сыро, темно и противно. Районные тюрьмы были не в пример чище и ухоженней — а все потому, что там заключенные платили за свое пребывание, здесь же все оплачивала казна, поэтому большая часть денег разворовывалась еще во дворце.

Стражники проводили Вишванатана в камеру к Батыру, выдали ему факел и удалились.

Повар был жалок. Он был толстоват, но от потрясений как-то подсдулся и скособочился. Под левым глазом сиял здоровенный фингал — следы драки. Он сидел на куче сырого тряпья, а из одежды на нем были только драные шаровары и войлочная жилетка.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

Повар отшатнулся от света, прикрыв глаза руками:

— Нет, понятия не имею!

— Почему ты подался в бега?

— Никуда я не подавался! Ни в какие бега!

— Ты не пришел на службу...

— Какая может быть служба, если война...

— То есть ты все же сбежал?

— Я?.. Ну хорошо, да, да, да! Я сбежал. А знаете почему?

— Ты сейчас расскажешь.

— Я сбежал потому, что этот город скоро падет! Кровь и смерть идут на его улицы! А я не хочу, не хочу умирать!..

— Если бы сейчас была война, это было бы дезертирством...

— Да! Было бы! Поэтому я решил уйти, пока войны нет.

Складно плетет.

— А я думаю, ты сбежал не поэтому.

— Да? — повар уставился на сыщика, в его лице читалось недоверие и страх.

— Ты сбежал, чтобы уйти от правосудия. На тебе кровь, Батыр.

— Нет-нет-нет... да что вы такое говорите? Какая кровь? — вскричал Сиркеджи возмущенно.

— Ты отравил Фуркана Бузоглу.

— Фуркана?.. — повар словно вспоминал что-то. — Да что это! — он снова ударился в крик. — Никого я не травил! Что вы такое говорите? Вы кто вообще?

— Я служу великому вазиру.

— А-а, вазир ан-Надм! Он всегда был мною недоволен! Все время приставлял ко мне своих шпионов, чтобы следить, не подложу ли я чего в еду мудрейшему хану... Но я чист! Мне нечего скрывать! Я сам всегда пробовал все, что готовил, и шпионы были посрамлены!

— Кого ты еще отравил?

— Кого?.. Что?.. Да говорю же — никого я не травил! Все! Ничего вам больше не скажу! — повар отвернулся к стене.

Ан-Надм скривил губы.

— Запирается?

— Ну... вообще я не уверен, что он как-то причастен к этому. Но проверить-то никак нельзя. Тело покойного Фуркана было сожжено.

— Придется допросить его по особой процедуре, — сказал ан-Надм.

— Я, собственно, за этим и пришел, — Вишванатан развел руками. — Если уж допрашивать — то по полной. А это значит, придется задать ему вопрос о наследнике. Значит, об этом узнают лишние люди. Батыр, мастер допросов, стражники у дверей, может быть. Мне показалось, это требует вашего решения...

— Допроси его сам, — отрезал вазир. — К шайтанам мастера допросов. Стражников тоже отозвать, вели им заткнуть уши, наконец.

— Сам? — Вишванатан не любил допросы по особой процедуре. Реджеп-бей был исключением, он угрожал ему лично.

— Никто не должен узнать об отравлении. Никто. Только если повар сознается. Только в этом случае. Все, свободен.

Вишванатан шел в тюрьму в совсем упавшем расположении духа. «Если повар сознается». А если нет? Вазир намекнул, что его придется убрать, и это совсем не радовало сыщика.

Ликея

— Нет.

Ликейцы были в чем-то похожи на ромелийцев — должно быть, неторопливостью, основательностью. И в то же время они были совсем другими. В этом городе, более старом, чем Ромулус, и люди были старые — или так лишь казалось из-за местного обычая не брить и не стричь бороды. Такого количества разнообразных бород и усов Алов еще не встречала.

Город теснился на южном склоне спящего вулкана. Здесь не было монументальности Ромулуса, изящества Симиуса или тяжести замков севера. Простые здания в белой штукатурке наползали одно на другое, бурые черепичные крыши перемежались оштукатуренными же куполами; серые плиты мостовой, косые переулки, пересеченные лестницами — и во всем ни единой доли порядка. Город рос, как придется. Издали он был похож на лишайник, покрывающий бок огромного камня. Вот это серое пятно — самая старая часть, агора, академия и главные храмы. Вот этот бурый налет — портовый район со складами, гостиницами и доками. А вот эта рыжеватая корочка — крыши новых кварталов. Новых, впрочем, по местным меркам — они отстроены на месте района, разрушенного извержением вулкана три сотни лет назад.

Ликея — самый большой из старых полисов, хоть и не самый богатый.

Совет полиса встретил Алов под портиком храма бога морей, который считался покровителем Ликеи. Пара десятков старых философов и политиков, сидевших на ступенях, выслушали ее, перекинулись парой слов на своем языке, а затем самый старый из них — или казавшийся старым из-за широченной седой бороды — сказал:

— Нет. Ликея не вступит в войну.

Алов опешила.

— Вы связаны клятвой верности трону Симиуса. Вы должны...

— Мы ничего не должны, девочка. Клятвы — ничто. Силу имеет лишь то, что записано и стало известно всем.

— Союзный договор подписан отцами Ликеи много веков назад.

— И что в нем написано? Ты читала его?

Алов не читала. Она почувствовала, как щеки покрываются предательскими красными пятнами. Мудрец тоже увидел это.

— Он говорит о дружбе и торговле, он говорит о ненападении, об исчислении налогов, о ловле беглых, о покровительстве Империи. Но он не говорит ничего о военной помощи. Поэтому мы говорим тебе «Нет».

— Тогда я прошу вас о помощи сверх договора. Она будет оплачена, — попытка не пытка.

— Ты просишь нас послать наших детей защитить город, который считает себя выше других. И предлагаешь нам золото в обмен на их жизни. Ты хочешь купить их у нас?

— Не купить, а вознаградить их за услугу.

— Но ведь они умрут, и платить ты будешь нам, а не им. А что нам Империя, по большому счету? Огромное далекое чудовище, которое существует в том числе и за наш счет. Мы принимаем его, и готовы жить по его правилам ради тех благ, что оно дарует нам. Но скажи, что изменится здесь, если одну Империю сменит другая?

— Война придет к вам.

— О нет, девочка, едва ли. Я скажу тебе, что будет. Приедет гонец из столицы с вестью о том, что теперь у нас новый император. Или хан. Или сенат. И все. Ликея продолжит стоять.

Алов молчала, ей нечего было возразить.

— А если ничего не меняется, почему мы должны посылать наших детей на смерть?

— Но ведь если завоеватели придут к вам, вы будете сражаться.

— Будем, и умрем здесь, защищая свои дома. Но это будет уже наша война.

Встреча была окончена. Пытаться переспорить философа из Ликеи — все равно, что уговаривать гору подвинуться. Это мог бы попытаться сделать философ из Неаполиса, но у Алов под рукой такого не было.

— В таком случае вынуждена покинуть вас, уважаемые мудрецы, — она слегка поклонилась. — Благодарю за уделенное мне время.

Алов вышла под солнце агоры, накинув на голову капюшон. Она была раздосадована. Причем не тем, что ей не удалось привлечь дополнительные силы на защиту столицы, а тем, что она так опозорилась перед одними из мудрейших людей Империи.

И снова в путь, снова волны мчатся вдаль, окатывая брызгами стройную «Летучую рыбу».

— А может оно и к лучшему, что ликейцы с нами не поехали, — сказал Тимеос.

— Почему?

— Скользкие они какие-то. В других полисах их не любят.

Алов вспомнила, что сам капитан тоже родом откуда-то с Мраморных Островов, то ли из Неаполиса, то ли из Миноса.

— Да и потом, войско-то у них маленькое. Тысячи даже не наберется, пожалуй.

Так вот почему старики отказались выступать с ней. Они тоже боятся. Прикрываются своими договорами и хитрословием, а в основе всего — самый обычный страх. И страх обоснованный, если у них действительно такое маленькое войско. Что ж, пусть и дальше прячутся на своем вулкане. Империя не забудет их, когда все закончится.

В тупике

Хмурое утро, и отчего-то болит голова. Вишванатан шел к великому вазиру и думал. И было о чем.

Повар не сознался. Сначала он держался, ругался, грозил судом, но к концу первого часа особой процедуры обычно все ломаются, и он не стал исключением. Он стал требовать пощады и обещал рассказать все, что знает. Несколько раз Вишванатан прекращал процедуру в надежде услышать хоть какое-то признание, но вместо этого повар снова принимался ругаться и плеваться.

К исходу второго часа пошла информация. Ее было немного, и все сводилось к одному: да, это он, Батыр Сиркежди, отравил Фуркана Бузоглу молоками рыбы-пузырька. Он сделал это потому, что хотел помочь своему племяннику продвинуться по службе, а Проклятый Фуркан был грубиян и мерзкий язычник, и питал к нему, Батыру, лютую ненависть. Однажды Фуркан даже хотел в ссоре отрезать ему палец. Даже если бы не племянник, он бы все равно отравил его, потому что не в силах был сносить издевательства. А сбежал он, потому что боялся, что его преступление вскроется.

Однако сверх этого повар ничего не сообщил. Вишванатан поднажал еще немного, но все было бесполезно. Даже прямой вопрос «Это ты отравил наследника Озхана?» не помог. Повар запричитал и категорически отверг всякие обвинения в этом. И Вишванатан понял, что след оборвался.

Убить повара у него не поднялась рука. Он обработал ему порезы и дал выпить грибного отвара. Это займет его разум на сутки, погрузив в мир причудливых видений, и еще пару дней после он не сможет и двух слов связать, а дальше видно будет.

Ан-Надм тоже был не в духе, видно, плохо спал ночью. Выслушав историю повара, он лишь спросил:

— Ну?

— Мы в тупике. Все следы оборвались. Сабля Гюля это вообще пустышка. Костяной олень — подарок с запада, конечно, но никакого отношения к делу не имеет. Скорее всего, Гюль отобрал его у кого-то из злодеев, которые пробрались в Шемкент. Повар — бесспорный убийца, но и он не травил нашего наследника. Мы снова ни с чем.

— У меня тоже ничего, — сказал ан-Надм понуро. — Ханское семейство — это клубок змей, но, по-видимому, неядовитых. И какие будут предложения?

— Хм... — оба замолчали надолго. — Ну, я вижу еще один вариант, правда, бесперспективный — это Фуркан Бузоглу.

— Бузоглу? Это, кажется, отравленный повар?

— Да. Просто больше некому. Остальных уже всех допросили, и ничего не выяснили.

— Так мы можем додуматься до чего угодно, — отмахнулся ан-Надм. — Ты еще скажи, что во дворце действовала шайка поваров-убийц, один отравил наследника, второй отравил первого, чтобы не осталось следов, и так далее. Это дичь какая-то.

— Вот вы сказали, и я подумал, а ведь может быть и правда так оно и есть. Вопрос — кто за этим стоит... — Вишванатан замолк, уставившись на ан-Надма.

— Что?.. Ты на что сейчас намекнул? Ты считаешь, что я мог все это устроить?

— Не подумайте плохого, — Вишванатан замахал руками, — но если посмотреть отвлеченно — то да. Правда, тогда встает вопрос мотива, и потом, зачем выбирать такую извращенную схему, если можно убить человека гораздо проще... — он снова умолк, глядя вазиру в глаза.

— Да ты что, совсем ополоумел? — ан-Надм вышел из себя. — Теперь он утверждает, что это я убил наследника!

— Так ведь опять больше некому, — покачал головой Вишванатан. О своих наблюдениях и замерах ладоней он умолчал, потому что и так уже утвердился в своей версии.

— Есть.

— Кому?

— Самому хану, — ан-Надм указал в потолок. — Я с ним еще не говорил об этом.

— А мотив?

— Да их тысячи каждый день. Наш хан, к сожалению, истеричен, как базарная торговка. Он пытается изображать величие, но порой его прорывает, и он творит всякие глупости.

Да, про хана-то Вишванатан как-то и позабыл. Позабыл, что это не богоравное существо, а такой же человек, как и он, с такими же мыслями, страстями и страхами.

— В общем, так, — сказал ан-Надм. — Я попробую вывести хана на разговорчик. Ну а твоя работа на этом закончена, ты все сделал как надо. Отдохни пока.

— Сколько?

— Сколько чего?

— Сколько отдыхать?

— Ну... не знаю, — ан-Надм отвернулся к окну. — Неделю-другую. Пока все не прояснится. Ступай.

Вишванатан вышел в еще большем расстройстве. Его отстранили, а ведь работа для него — самая важная часть жизни. Да что там — она и есть его жизнь. Это отличительная черта касты Прабхавата.

Ничего, утешал он себя, ничего. Это ненадолго. Вазир просто запутался сам. Скоро он придет в себя и вернет его на службу.

И тут же мысль на краешке сознания: вазир — убийца наследника. Долго ли он продержится сам? Что если возвращать Вишванатана на службу будет уже некому?

Волок

Дожди опережали нас, как будто сам бог грома Арьяваджра трубил о нашем наступлении.

Южный Волок был взят быстро и почти без потерь. Несколько жителей сопротивлялись и убили четверых воинов, да двое погибло от рук ночных убийц у северных ворот. Виновных казнили, а заодно и их начальника.

Хуже было то, что через северные ворота кто-то успел уйти. Наверняка гонец повез известие на север. Из-за этого пришлось ускориться, а главное, это значило, что время милосердия позади. Отныне все, кто будет мешать продвижению войска — враги и должны быть убиты.

Две лиги по дороге волока преодолели за сутки, опять же помогли дожди, изгнав главного врага путников в этих краях — жару. К стенам Западного Волока подошли следующей ночью, а мрак и шум воды позволили сделать это незаметно. Ворота были не заперты — видимо, гонец не доехал сюда; стража была мгновенно обезврежена, и дальше повторилось все, что уже происходило вчера. В этот раз потерь не было вовсе.

К полудню,когда ливень ушел дальше на северо-восток, оставив за собой легкую морось и низкие серые облака, выяснилась новая беда: кораблей было недостаточно. В гавани стояли несколько десятков небольших купеческих галер и всего три серьезных грузовика.

Это было прискорбно. Ведь это значило, что на север отправится далеко не все освободительное войско.

Погрузку начали сразу же. За борт полетели товары и матросы, и вскоре первые корабли уже отшвартовывались. Перегруженные, они едва не черпали воду бортами. Если будет шторм, даже самый легкий, они рискуют затонуть. Но делать было нечего, на счету была каждая минута, ведь на нашей стороне внезапность.

Гости

— Неа?

— Хайнрик?

— Как... что ты здесь делаешь?

— Мне одиноко, Хайнрик. Я совсем одна, — она поежилась. — Мне холодно и страшно.

Он протянул руку навстречу ей, приглашая в освещенный круг. Неа сделала шаг, другой, но встала, словно упершись в невидимую стену.

— Мне нельзя к тебе. Ты знаешь.

— Неа, я...

— Защити ее.

— Что?

— Нашу дочь.

— Алов? Но что...

— Будет война, Хайнрик. Страшная война. Страшнее Великой. Много людей умрет. Слишком много.

— Но я готов к войне. Наши войска сильны, а стены неприступны. Никакая сила...

— Ты многого не видишь, Хайнрик. Не хочешь видеть. Опять, как тогда.

— Неа, не надо...

— Послушай меня хоть раз. Отсюда мне видно больше, чем из твоей башни.

— Что ты видишь?

— Бурю. Гроза придет с юга, а с севера ледяной дождь. Взошла кровавая луна, ее свет отравляет. Он уже поразил всех, и никто не спасется. Маска падает наземь и разбивается, открывая оскал смерти. Он страшен, и он пожирает ее... нашу дочь.

Он увидел все это, словно наяву.

— Что это значит?

— Ты не видишь, опять не видишь. Почему ты так слеп?

— Но я правда не понимаю. Это какие-то пророчества...

— Мне пора, Хайнрик. Ты все поймешь сам, и пусть боги позволят тебе понять раньше, чем будет поздно.

Она отступила от огня, растворяясь в полумраке.

— Неа!

— Да?

— Прости меня! Прости за то, что не был с тобой, когда был нужен тебе! Я не знал, что все обернется вот так! Что все настолько серьезно!

— Ты должен простить себя сам, Хайнрик, — ее голос уже затихал вдалеке. — Не я виню тебя. Это *ты* не можешь избавиться от чувства вины. Прости себя...

Она исчезла в густом сумраке.

— Защити ее, — последние слова он едва услышал, просыпаясь.

Голова болела нещадно, а за окном уже рассвело.

После завтрака явился Исмарк, и его лицо прямо сочилось довольством. Он разве что не подпрыгивал от нетерпения.

— Ваше величество! Она вернулась... ваша дочь! Ромелия дала нам легион. Две тысячи воинов прибыли вместе с ней кораблями, остальные идут сушей и прибудут со дня на день.

— Алов здесь?

Как она изменилась! А ведь прошла всего какая-то неделя. Это уже не та милая девчушка, которая уезжала на «Летучей рыбе». Она стала твердой, как камень и холодной, как лед. Неа. Алов теперь совсем как ты, она превзошла тебя.

— Отец! — она обняла его, прижалась к плечу, но тут же отстранилась, словно устыдившись внезапного порыва. — Я сделала, как ты велел. Легион у нас.

Писец вбежал в комнату и прошептал что-то на ухо Исмарку. Улыбка мгновенно улетучилась с его лица, которое сразу оплыло и посерело.

— Ваше величество!

Буря.

— Десятиречье. Ротберг занял Акротиры. Два дня пути до столицы.

Северный ветер. Вот оно.

Последняя нить

Начать разговор с ханом стоило чудовищных усилий. Ан-Надм даже удивился, насколько он боится предстоящей беседы. Да ведь не беседы я боюсь, а того, что может отчудить хан по ее результатам. Он ведь вспыльчив, как сухая трава: чуть искра — и вся степь занимается в минуты.

Хан ел, но как-то лихорадочно, будто был бедняком и до того неделю голодал. Лицо его не выражало ничего, взгляд был направлен в стену. Хан думал, и ан-Надм решил не начинать разговора первым. Однако время тянулось, близился конец трапезы, а хан все молчал.

— Мудрейший, — ан-Надм заговорил, выждав удобный момент во время перемены блюд. — Что стесняет думы твои? Отчего ты печален сегодня?

— Печален? — хан отставил кубок, выточенный из перекрученного рога дикого козла из недждских гор. — Да, печаль и скорбь преисполняют меня. Грядут страшные дни и кровь, и она будет на мне. На мне! Меня будут вспоминать не как Озмака Миролюбивого, или Озмака Благословенного, или Озмака Мудрого, нет! Меня впишут в летописи как Озмака Кровавого!

— О мудрейший, — ан-Надм спрятал глаза и взялся за край стола двумя руками, изображая смущение. — Все происходит по воле Создателя. Иногда он заставля-

ет нас свернуть с пути, иногда заставляет блуждать во тьме в поисках выхода. Мы не властны изменить судьбу, которую он приготовил для нас...

Хан уставился на него чуть ли не с ненавистью.

— От Абу-Вафика я бы это стерпел, но ты! Что за проповеди?!

Ан-Надм склонил голову.

— Я лишь хотел сказать тебе, о мудрейший, что такова доля правителя. Есть время добра, и есть время жестокости. Иногда нужно отсечь зараженную руку, чтобы сохранить тело... Или пожертвовать свое дитя, чтобы тысячи чужих остались жить, — он быстро взглянул на хана из-под бровей.

Непонимание, смешанное с беспокойством, отразилось на лице правителя.

— Ты что-то излишне витиеват сегодня, — сказал он погодя. — Не пойму никак, к чему ты клонишь.

Была-не была.

— Озхан, о блистательнейший, я хочу поговорить о нем.

Вот! Тень, промелькнувшая в глазах хана, исчезла мгновенно, — неужели он?

— Озхан? Что... ты выяснил что-то новое?

— Как сказать, о мудрейший, как сказать. Видишь ли. Коварный убийца — ведь нет сомнений в коварстве вероломного Гюля! — разбил голову твоему сыну и оставил его истекать кровью. Но не будь Гюля — Озхан все равно был бы мертв.

— Все равно? Да что ты такое...

— Он был отравлен! — ан-Надм понял, что перебил хана, и затараторил, испугавшись, — Отравлен смертельно. Он не дожил бы до нынешнего дня. Зло притаилось во дворце, о мудрейший! Убийца прячется за углом, а мы даже не знаем, кто он, ибо он не оставил следов...

На лице хана застыла мраморная маска безразличия, но ан-Надм знал, что это напускное. Лишь

на краткий миг изнутри прорвались эмоции, заставив задрожать мускулы у глаз и вокруг рта. Хан боролся с собой. Эх, знать бы, что за думы сейчас носятся у него в голове.

Озмак встал и отошел от стола.

— Ты... У тебя есть мысли, кто он? — речь хана был тиха и выверена — признак осторожности.

— Да, — признался ан-Надм. — Три. И ни одна из них мне не по нраву.

— Говори.

— Во-первых, это повар... Фуркан Бузоглу. Тот, которого тоже отравили.

— Повар?

— Хм... да. Он уже мертв, и узнать ничего не получится. Но ведь только у него была возможность незаметно подсыпать яд наследнику в пищу.

— Я не верю в это, — сказал хан.

— Это мудро. Я тоже невысоко ценю эту версию, — учтиво согласился вазир. — Второй — это сам Гюль. Да-да, — он даже кивнул для верности, увидев сомнение в глазах Озмака. — Гюль убил твоего сына, да. Но ведь может быть, он изначально хотел отравить его. Он для чего-то покупал яд в аптеке в квартале лотосов, — по лицу хана скользнула тень испуга. — Возможно, он не рассчитал дозу, наследник остался жив, и злодею пришлось довершить свое черное дело таким варварским способом.

— Возможно, Гюль был злодеем, но он не был глупцом, — покачал головой хан. — Он всегда действовал наверняка. Он бы не стал полагаться на яд, не будучи в нем полностью уверенным. К тому же он был сторонником простых и прямолинейных действий. Убийство канделябром похоже на него, а яд — яд оставьте более изощренным умам.

— Как скажешь, о мудрейший.

Повисло молчание. Хорошо, что я не рассказал ему о том, что Гюль прятался под кроватью наследника.

Хан бы прицепился к этому, начались бы вопросы — а зачем он прятался, а от кого, а может, этот кто-то и был убийцей, а кто это мог быть — и основная версия рассыпалась бы. Пусть лучше все остается как есть, по крайней мере пока.

— И?

— Что? — ан-Надм вздрогнул от внезапной реплики.

— Кто третий?

— Третий? Хм... — вазир глубоко вздохнул. — Третий, о сиятельнейший — это ты.

— Я?!

— Это лишь версия, о блакосклоннейший. Сухой расчет. Я не обвиняю тебя... Но логика говорит, что ты мог отравить его. У тебя были возможности и мотивы...

Озмак взмахом руки оборвал фразу.

— Довольно!

Он потер лицо ладонями и продолжил:

— Да, я мог. Но мотивов у меня не было. Мы ссорились с Озханом, не буду спорить. Он был не мил мне. Он был язычником, в конце концов! Но ведь после всего этого — он мой сын и наследник. Бугдай слаб умом, увы — и кто теперь унаследует ханство? Род Демиркол пресечется с моей смертью, и страна погрузится в пучину безвластия. Видит Создатель, не такого будущего я желаю и желал всегда. Разве стал бы я убивать будущее моей страны?

— Конечно не стал бы, о проницательнейший, — вазир поклонился.

— Ищи, Малик, найди их непременно. Убийцы должны понести наказание.

Ан-Надм вышел от хана в полнейшей растерянности. Старый лис был убедителен, как никогда. Скорее всего, он и правда не имеет отношения к отравлению. Но кто тогда? Гюль? Он ведь покупал яд, а потом зачем-то прятался под кроватью. Что если он отравил наслед-

ника и ожидал, когда тот умрет? Эх, не стоило устранять его так поспешно.

По дороге домой вырисовалась полная версия. Гюль купил яду и незаметно дал его Озхану, наверное, подсыпал в вино (ан-Надм вспомнил кубки в спальне), а сам ушел и вернулся ночью, когда наследник уснул, чтобы убедиться, что яд подействовал. Но яд не убил наследника — видимо, Гюль действительно не рассчитал дозировку. По стечению обстоятельств именно в это самое время к наследнику заявился ан-Надм, и Гюлю не оставалось ничего другого, кроме как спрятаться под кровать. Дальше случилось то, что случилось (причем ан-Надм припомнил, что Озхан был бледен и явно чувствовал себя крайне неважно), а мерзкий Гюль все это время сидел под кроватью.

Версия была складная, и ан-Надм немного утешился. И лишь перед сном, уже в постели, его ужалила холодная, как северная гадюка, мысль. Гюль прямолинеен, сказал хан, он никогда бы не выбрал яд. Значит, эта версия неверна. Или, что еще страшнее — она верна, но Гюль действовал не от себя, а по приказу. А приказы ему отдавал только один человек во всем мире — Озмак II.

Значит, все-таки хан. Теперь картинка проявилась почти полностью. Вот ведь старый лис. Не могу, говорит, убить будущее страны. Еще как можешь, лжец и истеричка.

Ан-Надм заснул спокойно впервые за две недели. Одной страшной тайной в его мире стало меньше.

Жажда

Все три дня в пути он не спал. Или, наоборот, спал — сейчас уже трудно было понять разницу между явью и дремой. Бесконечная жажда иссушила его разум, ос-

тавив только маленький колючий росток, и этот росток стремился на север. Успеть, успеть.

Всего три дня назад он выехал из Южного Волока, а казалось, прошла целая вечность. Воспоминания иссохли и выкрошились, как пепельные горы Неджда, безжалостное солнце сожгло их и обратило в песок, а ветер развеял его по всей земле. Он уже не помнил, как его зовут, что он делал раньше, где жил и кого любил. Он помнил только две вещи — лицо Ставроса, отлетающего прочь сквозь пелену дождя, да свое послание. «Юг наступает» — вот почему он здесь, вот зачем он все еще едет на север, а не упал замертво среди раскаленных камней. Юг наступает. Огромная, дикая сила, которая сметет все, если подпустить ее слишком близко.

Вода в меху кончилась к вечеру первого дня. Дождь, водопадом низвергавшийся в Южном Волоке, там и остался: над пустыней всегда ясно. Он мчал во весь опор, пока жара не стала нестерпимой даже для лошади, боясь преследования — но его не было. Едва ли кто-то из южан рискнет отправиться этой дорогой. Дорогой смерти.

Еле заметная тропинка посреди бескрайней каменистой пустоши, отмеченная лишь верстовыми камнями, известными только пустынникам, переметаемая песком. Он не знал ее точно, и часто гадал, правильно ли двигается, нужный ли это камень, и все чаще полагался на лошадь. Она уже ездила здесь, она должна помнить.

К вечеру второго дня жажда стала невыносимой. Пустынная лошадка, такая же серая, как и скалы вокруг, еще чувствовала себя неплохо — по крайней мере, ноги у нее не заплетались. Но сам Эвримен умирал. В глазах двоилось, ему мерещились миражи.

Ночью он не мог уснуть. Лошадь шла, сколько хотела, потом останавливалась и засыпала стоя, а он продолжал сидеть в седле и смотреть вперед, туда, где

в небе сияла Северная Звезда, которую пустынники зовут Айнуссама, Глаз Небес. Здесь, в самом сухом и жарком месте обитаемого мира, звезды казались ближе и ярче, неудивительно, что пустынники так любят их.

На третий день он понял, что потерял дорогу. Оазис Кальб Ахдар так и не показался ни утром, ни к полудню. Эвримен не расстроился, так как был слишком изможден и обезвожен. Он просто понял, что скоро умрет, как тысячи путников до него и тысячи после. Они все теряли дорогу, уходили в пустыню и блуждали там, пока жар не убивал их — а без воды это происходит за день. Он это понял, и осознал, что удивительно спокоен, и хотел испугаться этому своему спокойствию, но не смог и испугаться: все чувства его обратились в прах.

— Я, должно быть, уже умер, — подумал он. — Оттого и чувства мои мертвы.

Лошадь разжевала мех, выдавив оттуда последние капли влаги. Он берег их для нее: пока она жива, у него тоже есть шанс. Она тоже мучилась от жажды, он это ощущал, но пустынные лошади очень выносливы.

Ночью вместо звезд на небе засияли диковинные растения и животные. Они струились фонтанами божественных красок, они плыли, летели, бежали, их тела переплетались между собой причудливым орнаментом. Из-за горизонта ветер принес звуки музыки — печальной, но очень красивой, и звери небесные закружились в танце в такт шагам его лошади, и он думал, что танцует с ними.

Утром из песка проросли огромные грибы, и заслонили солнце, и он был рад почувствовать прохладу тени на своей коже. Но грибы иссохли и пали на землю, расколовшись на тысячи кусков, и превратились в камни. Мираж поднялся впереди, и Эвримен увидел землю, отраженную в небесах, и понял, что он сейчас идет под водой, но вода стала воздухом, и она не утоляет жажду, а иссушает, и он не может напиться ею, и в этом состоит вечная мука, которую ему послали боги за его

грехи. Что ж, пусть так. Он это заслужил. Он жил неправедной жизнью, и не исполнил своего последнего предназначения. Но в этом нет его вины! Он сделал все, что было в его силах. Боги, отчего вы так жестоки к нему?

Словно в ответ на эти мысли кругом из песка стали подыматься деревья и выросли до небес, и кроны их стали подобны тучам, и жар солнца умерился, а навстречу Эвримену выехал всадник. Он был одет в сияющую чешую и вооружен огненным копьем, и пламя изрыгал конь его.

— Посланец богов, даруешь ли ты мне смерть и тем избавишь меня от мук? — хотел спросить его Эвримен, но губы его вместо этого прошептали:

— Пить...

Всадник приблизился и кинул ему бурдюк. Вода была самой обычной, но показалась ему божественным нектаром.

— Юг наступает... — прошептал он между глотками. — Южный Волок разорен. Великое войско. Они идут на север.

По телу разлилось блаженство. Он выполнил свое предназначение, и мука его закончилась, боги смилостивились над ним. Деревья взмыли в небеса и растворились в облаках, и вокруг раскинулась бескрайняя степь. Он сделал последний глоток и упал замертво с улыбкой на лице.

В осаде

Они подошли ночью.

Темнота была полной, ибо небо затянуло облаками, как саваном, а войска севера не жгли огня.

Серое утро открыло правду: поля к западу от стен Симиуса наполнились людьми, лошадьми и палатками.

Они стояли довольно плотно на расстоянии чуть больше полета стрелы и выжидали.

Император стоял на внутренней стене и смотрел на врага, и гнев переполнял его. Ротберг, проклятый предатель.

— Ротбергам нет веры, — говорил маленькому Хайнрику его дядя император Рупрехт Вреддвогль (он правил прежде его отца Эрхарда и умер бездетным). — Они дважды изменяли правителям страны во время смуты. Они держали в руках власть в империи и знают ее вкус, и поверь мне, не упустят возможности взять ее снова. Они сильны и будут еще сильнее. Будь всегда начеку.

И он был. Но Ротберг оказался более скрытным, чем можно было предположить. Или это император был недостаточно бдительным.

Так или иначе, гроза разразилась. Самый верный вассал оказался самым опасным врагом, и сейчас его войско стояло под стенами столицы.

— Чего они ждут? — сам того не ожидая, он задал вопрос вслух.

— Штурм бессмыслен, и он это знает, — Исмарк говорил отстраненно, словно ему было уже все равно. — Поэтому они делают то, что им остается — ждать. Сейчас они ждут, пока подтянется основное войско. А потом будут ждать, пока мы здесь поумираем с голода.

— Ромелийские войска прибудут со дня на день.

— Их мало. У Ротберга здесь не меньше двенадцати тысяч и не весть сколько еще придет. Ромелийцы не будут атаковать.

— И что нам делать?

— Пока — тоже ждать.

Вражеское войско было страшным. Оно стояло без движения, как будто было уже мертво. Свежий ветер с моря развевал черные флаги, и черепа на них, казалось, ухмыляются, грозя смертью. Они пришли убивать, они непременно нападут. В этом нет никаких

сомнений. Что ж, пусть. Стены Симиуса крепки, а войска многочисленны. Все воины севера лягут костьми здесь, на этом поле, и уже их черепа будут ухмыляться небу.

Небольшая группа всадников прошла сквозь ряды копьеносцев и двинулась к воротам.

— Ротберг, — Исмарк указал костлявым пальцем.

Двое воинов по сторонам везли знамена — красно-бело-черный флаг Ротберга и черное полотнище с черепом. Между ними ехали еще трое. Они приблизились, и император узнал двоих. Это был сам Эдвард Ротберг в соболиной шубе, а по правую руку от него — Рузи. Еще один предатель. Император почувствовал, как внутри него поднимается буря гнева. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, сердце бешено заколотилось. Они будут казнены. Все до одного северяне, проживающие в столице и рядом с ней. Им нет веры.

Третий всадник был незнаком ему, но ужаса внушал больше всех. Тощий высокий старик в черном плаще с капюшоном, из-под которого только виднелась длинная седая борода. Плащ расшит черепами, костями и какими-то письменами, неразличимыми с такого расстояния. Не иначе, это один из тех колдунов, о которых говорят, что они оживляют мертвых. Проклятый Ротберг не гнушается даже таким богохульством.

— Приветствую тебя, император! — Ротберг был весел.

— Что тебе нужно?

— Ты звал меня, и я пришел. Ты просил войск — так вот они. Чего тебе еще нужно?

— Уходи.

— Э, нет, — Ротберг покачал пальцем. — Во-первых, мы столько времени потратили на дорогу сюда. А главное — столько денег. Я буду настаивать на компенсации!

— Компенсация будет. Уходи.

— Рад это слышать, — Ротберг слегка поклонился. — Но во-вторых... — он поднял палец, — во-вторых, я верен стране, как бы тебе ни хотелось думать иначе. И я не оставлю страну в такую минуту.

— Какую минуту?

— Он нас за дурачков держит тут, — Ротберг обвел глазами своих спутников. — Восток готовит нападение, ау! Они уже готовы! Гарнизон столицы не справится с их войском. Вам нужна моя помощь!

— Ромелия помогла нам достаточно. Уходи.

— Ты слаб, император. Слаб и глуп. Нельзя вот так разбрасываться войсками. Любая помощь в военное время на вес золота. Правильно?

Рузи закивал. Он будет казнен первым, лживая скотина.

— Не впуская нас в город, ты ставишь его под угрозу разорения, император. Твои действия идут во вред империи.

Ротберг повысил голос и даже привстал в стременах.

— Я хочу, чтобы все слышали: император не хочет служить стране. Он желает ей зла и погибели! Он недостоин править. Поэтому я, Эдвард Ротберг, по праву, данному мне по рождению, объявляю императора Хайнрика Вреддвогля недееспособным и снимаю с него все полномочия.

— Что за право?

— Право регентства, навеки данное моему роду твоим пращуром Клавдием Вреддвоглем! — Ротберг вытащил из рукава свиток и помахал им над головой.

— Это ложь!

— Спустись и проверь! — Ротберг спрятал свиток. — Впрочем, ты слишком труслив, чтобы это сделать. Итак, — он снова повысил голос, — отныне и до совершеннолетия принцессы Алов власть в империи осуществляю я. Все остальные... претенденты, таким образом, нелегитимны. Поэтому я обращаюсь к вам, защитники

Симиуса! Присоединяйтесь ко мне, и вместе мы дадим отпор угрозе с Востока. Или оставайтесь верны императору... ах, простите, *бывшему* императору, противодействуя мне — и понесите наказание как мятежники. Я все сказал.

Он повернул коня и поскакал прочь, и его спутники уехали вслед за ним.

Тиски

— Дворец Рузи взят, — доложил Исмарк. — Захватили троих родственников предателя, они в темнице. Еще один убит. Из его охраны убито около тридцати человек, остальные разоружены и заперты там же во дворце.

Это было хорошо — одним гнездом предательства меньше. Дворец Рузи был чем-то вроде посольства Леса в столице — закрытое, хорошо охраняемое здание. Там размещалась и так называемая охрана — несколько десятков головорезов-северян, каждый из которых стоил целого профессионального воина. Или двух. А то и трех. Когда открылось предательство Рузи, их пришлось изолировать первыми.

— Около тридцати?

— Тридцать один, если точнее, — Исмарк замялся. — Мы удерживаем еще пятнадцать. Возможно, одному или двоим удалось уйти. Городская стража предупреждена.

С последним лучом солнца, едва показавшегося в просвете облаков над горизонтом, из полей донеслись звуки рогов. Осада началась.

В стремительно наступавших сумерках успели увидеть, как войска севера небольшими отрядами двинулись к стенам, а затем ночь скрыла их.

— Едва ли это действительно осада, — впрочем, Исмарк говорил не очень уверенно. — Скорее, разведка боем.

Катапульты на стенах запустили в поле огромные шары из соломы, пропитанной смолой, которые затем подожгли горящими стрелами, пытаясь осветить поле боя — но в оранжевом свете пламени было пустынно. Лишь изредка на самом краю освещенных кругов мелькала тень воина и тут же скрывалась во тьме.

— Ворота!

Враги попытались поджечь их, но, к счастью, сталь не горит. Куча дров, которую они натащили, полыхала очень жарко, должно быть, ее полили нефтью. И снова удалось заметить только темные контуры воинов, убегающих из освещенного пространства.

Алов смотрела на смутные тени, снующие во тьме между угасающими кострами внизу, и мысли такими же тенями копошились в ее сознании. Она вспоминала события последних дней, но они все время ускользали от ее внимания, как эти воины от тускло-рыжего света. Она устала, безнадежно устала.

— Смотрите!

В освещенный круг шагнул человек, такой высокий и тощий, что с такого расстояния казался сделанным из веточек. Он натянул большой лук и выпустил стрелу. Никто не успел моргнуть и глазом, как один из стражников справа вскрикнул и ухватился за простреленную руку.

— Вниз! Скорее! — Исмарк присел, а уцелевшие стражники потянули к полу Алов и отца, прикрывая их своими телами. Впрочем, это было уже ни к чему: лучник снова растворился во тьме.

— Это не боевая стрела. Это послание, — Алов оттолкнула телохранителя. — Смотрите.

Вокруг древка был обмотан клочок папируса. Исмарк снял его, развернул и прочел вслух при свете факела, поднесенного стражником:

— «Дом Ротберг верен Империи. Мы здесь, чтобы служить ей. Откройте ворота, ибо страна нуждается в нашей силе».

— Что за чушь? — отец был раздражен. — Этот предатель еще смеет говорить о верности.

— Он нужен нам, — неожиданно для себя сказала Алов.

— Что?

— Восток готов напасть на нас. Мы не выдержим двойную осаду.

— Но Ромелия...

— К нам идут восемь тысяч. У Ротберга больше войск, и это дикие северяне. Ромелийцы не вступят в битву.

— Принцесса права, — Исмарк смотрел в землю. — Ромелийцы не будут биться с Ротбергом. Скорее всего они примкнут к нему.

— Что ты сказал?! — из голоса отца исчезло все человеческое, он стал похож на скрежет ржавого железа, на шипение тысячи змей, на вой тысяч волков.

— Я считаю, нам нужно сложить оружие и впустить их. Ради Империи.

— Ты предатель, такой же, как он! Не будет такого, чтобы Хайнрик Вреддвогль сдался врагу без боя! Ворота будут закрыты! — отец разве что не метал молнии. — Он хочет власти — пусть попробует взять ее! Симиус неприступен!

— Император...

— Молчать!

Даже Алов сжалась от этого крика.

— Стража! Арестуйте этого предателя! Темница будет лучшим местом для тебя, чем военный совет Империи.

Два стражника взяли Исмарка под руки, тот не сопротивлялся.

— Мне жаль, император.

— А мне жаль, что я так долго терпел тебя рядом! Увести его!

Ночь пронзил далекий звук рога.

— Восток, император, — Исмарк, которого уже уводили, обернулся. — Ты в тисках. Что ты сделаешь теперь?

Пламя во тьме

По улицам пронеслись быстро. Темный город не спал, но затаился в страхе, ожидая худшего. Пустынные улицы, закрытые ставни, погашенные фонари — все было каким-то тревожным, настороженным, почти чужим, а оттого казалось, что весь мир отгородился от нее толстым стеклом. Алов почти дремала в седле, пока лошади мчали их на восток, к мосту.

Мост горел. Все лавки были разорены и разрушены, тут и там полыхали огромные костры из того, что торговцы не успели унести. Воины Востока даже не пытались скрыться во тьме, наоборот, они разгоняли ее всеми способами. Каждый из них нес факел, они катили на тележках пламенеющие сосуды с горным маслом, они размахивали флагами, которые казались кровавыми в неровных отсветах. Яркие и темные пятна кружили по мосту в кажущемся беспорядке, но вскоре стало ясно: они расчищают его.

Солдаты Востока вместо оружия несли лопаты и кирки. Они разбивали то, что осталось от лавок, отправляли в костры все, что могло гореть, а прочее сбрасывали в реку. Дальняя половина моста уже превратилась в широкую ровную дорогу, костры на ней прогорали, погружая ее во тьму.

— Сукины дети! — отец по-прежнему был в ярости. — Убить их!

— У-убить? Но император... — начальник восточного гарнизона, не ожидавший приезда таких высоких гостей, был несколько растерян.

— Да! Что непонятно? Не дайте им приблизиться к воротам!

— Есть! — начальник убежал, и в ту же минуту в воздухе засвистели стрелы.

На мосту несколько врагов упали мертвыми или ранеными. Это словно подстегнуло их замысловатый хоровод. Огни в темноте задвигались еще быстрее, будто предвещая начало чего-то ужасного. А стрелы все свистели и свистели, и число неподвижных тел все увеличивалось. Наконец, видимо, почувствовав угрозу, враг отошел.

— Так вам и надо! Вы не пройдете здесь.

Император излучал мрачную радость, больше похожую на безумство. Он выглядел так, будто исход войны был уже решен в его пользу.

Во тьме на восточном конце моста появилась и начала приближаться какая-то темная, слегка блестящая масса. Огромная, во всю ширину моста, она двигалась неспешно, подминая под себя дотлевающие костры, и тьма будто сгущалась вокруг нее. Алов почувствовала, как по спине стекла струйка пота.

— Это еще что? Начальник! — император опять взбесился, но это был защитный гнев. Алов ощутила его страх. — Стреляйте в него, как только подойдет достаточно близко! Сожгите его, уничтожьте!

Когда чудовище подползло ближе, где костры еще горели достаточно ярко, она вздохнула с облегчением. Это был не подводный монстр, не сказочный великан. Это была огромная повозка. Обшитая железом, на железных же колесах, похожая на гигантскую черепаху, она медленно продвигалась вперед, толкаемая невидимыми отсюда людьми или животными.

Стрелы засвистели снова — обычные и горящие, и сияющим дождем пролились на спину черепахи, но,

как и обычный дождь, не нанесли ей никакого вреда. Чиркнув по ее панцирю, они унеслись в темноту под мостом. Она же продолжила свой путь, и остановилась лишь там, где лежали тела убитых. Но и там из-под ее панциря лишь высунулись копья и стали отталкивать тела в стороны, расчищая путь.

— Сделайте что-нибудь! — отец кричал не переставая. — Остановите их!

Но лучники перестали стрелять уже давно, понимая, что это бесполезно. А черепаха, оттолкнув тела к краям моста, продолжила свое движение. Она была уже так близко, что стали различимы заклепки на ее корпусе, бойницы для копий по бокам, шипы для защиты от неприятеля, и большое круглое отверстие на носу.

Таран.

— Это таран, отец. Они хотят разбить ворота.

Его взгляд словно застыл на мгновение, и вся ненависть Запада к Востоку читалась в нем. А затем он вытащил меч.

— За мной! Я сам поведу вас, если никто другой не может сделать этого!

Он ринулся прочь со стены. Алов последовала было за ним, но остановилась. Она там ни к чему.

Вскоре ворота распахнулись и на мост вырвался отряд конницы. Всадники и лошади были облачены в броню и громыхали каждый как повозка жестянщика, и одним этим они могли вселить ужас в маленькую армию. Впереди с мечом наголо ехал отец — она узнала его по белой лошади, которая в свете костров приобрела огненный оттенок.

Отряд домчал до черепахи, которая опять застряла, на этот раз на руинах одной из лавок. Один из воинов метнул какой-то горшок в отверстие тарана, и внутри чудовищной машины вспыхнуло пламя, превратив ее в гигантскую жаровню. Всадники проскользнули по узким тропкам, остававшимся между

ее бортами и краями моста, и вступили в бой. С задней стороны черепаха была открыта, и солдаты, толкавшие ее, оказались под ударом.

Саму схватку со стен видно не было, Алов кусала себя за пальцы от напряжения. Между тем из ворот выбежал отряд пехоты с несколькими неоседланными лошадьми и тоже направился к черепахе. Они привязали лошадей к одному из колес и стали тянуть ее. Железный монстр нехотя подался; со скрежетом он переполз через завал и стал поворачивать, сдвигаясь к краю моста.

Всадники тем временем помчались обратно, и Алов увидела, что с восточного берега к месту схватки спешит подмога. И какая! Целая армия вышла на мост, воины плотными рядами заполнили всю его немалую ширину. И они были уже близко.

Черепаха вздрогнула: это переднее колесо соскочило с моста. Она помедлила немного, будто решая, что делать дальше, а затем с неприятным скрипом обрушилась в темноту. Пешие воины уже спешили к воротам, а в воздухе снова прочертили свои изогнутые дорожки огненные стрелы, нацеленные во врага.

Ворота захлопнулись. Опасность пока миновала.

Золотой закат

После полудня Восток предпринял очередную попытку штурма.

Облака на небе спустились и уже задевали шпили Симиуса, смешиваясь с дымом. Серые клочья неслись на север, предвещая обильные дожди. Дневной свет еле брезжил, и все вокруг приобретало тот же серый оттенок, как и предгрозовое небо. Тем ярче выглядели алые знамена Востока, развевавшиеся на крепком ветру.

Тактика черепахи не давала им покоя. Потеряв железного монстра в неудачном ночном нападении, хан

двинул через мост живых черепах. Укрывшись щитами со всех сторон, отряды короткими перебежками продвигались к воротам. Стрелы не причиняли им никакого вреда, отскакивая от мощных щитов.

Первая же контратака конницы с позором провалилась. Из недр черепахи высунулись длинные копья, не дав всадникам приблизиться вплотную. Каждая четвертая лошадь была убита или серьезно ранена, погибло несколько седоков, враг же не понес никакого урона.

Впрочем, ворота Симиуса, отлитые из железа целиком, были непоколебимы. Ночной таран мог бы повредить им, но не горстка солдат. Пока они бесновались внизу, ломая свое оружие о металл, на их головы полился поток камней, стрел и кипятка, и они вынужденно отступили, потеряв несколько десятков человек.

Император одумался и вернул Исмарка из темницы, а затем созвал совет Новой Башни. За столом, помимо Рузи, отсутствовали также Лангбарт и Дорфхавн — один пару дней назад выехал из города и пропал из виду, а второй захворал сердцем и лежал дома, и многие говорили, что при смерти. И без того не очень большой совет превратился в жалкую кучку. Пятеро немолодых людей смотрели друг на друга и выжидали, никак не решаясь начать разговор.

Наконец, молчание нарушил Фъелль, обычно самый безмолвный.

— Я полагаю, будет уместно напомнить, что я предупреждал...

— Не будет! — рявкнул император. — Что за глупости.

Фъелль надулся и умолк, а слово взял Исмарк.

— Положение удручающее, — заявил он. — Я, честно говоря, не вижу, как мы можем решить эту проблему — я имею в виду Ротберга, конечно. Восток не представляет никакой угрозы.

— Я вижу, — перебил его Стенн, расстелив на столе карту города.

— Да? И как?

— Не скажу, что просто. Но выход есть. — Стенн зачем-то пожал плечами. — Нам нужно напасть первыми. И напасть внезапно. Только так мы переломим ход войны, и я надеюсь, ни у кого не осталось никаких иллюзий на этот счет.

— Напасть? Но их же больше. Вдвое больше, — сказал Виндвард.

— Это ничего не значит. Смотрите, — Стенн показал на карту. — Нам нужно снести стену вот здесь.

— Это еще зачем?

— Подождите, не перебивайте. Во-первых, у нас есть пятнадцать тысяч в городе, три тысячи коней. Во-вторых, — он ткнул в карту, — к нам идут ромелийцы. Еще восемь. Ну и в-третьих, у нас есть корабли. Надо использовать все наши возможности.

Он перевел дух, словно ожидая вопросов, но их не последовало.

— Значит, так. Мы загружаем часть войск в корабли и отходим в море. Да, надо еще послать гонца навстречу ромелийцам, чтобы предупредить их. Так вот. Далее мы выпускаем отряд, скажем, человек пятьсот, через западные ворота. Конницу. Они атакуют, но не на прорыв, а вступают в схватку и оттягивают врага к воротам обратно. В этот же самый момент мы ломаем вот эту стену и выпускаем еще тысячи полторы. Они ударяют во фланг и обращают на себя основное внимание врага, — он показал, как, по его мнению, будут двигаться вражеские войска. — К тому же, возможно, они захотят воспользоваться проломом в стене, чтобы попасть в город. Но в это время ромелийцы ударяют по ним с северо-востока, а корабли оказывают поддержку на юге. Враг в кольце, он деморализован. И в завершение мы выпускаем через ворота оставшуюся конницу, которая рассекает их войско на две части. Вот такой план.

Все замолчали, обдумывая сказанное.

— Да, — сказал Исмарк, кивая. — Это шанс.

— Единственный шанс! — Стенн был доволен.

— А я вот что думаю, — Виндвард снова вступил в разговор. — Город им не взять, а мы можем тут отсиживаться месяцами, и они это знают. Тогда чего ждет Ротберг? На что он надеется?

— Я боюсь говорить это вслух, — сказал Исмарк. — Мне кажется, Рузи был не один. Ротберг ждет предательства. Для него это единственная возможность склонить чашу весов в свою пользу.

— Да-да-да! — Стенн вскочил, ударив ладонями по столу. — Ну конечно. Поэтому он и не нападает, но и не уходит! — Он повернулся к императору. — Тогда тем более нужно напасть на них первыми!

Имеператор встал и подошел к окну. Там над морем крыш виднелись зубцы западной стены и шпиль Воротной башни, а за ними было поле, на котором стояло войско врага. Но поле было не видно отсюда, и над стеной только косматое небо уходило за край земли. Солнце уже село и сквозь далекую прореху подсвечивало тучи снизу желтым светом, делая их похожими на застывшие языки пламени. Золотой закат. Император зажмурился: это полумифическое общество наверняка было здесь, рядом, в городе, и плело свои коварные замыслы.

Ну уж нет, это мы еще посмотрим.

Он резко повернулся к совету.

— Значит так. Принимаем план Стенна. Приступаем немедленно. Фъелль, вы поедете навстречу ромелийцам. Виндвард, на вас стена и первый прорыв. Исмарк, вы на кораблях. Стенн — ворота. Фъелль подаст сигнал дымом, когда ромелийцы будут достаточно близко. Это должно случиться завтра после рассвета. Атака начнется по звуку колокола Новой Башни.

Он снова отвернулся к окну. Закат уже догорел, и на город легло удушливое покрывало ночи.

Ночь открытий

Работа закипела. Исмарк и Фъелль немедленно отправились в порт, взяв с собой тысячу воинов. Еще тысяча ушла со Стенном к западным воротам, и еще столько же забрал Виндвард. В его отряде ехали две небольшие тележки, к которым люди опасались подходить. Это были пороховые заряды — чудовищное изобретение островных ученых. Если в небольшой горшочек этого вещества попадала малейшая искра, он тотчас взрывался с ужасающей силой. А того количества, которое Виндвард получил в арсенале, должно было хватить на то, чтобы проделать в стене Симиуса здоровенную брешь.

Боги, хоть бы у Ротберга не было этого оружия, иначе городу не устоять.

Алов он нашел в саду, среди поминальных камней. Она сидела прямо на земле, у камня своей матери, запорошенного сухой хвоей. Он присел рядом, положил руку ей на плечо и долго молчал, собираясь с духом.

— Дочь.

Она посмотрела на него с презрением.

— Да, император?

— Я... хочу попросить прощения у тебя.

— За что?

— Я обещал твоей матери, что защищу тебя. Но я боюсь...

— Чего?

— Война пришла к нам. Война и смерть. Они стоят у порога. Мне страшно... — да что я такое говорю! — Я боюсь, что с тобой что-то случится. Прошу тебя, пока еще не поздно, уезжай из города. «Летучая рыба» в порту готова отплыть. Море пока свободно. Уезжай в Неаполь или в Ромулус.

— Я не уеду. Ты за этим сюда пришел?

Она встала.

— В тот раз ты отослал меня силой, а сейчас умоляешь уехать. Но зачем, куда я поеду? Вся моя жизнь здесь, в этом городе. Все мои надежды связаны с ним. Мы хотели мира, отец! — боги, она плачет! — Мы хотели построить новый мир! Единый!

Алов смахнула слезы.

— Мы хотели связать две половины земли, чтобы наши города, наши миры, стали одним. Чтобы Запад и Восток смотрели друг на друга с любовью, а не с ненавистью. Этого так не хватает людям...

— Ты еще сможешь...

— Что я смогу? Все мечты разбиты. Он умер. Он умер, отец! Понимаешь? Его нет! Он умер, как мама, и я не смогла никак помочь ему, также как ты ей!

Она снова упала на колени и склонила голову. Ее всю разрывало внутри, он это чувствовал — но наружу не выходило ничего, она надежно заперла страдание. Он приблизился и обнял ее, и она не отстранилась — первый раз за очень долгое время.

— Алов, сердце мое...

— Помолчи, пожалуйста. Не хочу слов.

Они сидели и молчали долго, очень долго.

— Я не уеду, отец, — в голосе ее уже не было слез, но там была тьма, замогильная тень и холод. — Я останусь здесь и буду биться наравне со всеми.

Ночь разлетелась громовым раскатом. Взрыв? Но почему сейчас, и почему так близко? Как будто в районе западных ворот...

Неужели мятежники разжились порохом?.. Нет, не может быть. Но это значит — предательство. Скорее!

В городе царил хаос. Вооруженные люди сновали туда-сюда, ржали лошади, кто-то отдавал приказы срывающимся голосом. Где-то плакал ребенок. Издалека доносился мощный рев, как будто сотни людей что-то кричали вразнобой. Но весь этот хаос был кажущимся, и походил больше на огромный водоворот, стягивающий людей к своему центру — к месту взрыва. Не оста-

валось никаких сомнений, у западных ворот произошло что-то страшное.

Гвардейцы императора, его личная сотня, лучшие, отборные воины Бергланда, чеканили шаг вокруг него. Отряд двигался с молниеносной быстротой, расталкивая случайных прохожих и оттесняя всадников, император с трудом выдерживал такую скорость. Только бы успеть, повторял он про себя, только бы успеть.

А что успеть? Успеть прийти куда? И до чего?

Площадь перед Западными воротами представляла ужасающее зрелище. Огромная воронка посередине не оставляла сомнений — предатели еще действовали в Симиусе, и нанесли свой удар там, где его не ждали.

Взрыв уничтожил всех, кто был на площади. Повсюду лежали части тел и детали вооружения. Стены вокруг были забрызганы кровью до второго этажа. Вдоль них лежали раненые и убитые, кто-то еще стонал или кричал от боли.

— Император!

Оруженосец Стенна подбежал к отряду и припал на колено.

— Ваше величество! Герцог Стенн ранен.

Стенна унесли в здание торгового представительства. Выглядел он неважно: бледный, весь в мелких царапинах, покрытый испариной, губы еле двигаются. Рука на перевязи обмотана бинтами и как будто стала короче.

— Мы были не готовы, — сказал он с трудом. — Мы построились для инструктажа, и тут...

— Как это случилось? Кто-нибудь видел что-то?

— Мне кажется, я видел, ваше величество, — оруженосец потупился и продолжал. — Это был солдат... не из наших, то есть, я хочу сказать, не из армии. Северянин, ваше величество, огромный как буйвол. Я сразу обратил на него внимание, потому что он был без шлема. И борода, такая... странная.

— Северянин...

— У него был мешок. Большой, ваше величество, едва ли не как он сам. Он с трудом поднимал его. Он прошел в самую середину строя.

— А дальше?

— Дальше... генерал приказал мне принести его сумку, и я отвернулся. А потом случился взрыв. Меня швырнуло наземь, ну а дальше... все. Я очнулся — и вижу вот это все. Весь этот ужас. И генерал. И рука!

Оруженосец закрыл лицо руками, он был глубоко потрясен и не отошел до сих пор.

Однако сведения у него ценнейшие. Этот северянин, не иначе, один из приспешников Рузи, из тех, кто улизнул при штурме дворца. Но сами по себе они безобидны. Кто-то снабдил их взрывчаткой. Кто-то, кто был в курсе плана. Иначе откуда он мог узнать о месте сбора?

На площади зашумели, и император высунулся в окно. В суматохе после взрыва ворота на какие-то минуты остались без присмотра — и это было смертельной ошибкой. Ибо предатели не дремали.

Через выбитое окно император увидел солдат, с криками сбегающихся к воротам, но самое главное — он увидел ворота, и они медленно, будто в кошмарном сне, открывались.

Регент

Схватка закончилась, едва начавшись. Ворота распахнулись, и поток приятельских воинов, пеших и конных, хлынул в город, и казалось, ему не будет конца. Горстку солдат у ворот смели в один миг. Гвардия императора продержалась чуть дольше, но и она не выдержала натиска, ибо враг был подобен потопу, смывающему все на своем пути.

Поток окружил ее, закружил и рассеял, как замок из песка, а затем разбился на ручьи, тут же хлынувшие с площади по руслам улиц. Город пал.

Император отшатнулся от окна, но тут же выглянул вновь — только чтобы увидеть, как в воротах показался Враг. Сам Эдвард Ротберг въезжал в город, и Рузи с ним, и князья Десятиречья и Леса, и несколько бергландских гербов он увидел среди них. Увидел он и старика некроманта, что внушал ужас одним своим видом, и кто это там трясется на хромой лошаденке? Неужели толстый Ярелл? Этот проклятый могильщик тоже перекинулся на сторону мятежников!

Император вцепился в подоконник. Они все заодно, и все против него. Золотой закат? Его не существует, не надо сказок. Зато церковь Сементериума есть, она работает, она распространяет свои щупальца по всей империи. Нет города, где гнусные могильщики не вырыли бы свою мерзкую яму и не начали бы поклоняться своим черепам. Вот где таилась угроза, вот что надо было выжигать каленым железом, пока оно было еще слабо!

Все вдруг соединилось у него в голове, вся картина целиком, и она была ужасной.

Далеко на севере зародилось это омерзительное учение, которое отрицает богов, в котором все вывернуто наизнанку. Бородатые дикари, сидя на берегу холодного моря под лучами солнца, что не заходит полгода, складывали своих мертвых в ямы и поклонялись им, распевая бессмысленные молитвы. А Ротберги, эти потомственные предатели, взяли это учение, облекли его в форму, понятную западному человеку, придали простенькому культу объем — не иначе как при помощи ликейских философов, этих мужеложцев-словоблудов — и поставили на службу себе.

Сементериумы начали массово строиться полтораста лет назад. Значит, уже тогда они лелеяли свои замыслы. Под видом очередного культа они распро-

страняли свои сети, оставаясь незамеченными, пока не поразили всю страну, как плесень охватывает буханку хлеба — незаметная до поры, но вдруг проявляющаяся повсюду, и хлеб уже не спасти.

Эдвард Ротберг поднял голову и увидел императора в окне. Он что-то сказал своим спутникам и помахал рукой, мерзко ухмыльнувшись.

Что ж, пора.

— Поднимайтесь, Стенн. Все кончено, враг здесь. Надо встретить их достойно.

Они вышли с мечами в руках, и встали на ступенях. На площади было светло от множества факелов, принесенных мятежниками, и ужасающая картина обезображенных тел оказалась еще ужаснее.

— Видят боги, я не хотел *такой* войны, — сказал Ротберг. Он был поражен ничуть не меньше остальных. Только старик колдун был невозмутим. — Эта кровь на твоих руках, император.

— Нет, предатель, на твоих. Мои руки чисты.

— Разве я послал этих людей на погибель?

— А разве я осадил город, вынуждая нас сражаться?

— Я никого не вынуждал. Я пришел взять то, что мое по праву. Я открыто заявил об этом. Сложи оружие и уйди, и крови больше не будет.

— Кровь будет, и много. Восток поднялся против нас, большая война неизбежна. И ты это знаешь.

— Знаю, — Ротберг выводил из себя своей болтовней. Он говорил так, как будто сидел у себя в замке у камина, а не посреди захваченного города. — Армия Востока — это сборище дикарей, против нашей она ничто. Я могу закончить войну с ними за неделю. Но это не должно волновать тебя. Сдавайся, или я тебя арестую.

— Армия верна мне. Люди не пойдут за тобой. Они поддержат меня.

Или нет? Почему он так спокоен? И где войска?

— Армия? Хм... — Ротберг задумался. — Думаю, все-таки армия поддержит меня. Да вот давай спросим у твоего советника. Скажите, Исмарк, вы с кем?

Тот, оказывается, уже давно подъехал и стоял рядом.

— Армия с вами, маркграф.

Вот оно, предательство. Змея поселилась у него прямо за пазухой, а он не видел ничего, болван.

— Исмарк? Вы?..

— Простите, граф, — Исмарк назвал его по родовому титулу, а не императором. — Я действую ради страны, а не ради вас. Вы перестали...

Внутри все упало, в ушах поднялся шум, заглушивший остаток фразы. Гнев, так долго полыхавший в нем, взорвался огненным шаром, сжег все его мысли, оставив только одну — убить. Убить предателей, всех до одного, и начать с подлого Исмарка.

Не говоря ни слова, он бросился вперед и подрубил ноги лошади своего военного советника. Старик выпал из седла и грохнулся навзничь в лужу чужой крови. Он не успел издать ни звука — меч звякнул по булыжникам, и голова предателя отделилась от тела. Сквозь застилающую глаза пелену гнева император видел, как воины вокруг приходят в движение — медленно, очень медленно. Он успеет забрать еще много жизней.

Лошадь Ротберга качнулась и стала заваливаться набок, лишившись одной из ног, а меч императора тем временем погрузился в бок лошади Рузи. Затем он снова метнулся к Ротбергу, который был уже на земле, с ногой, придавленной телом корчащегося от боли животного. Умри, предатель. Меч двинулся в направлении шеи маркграфа, но не дошел. Отчего-то он задрожал в полете, а затем он и вовсе выпал из руки, и только потом пришло осознание пропущенного удара. Проклятый колдун огрел его своим длинным посохом прямо по затылку.

Это все решило. Двое воинов тут же подскочили к нему и схватили за руки, и он понял, что проиграл. Проиграл все — схватку, трон и жизнь.

Ротберг с трудом выбрался из-под умирающей лошади, его нога была повреждена. Рузи лежал на земле без движения.

— Что ж. Я чего-то такого от тебя и ждал, — сказал Ротберг. — Но так даже проще. — Он сделал несколько шагов, поморщился от боли, и закричал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Воины! Генералы! Все, кто слышит меня! Я Эдвард Ротберг, регент Империи Запада, и я вершу суд над графом Хайнриком Вреддвоглем по законам военного времени. Он только что убил военного советника Империи, герцога Эймунда Исмарка... — он наклонился и пощупал пульс у Рузи, — а также герцога Рузи из Леса. Он сделал это при свидетелях. Оправдания ему нет и быть не может. Наказание за это преступление одно — смерть. Поэтому я приговариваю преступника к казни. И сделать это надлежит немедленно!

Ротберг вытащил меч у одного из воинов и подошел к бывшему императору.

— На колени!

Воины подтолкнули его под колени и наклонили вперед.

— Во имя богов, да свершится правосудие.

— Будь проклят!.. — таковы были последние слова Хайнрика Вреддвогля перед тем, как его голова упала на окровавленную мостовую.

Ложь

— Отец!

Алов въехала на площадь. Несколько человек сразу же метнулись к ней, хватая лошадь за ремни и уздечку.

— Принцесса! — Ротберг очень обрадовался ее появлению. — Вы не очень вовремя, но раз уж вы тут, позвольте засвидетельствовать мое почтение. — он сделал пару шагов навстречу, но больше не смог. — Простите, моя нога меня подводит.

— Вы убили его!

— Не убили, а казнили. Ваш отец выбрал путь преступления. Обычного уголовного преступления. Он убил старика Исмарка и моего доброго Рузи. Исмарка совсем не жалко, но Рузи был молод и имел большие перспективы. Я даже подумывал предложить его вам в мужья. Так или иначе, убийство не может остаться безнаказанным. Поэтому он казнен. Я распоряжусь, чтобы его похоронили с почестями.

— Вы чудовище, Ротберг! Я ненавижу вас!

— Это ваше право, принцесса. Надеюсь, впрочем, со временем вы измените свое мнение. Ну а сейчас прошу вас, поедемте во дворец. Нам нужно многое обсудить.

Она хотела было сказать, что обсуждать им нечего, но промолчала.

Путь до императорского дворца занял вечность. Ротберг, Стенн и страшный старик, ударивший отца, ехали впереди, ее лошадь трусила за ними, ведомая двумя воинами. Сквозь цоканье множества копыт ей удавалось все же слышать тихий разговор.

— Это Исмарк устроил такое у ворот? — спросил Ротберг у Стенна. — Столько крови. Зачем это все?

— Выходит, что да... — Стенн был грустен. — Думаю, другого выхода у него не было. Он был мудр, я считаю. Это ведь минимальные потери. Если бы дело пошло так, как я планировал, положили бы тысяч по пять. С каждой стороны.

— Вы бездушный человек, Стенн.

— Это война, маркграф. Здесь нельзя быть душевным.

Рядом послышалось знакомое сопение.

— Вы, принцессушка, уж не серчайте. Папенька-то ваш и правда под конец того... взбесился. Наделал зла много.

— Ярелл? Старый прохиндей, а ты здесь откуда?

— Так оттудова, матушка, — Ярелл показал пальцем на колдуна, безмолвно ехавшего впереди. — Вот это Белобород наш, главный жрец. Сам прибыл, дабы устроение церковное саморучно направить и укрепить.

— Он тоже с Ротбергом?

— У-у, матушка, — Ярелл махнул рукой. — Скорей это Родберх с ним едет. Белобород же старшой жрец наш, а Родберх этот ваш это так, просто граф.

— Так это вы все это затеяли? Вы? — Алов ударила его в плечо.

— Что ты, что ты, матушка! Война и убийство суть деяния невместныя, и да избежит человек...

— Тогда зачем он тут?

— Смерть и многия лишения грядут! И в сей час отчаяния что как не церковь сможет дать облегчение страждущим, утешить скорбящих и оплакать умерших?..

Дворец был темнее, чем обычно. Он был холоден и безжизнен. Гулкий зал, в который они пришли, даже наполненный людьми, казался пустым.

Ротберг уселся на ступени трона.

— Это кресло не для меня. Пусть стоит пустым до поры, — сказал и уставился на присутствующих.

Повисла неловкая тишина. Все смотрели друг на друга украдкой, надеясь, что говорить начнет кто-то другой. Единственный, кого молчание не угнетало, был Белобород.

— Все свободны! — внезапно прокричал регент. — Что вы тут толпитесь?

Стражники и солдаты, и правда невесть зачем набившиеся в зал, потянулись на выход. Ярелл тоже предпринял попытку удалиться, но увидел, что верховный жрец не двигается с места, и тоже остался. Послед-

ний воин прикрыл за собой дверь, и тишина разлилась по залу снова, еще более гнетущая.

— Ну, начнем, — все ощутимо расслабились, когда регент заговорил. — Во-первых, военный совет.

Новая Башня была серьезно прорежена. Присутствовали только раненый Стенн и Виндвард, которого привели в цепях.

— Я надеюсь, вы оба со мной?

— Я да, — сказал Стенн после небольшой паузы. Виндвард посмотрел на него с удивлением.

— Да как вы можете?..

— Мы — камни в фундаменте Новой Башни, помните? Мы служим стране, а не Хайнрику Вреддвоглю. Который, вообще говоря, такой же камень.

— Но это подло!

— Что именно? Он уже мертв, и нашей вины нет в этом. Да, может быть в этом виноват Ротберг, — Стенн мельком глянул на того, — но нам-то какое дело до этого? Наша работа сейчас — война, и только.

Виндвард был растерян. Он не мог так легко поменять свое отношение к Ротбергу, поэтому все думал и думал.

— Ну, вы подумайте хорошенько. А пока вы думаете, мы перейдем к другим вопросам. Теперь вы, принцесса.

Все повернулись к ней.

— Как я говорил, я буду регентом до вашего совершеннолетия. Помните?

Алов кивнула.

— Так вот, я солгал. Я буду регентом столько, сколько сочту нужным.

Алов снова кивнула, она уже ничему не удивлялась. Только спросила безразлично:

— Но что тогда будет со мной?

— На ваш счет у меня есть кое-какие планы... Точнее, даже не у меня. Вайсбарт, вам слово.

Сементериум

Белобород откинул капюшон. Лицо его было страшным — но не из-за уродства, напротив, оно было величественным, как лица богов на барельефах Ромулуса. Он пугал своей отрешенностью, как будто он и впрямь был статуей, которая вдруг ожила, но не утратила своей каменности.

— Пойдемте с нами, принцесса, — он протянул руку. — Нам многое надо обсудить.

— Пойдем, матушка, — замельчил Ярелл, выскочивший из-за спины своего начальника, подбежавший к ней и едва не хватавший ее за рукава. — Нечего нам тут делать более. Пущай государственные мужи трудятся.

Алов подчинилась. Она опять была как во сне, когда все вокруг кажется ненастоящим — слишком часто она это чувствовала в последнее время. Может, это все и правда сон, и скоро она проснется, и все будет попрежнему, не будет войны, отец будет жив, и Озхан...

Белобород мощно шагал впереди, за ним Алов, и позади нее пыхтел Ярелл, болтая безумолку обо всем подряд, но больше всего, конечно, о еде, ничуть не заботясь о том, что его никто не слушал. Примерно на третьем повороте Алов поняла, куда они идут. Она уже бывала там.

Сементериум размещался в Мясном квартале, прозванном так из-за того, что там сосредоточились все городские скотобойни. Каждый император считал своим долгом заявить о необходимости перенести это зловонное пятно подальше от центра города и от дворца, и каждый не делал ничего для этого, а ее пращур Эймунд Вреддвогль даже наоборот учредил тут больницу имени себя. Где как не тут, среди запахов гниющего мяса, в окружении трупов животных и людей, должна была расположиться Яма Смерти?

Внутри было темно, как и всегда. Дубб где-то пропадал, и их встретил какой-то молодой жрец, борода его едва начала курчавиться. Роняя спросонья и от испуга ключи, он проводил их в трапезную и в спешке удалился, стремясь поскорее скрыться с глаз начальства.

Белобород уселся во главе стола.

— Прошу вас, принцесса. Ярелл, чаю.

Его голос, могучий и властный, сейчас звучал мягко и успокаивающе. Алов села напротив жреца и недобро уставилась на него.

— Я больше не принцесса. Я графиня Вреддвогль.

— Как вам будет угодно. Северяне пьют удивительный чай. Мясной. Вообще это больше похоже на бульон. Вы непременно должны его отведать.

— Да-да! — сквозь звон кастрюль из кухни донесся голос Ярелла. — Он вкусен и питателен весьма. А вам поправляться надо, я всегда говорил.

— Чего вы хотите от меня?

— Ах, вот почему вы так напряжены. Я вообще-то планировал обсудить это с вами завтра, но если вы настаиваете...

— Настаиваю!

— Ну, как бы это сказать. Мы — ибо я сейчас говорю от имени церкви Сементериума — имеем честь пригласить вас под наши своды. Мы просим вас принять нашу доктрину и влиться в нашу большую семью.

— Что?

— Вы нужны нам, принцесса... графиня.

— Зачем? Что я могу?

— О, вы можете очень многое. Разве не вы открыли вашему отцу правду о будущей войне? Разве не вы убедили Ромелию помочь вам войсками? Вас знают, к вам прислушаются, за вами пойдут.

— Вы хотите, чтобы я призывала людей примкнуть к вам?

— Ну, в общем да. Видите ли, графиня, церковь слаба. Да, вам может показаться, что мы вездесущи, но это не так. Нас мало и мы непопулярны.

Алов задумалась, вслушиваясь, как на кухне Ярелл бренчит кастрюлями.

— А зачем это мне? Почему я должна помогать вам?

— Потому что, как мне кажется, вы *хотите* нам помочь, — Белобород бросил пронзительный взгляд прямо ей в глаза, Алов даже немного испугалась. — Дубб поведал мне о ваших разговорах, о книгах, которые вы взяли у Киви. Вы ведь, в сущности, уже с нами. Там, внутри, — Белобород указал на ее голову. — Просто вы почему-то не можете или не хотите открыто заявить об этом. Признаться самой себе.

А ведь он прав, старый колдун. Учение Сементериума прочно засело у нее в голове, вытеснив все остальные. Они уже казались ей глупыми и пустыми, эти остальные. И это пугало ее. Она боялась признать, что боги, в почитании которых она росла, теперь стали для нее не более чем героями детских книг. Хотя, в сущности, они и были такими героями. Огромное множество людей жило литературой. И это на просвещенном Западе! А уж что говорить про Восток, где в ходу как первобытное язычество, настолько же примитивное, насколько наивное, так и заунывные сочинения пустынников, в которых они приторно превозносят своего единственного бога, который к тому же подчистую списан с бога Солнца древней Урукашты.

А может, пускай? Может быть, стоит согласиться на предложение старика? Что ей терять?

— А вот и чаек, — Ярелл приковылял, громыхая подносом, на котором стояли глиняные кружки с дымящимся напитком. Конечно, помимо чая на подносе обнаружилась буханка хлеба, тарелка с копчеными сосисками, пучок зелени, сыр, пара луковиц, яблоки и кувшин с вином, как будто старый чревоугодник вы-

греб все, что было на кухне. Комната сразу наполнилась резким пряным ароматом.

— Вот, пейте, пока горячий, — Ярелл расставил снедь на столе и сам примостился сбоку, взяв в руку сосиску.

Чай был жирный и действительно напоминал бульон. Аромат его мощным ударом обрушился наАловизнутри, взбодрил и одновременно успокоил, и даже улучшил настроение, а сама сладковатая жидкость наполнила ее приятным теплом.

— Не правда ли, удивительно?

— Не то слово, — Алов допила горячий чудонапиток и отставила кружку.

— Так каково будет ваше решение?

Ярелл и Белобород уставились на нее в ожидании.

Решение? Какое решение? Чего они хотят от меня?

— Что?

Мы о чем-то говорили, но о чем? Я не помню! Ведь только что он что-то спросил у меня.

Алов хотела спросить уБелоборода, чего он хочет услышать, но остановилась: борода старика начала шевелиться, как живая, и стала расти. Что за колдовство!

Ярелл вдруг превратился в сову, замахал крыльями, заухал. По стенам забегали черные блестящие жуки. Белобород совсем зарос волосами, они были повсюду и извивались, как тонкие бледные черви. Яд, они отравили меня!

Алов схватила кружку, у которой уже выросли маленькие когтистые лапки и лысый крысиный хвост. На дне виднелись остатки трав и волокна мяса, а в нос ударила волна чайного аромата, но в этот раз в симфонии запахов отчетливо проявилась тонкая, противная грибная нотка.

Белобород открыл черную пасть и поглотил мир и ее вместе с ним.

Присяга

Утром пошел дождь. Это пока еще была мелкая водяная пыль, от которой не спрячешься даже под зонтом, но она предвещала грядущие ливни, которые уже прятались в тоненькой полоске темных туч над южным горизонтом.

Перед обедом регент Империи принимал присягу у столичных войск. Сырой плац Арсенала был заполнен рядами солдат, они повзводно выходили вперед, преклоняли колено и зачитывали наизусть короткий текст. Клянусь в вечной верности правителю Империи, регенту Эдварду Ротбергу, клянусь исполнять приказы, клянусь, клянусь, и так далее. По мнению самого Эдварда Ротберга это была пустая формальность, но военные — люди крайне консервативные, привязанные к формальностям и ритуалам, поэтому он терпеливо стоял под дождем, чувствуя, как волосы намокают и завиваются.

Отдельно стояли ромелийцы. Они казались светлым пятном в общей массе — должно быть, из-за их начищенных до блеска щитов и шлемов. Валерий Соларий, ромелийский военачальник, колена не преклонил, и присягу зачитал другую, менее обязывающую. Мол, клянусь-то клянусь, но в каких-то случаях клятва не работает. Ротберг что-то помнил об особом положении Ромелии, поэтому не проявил никакого недовольства, но про себя отметил, что надо бы почитать побольше про этих опасных союзников. А они, несомненно, опасны, если их армия так хороша.

Наконец все завершилось, отныне войска с песнями пойдут за ним и возможно даже умрут за него. Главной проблемой теперь стал Восток.

Военный совет собрался прямо тут же в Арсенале: Ротберг, Соларий и Стенн, Виндвард, Дорфхавн, который все еще был слаб, но горел желанием работать, и северянин Раутакирвес, заменивший Рузи.

— Хан уже довольно долго ничего не делает, — сообщил Дорфхавн. Его одутловатое лицо еще сильней распухло после внезапной болезни и даже приобрело багровый оттенок.

— Правильно, потому что хан не совсем еще выжил из ума, — сказал Стенн. — Они потеряли свою адскую черепаху, и теперь им совсем нечего делать. Они не смогут взять город приступом, мост слишком узок. Наши корабли блокируют их гавань, так что они не смогут зайти и с воды. Они сами загнали себя в тупик. Теперь им либо продолжать войну, но непонятно, как это делать, либо просить мира — а на это они не пойдут.

— Мы можем обойти их с моря, — сказал Раутакирвес с сильным десятирецким акцентом. — Высадиться и осадить город с суши.

— Это бесполезно, — Ротберг покачал головой. — Город так же неприступен, как Симиус. У меня есть один план, довольно реалистичный, но пока я вам его не расскажу, а то вдруг вы выдадите его врагу, — он ухмыльнулся. — Ну, и вы все-таки придумайте уже что-нибудь свое на тот случай, если мой план не сработает.

— У нас есть люди в Шемкенте, — сказал Дорфхавн. — Разумеется, связь с ними сейчас утеряна, потому что город закрыт. Но если бы кому-нибудь удалось проникнуть туда...

— Да, вот это дело, — подхватил Виндвард. — Вы ведь, собственно, без Исмарка...

— Вот и займитесь этим! — перебил его Ротберг. — Стенн, что у нас с войсками вообще?

— Столичный гарнизон был около двенадцати тысяч, и еще тысячи всадников. Но пятьсот человек на кораблях. У ворот полегло около полутора сотен, и еще двести человек ранено. То есть одиннадцать тысяч пехоты у нас в распоряжении. Еще две тысячи ромелийцев...

— Что такое? — Ротберг заметил, что Стенн вдруг запнулся и закусал губы.

— Фьелль. Он идет сюда с остальным войском Ромелии.

— По суше? Ну, это не страшно. Это уж я как-нибудь решу. Отлично, значит, в столице шестнадцать тысяч с конницей. Вместе с моими пятнадцатью... Господа, понимаете ли вы, что у нас уже сейчас в распоряжении самая большая армия, которую видел мир? Даже у кочевников нет таких сил, если прочесать всю их степь!..

Тишину, наступившую за этим его восторженным высказыванием, прорезал далекий звук рога.

— Это рог легиона, — сказал Соларий.

— И только что наша армия стала еще сильнее!

Восемь тысяч ромелийцев стояли на поле перед Западными воротами Симиуса. Капли дождя стекали по их полированным доспехам в лужи грязи. Ровные квадраты сотен были упорядочены идеально, настолько, что казались игрушечными.

— Кого я вижу! — заорал Ротберг со стены. — Старина Фьелль!

Фьелль и генерал легиона Гай Маркилий верхом уже стояли под самой стеной в окружении тысяцких.

— Вонючка Эдвард? — Фьелль был несколько растерян. — Как тебе удалось войти в город?

— О, довольно просто. Мне помогли мои друзья. То есть, конечно, наши друзья.

— Что-то я не понимаю, — сказал Маркилий, напрягшись.

— А что тут понимать? Император отрекся. Я — законный регент Империи, — орал Ротберг. — Войска и владыки Запада присягнули мне на верность. Вам не нужно с нами воевать!

— Ты лживая скотина, Эдвард! — проорал Фьелль в ответ.

— Совсем нет! — Ротберг замахал руками. — Да, я лгал, и часто. Вот, например, вчера я обманул несчастную принцессу Алов. Но сейчас я не лгу. Спроси кого хочешь, да вот хоть его, — он повернулся и подтащил Стенна к краю стены. — Стенн, скажите ему.

— Как ни удивительно, сейчас он не лжет, — сказал Стенн.

— И вы все тоже скажите, — Ротберг пригласил Солария и Виндварда.

Увидев Солария, Маркилий расслабился.

— Все это правда, — прокричал Соларий поромелийски. — Наш враг не с севера, он ждет нас на востоке.

— Сейчас мы откроем ворота, — заорал Ротберг, — и вы сможете войти в город.

Увидев членов Новой Башни на стене рядом с Ротбергом, Фьелль махнул рукой. Да ему и не хотелось сражаться.

Конец мира

В полутемной холодной комнате на каменном столе лежало безжизненное тело Алов Вреддвогль, бывшей наследницы трона Запада.

Белая как мрамор кожа делала ее похожей на прекрасную статую работы древних мастеров с острова Фемос. Даже смерть не смогла отнять ее красоту, а скорее, наоборот, преумножила ее.

Ярелл провел рукой по ее ногам, по животу.

Эх, много бы он отдал, чтобы вот так прикоснуться к ней, когда она была жива. А сейчас — вот она, прекраснее всех живых женщин мира, лежит перед ним совершенно голая, совершенно доступная — и эта доступность лишает его всякого желания.

Он хотел ощущать, как она противится ему, и как это сопротивление слабеет с каждым ударом сердца,

он хотел сам подчинить ее себе. А так — нет, это было бы неинтересно и даже неприятно.

Он еще раз прикоснулся к ее щеке, провел рукой по волосам.

— Все будет в наилучшем виде, принцесса, все будет идеально.

И принялся за работу.

Острейшей бритвой он удалил все волосы с ее тела; душистые масла и благовония смешал со смолой и медом и натер ее кожу, чтобы замедлить гниение. Янтарная смесь легла ровно, и тело принцессы словно опять ожило, приобретя почти естественный цвет.

Затем он взял мягкие полотнища и обернул ими руки и ноги принцессы во множество слоев, а между слоями вложил цветы, ароматные травы и кусочки папируса с молитвами. Потом, кряхтя от натуги, замотал также и туловище, и напоследок обернул голову, оставив открытым только лицо.

На этом его главная задача была закончена. Он поцеловал ее в губы и позвонил в колокольчик.

Вошли двое братьев, а за ними носильщики, и внесли резное кресло из сандалового дерева, и поставили на пол. Братья помогли Яреллу надеть на покойницу прекрасное белое платье и усадили ее в кресло, привязав бинтами к спинке и подлокотникам, а потом украсили ее бледными лилиями, источавшими невыносимый удушливо-прекрасный аромат.

Приготовления были завершены. Носильщики снова подняли кресло и вышли.

Они шли по улицам города, и люди замирали от ужаса при виде их, а затем падали ниц в рыданиях, и слезы их смешивались с дождем. Капли его сбегали по щекам мертвой принцессы, и людям казалось, что она плачет вместе с ними.

Носилки прошли мимо Арсенала, и воины, закаленные в сражениях, видевшие смерть и ужасы битв, плакали как дети.

Мостовые ворота открылись, и носилки проследовали на восток, и воины шли за ними и рыдали, и небеса плакали вместе со всеми.

На другом конце моста, у ворот Шемкента, процессия остановилась, и Ярелл, шедший впереди, закричал:

— Народ Шемкента! Мы пришли мирно, ибо несть в такой скорбный час мыслей о войне! Узрите тело девы сей, и скорбь по ней народа Запада!

И замер в ожидании. Воины на стенах умолкли и погрузились в оцепенение, ибо печальное зрелище угнетало и их. Кто-то из начальства послал к хану, потому что событие было совершенно непредвиденное.

Хан прибыл очень быстро, хотя стоявшим на мосту и на стенах это время показалось вечностью. Дождь все усиливался, и воины Запада уже было взроптали. Хан в окружении старших вазиров появился на стене, и все умолкли, а Ярелл закричал снова:

— Великий хан Востока! Мы просим тебя впустить нас, дабы эта дева обрела последний приют рядом со своим возлюбленным, твоим сыном! Мы пришли мирно!

Хан смотрел на толпу грустных людей внизу, на толстого Ярелла, а больше всего на тело Алов в окружении печальных цветов, и преисполнялся ужаса.

— Что это такое? — спросил он у вазиров.

— Алов, о великий, — отвечал Файдуддин-паша. — Дочь императора Запада. Она мертва.

— Не говори мне того, что я вижу сам, — ответил хан. — Вот это все — что это? Почему они здесь?

— Я не знаю, — обиделся Файдуддин.

— Это обман, о светлейший, — заявил Абу-Вафик. — Коварство Запада безгранично. Они убили твоего сына, а теперь используют труп своей наследницы, чтобы запутать тебя и проникнуть в город.

— А по-моему нет, — Файдуддин-паша, видимо, расчувствовался; голос его дрожал. — Запад коварен, но это было бы совсем запредельно. Они не настолько лишены человеческого достоинства.

— Вы слишком наивны, вельможный Файдуддин, — Абу-Вафик был непреклонен. — Люди Запада — это и не люди вовсе. Не забывайте, они до сих пор пребывают во тьме язычества...

— Великий вазир, — хан обратился к ан-Надму, — а вы что скажете?

Ан-Надм был в не меньшем ужасе. Он лихорадочно перебирал варианты, что значило это выступление Запада, и кто за ним стоял. Поэтому он не сразу отреагировал на вопрос властелина.

— Да? — сказал он, стряхивая с себя оцепенение. — Я скажу.

Все посмотрели на него.

Думай, думай, думай! Идеи крутились вокруг него, как пчелы вокруг разоренного улья. Открывать ворота нельзя ни в коем случае. Это явно провокация. Но чья она? Кто угодно мог стоять за этим.

— Я повторяю нашу просьбу! — заорал Ярелл внизу. — Откройте ворота, дабы мы похоронили нашу звезду, нашу прекрасную деву там, где ей следует упокоиться!

— Нет, — сказал ан-Надм. — Нельзя их впускать. Это провокация. За этим стоит... некая сила, которая пока не открыла себя... — Файдуддин закатил глаза, — но она враждебна нам. Нам нельзя доверять им.

— Конечно нельзя! — поддакнул Абу-Вафик. — Они говорят, что пришли с миром, но посмотрите, это сплошь воины! Они пришли с оружием, и пусть оно сложено сейчас, они обнажат его сразу, как откроются ворота, и обратят его против нас!

— Не забывайте еще про их чудо-оружие, — добавил Мустахдам. — Они не преминут использовать его, попади они в город.

— Если вы не откроете ворота, — заливался Ярелл внизу, — вы будете равны зверям, что не чтут традиций и не уважают мертвых! Равны зверям! Вы и ваш хан, который оставил веру своих предков и обратился к почитанию Всеотца...

Хана пронзила молния страха и гнева. Они знают, что он принял Досточтимое Писание! Они подобрались очень близко к нему, и кто знает, какие тайны выведали еще.

— Что несет этот горлопан! Заткните его! — взвизгнул хан.

Тренькнула тетива, и Ярелл упал на колени. Стрела поразила его в бедро. Солдаты на мосту загудели, и гул этот был угрожающим.

— Убейте их! Убейте всех! — бесновался хан.

Ворота открылись, и воины Востока с боевыми криками помчались навстречу врагу. Жестокой была битва, крики и звон оружия заглушали речь людей на стене. Кровь лилась рекой, трупы обильно падали с моста в темные воды Симиуса.

Кресло мертвой принцессы белой льдиной возвышалось над бушующим морем людей. Но носильщики один за другим пали от сабель янычар, и, покачнувшись, трон низвергся и был поглощен толпой, прекрасные цветы были растоптаны, а тело в белом платье распростерлось на залитых грязью и кровью камнях и скрылось от взоров.

Воины Запада бились яростно, но восток не уступал, и схватка начала перемещаться прочь от ворот. Обе стороны посылали на мост сотню за сотней, не желая уступать. Но наконец Запад дрогнул, ослабил напор, а потом и вовсе обратился в бегство. Доблестные янычары преследовали их до самых ворот Симиуса, которые захлопнулись прямо у них перед носом.

— Ура! — разнеслось над мостом. — Мы одолели их! Пусть знают силу Востока! Ура!

И в этот самый момент раздался взрыв.

Ужас еще больший обуял хана. Он не мог более видеть тот ужас, что творился на мосту и лишился чувств. А Эдвард Ротберг залился хохотом на Мостовой башне на противоположном берегу. Подрывники прошли по сточной канаве внутри моста и заложили заряд в самой его середине.

Камни и тела разлетелись в облаке черного дыма, и крики радости на мосту сменились криками ужаса. А сам мост медленно, словно в страшном сне, стал разрушаться. Огромные куски кладки откалывались и с чудовищным грохотом падали в воду, порождая фонтаны брызг, смывающие людей с тех частей моста, которые еще держались.

Скоро все было кончено. От моста остались лишь два основания на противоположных берегах. Темные воды Шема поглотили обломки и тела людей.

— Мы с вами уже вошли в историю, — сказал Ротберг. — Понимаете? Мы только что нарушили тысячелетний порядок. Это конец старого мира.

Дерзкие планы

Хан пришел в себя наутро. Весь предыдущий день и всю ночь постельники не отходили от его ложа, где он метался в бреду, отрывисто выкрикивая имена и фразы.

— Это истощение чувств, — сказал придворный лекарь. — Его не исцелить. Либо хан исцелится сам, либо нет, если будет на то воля Всеотца.

Однако же сделал хану кровопускание, а также велел протирать его прохладной водой с лепестками роз и ежечасно подносить едкую соль, чтобы вывести из тьмы его разум, застрявший где-то в дебрях ужасных воспоминаний.

А воспоминания мутным вихрем сжимали его, и он летел в их потоке, захлебываясь и крича от страха

и отчаяния, но крики эти оставались внутри его. Лишь изредка наружу прорывались слова — и тогда слуги записывали бессмысленное «Нет!», «Сын мой», «Почему я», «Убейте их» и многое другое.

К счастью, к рассвету бред утих, и хан как будто уснул тревожным сном, и еще до полудня пришел в себя, и немедля велел созвать диван.

Вазиры большие и малые опять сидели перед ним, как в прежние времена, но все понимали, что все изменилось.

— Коварство Запада безмерно, — сказал Абу-Вафик. — Это деяние их, непростительное само по себе, еще и несет ужасный смысл. И смысл этот — объявление о бесконечной вражде. Разрушив мост, они словно сказали нам: вы не враги нам, но хуже! Вы цель, и мы не остановимся, пока не падет голова последнего воина Востока...

— Вы все всегда усугубляете, почтенный Абу-Вафик, — булькнул Файдуддин-паша. — Оружие Запада страшно и бесчеловечно, но применили они его вовремя, и я бы даже сказал, красиво. Будь у меня такое оружие...

— А почему у тебя его нет? — зашипел шейх Мустахдам. — Уж не потому ли, что высочайший Файдуддин переглупил жалких язычников?

— Не потому! — повысил голос Файдуддин, — Не потому, как вам бы этого ни хотелось, мудрейший Мустахдам. А потому, что это вы не дали мне захватить Фемос и Ксанфос, когда я предлагал сделать это в позапрошлом году! А вот Запад не погнушался эти трофеями — и получил тамошних мудрецов впридачу.

— То есть ты обвиняешь меня в том, что вчера случилось? — Мустахдам набрал воздуха побольше, чтобы начать голосить, но хан, двинув пальцем, утихомирил его словоизвержение, и вазир продолжил уже почти спокойно: — Может быть, ты обвинишь и мудрейшего хана, который не внял писанию пророка на-

шего Мукаррама, призывавшего выжечь язву народов моря? Ибо они не просто язычники, подобные неотесанным дикарям севера, пребывающим во тьме неведения, но мерзкие богохульники, в язычестве своем пребывающие осознанно и выдумывающие объяснения тому. «Язычника всякого обращайте к свету Послания, но да не дрогнет в руке вашей меч, отсекающий голову человека из народов моря, ибо они во тьме, и из тьмы не изойдут, и шайтаны правят ими»...

— Досточтимые шейхи, — сказал хан, прервав затянувшийся монолог. — Война обещает быть жестокой. Это будет война не за землю, не за богатство. Это будет война на уничтожение. Или мы их, или они нас.

— Да-да, — закивал Абу-Вафик.

— Мы должны усилить наше войско. Велю всем мужчинам города явиться в Большой Цирк с оружием и доспехами. Мы будем драться до последнего воина!

— Что делать с цветочниками? — спросил шейх Муктада. — Они в тревоге. Жрецы в Храме Лотоса пророчат огненные реки и погибель богов. Я опасаюсь, что они могут восстать.

— Закройте квартал Лотоса, — сказал хан. — Объявите, что Раджнапали вышел на охоту, и велел выставить охрану от него самого, чтобы он в гневе невзначай не разрушил храм. Никого не выпускать и не впускать!

— Но мудрейший из мудрых! Цветочники и без того озлоблены, они не могут вести торговлю, потому что порты закрыты...

— Мне виднее, что делать с ними. Надо снять блокаду порта. Сегодня ночью мы атакуем их флот. Наши корабли отвлекут внимание на себя, а пловцы под покровом ночи обмажут борта вражеских кораблей горным маслом. Мы сожжем их.

Хан раздавал приказ за приказом. Он пришел в себя, о, вполне. Он прекрасно осознавал весь ужас положения, и понимал, что судьба всей страны никогда не зависела от него настолько, насколько сейчас. Это по-

следняя война его жизни, и он постарается выиграть любой ценой.

После обеда поехали на восточную стену. Дождь не переставал, и волны Шема поседели от пены. Остатки моста торчали из берегов, как гнилые зубы. Пелена из капель висела между городами, размывая контуры вражеских стен и лица воинов на них, и хану казалось, что они злобно усмехаются.

Смейтесь, пока можете! Вы еще узнаете гнев хана Востока!

Огонь и вода

Море всегда оставалось загадкой для Востока. Степные жители не любили его, а пустынники ненавидели всей душой. Ненависть к народам моря — бахри, как они издревле называли своих заклятых врагов, жителей островных полисов — постепенно распространилась на все, связанное с морем. Настолько велико было отвращение, что флот появился лишь сто с небольшим лет назад в правление хана Эмина, последнего из рода Гюнешсевер (после него на трон взошел его сын, но был убит в тот же день). Отчасти именно его тяга к морю настроила народ против него и в конечном итоге привела его к гибели, а страну — в руки кровавых узурпаторов аль-Корванов. Но даже и сейчас, по прошествии стольких лет, редко кто из людей Востока отваживался на морское путешествие, не говоря уж о том, чтобы стать моряком. Все капитаны были наемниками из островных полисов.

Поэтому идея битвы на море была обречена с самого начала. Воины противились погрузке на корабли, они были растеряны и озлоблены. Особенно возражали пловцы, которым предстояло под покровом темноты вплавь добираться до вражеских судов и забрасывать их борта горшками с горючим маслом.

Аслану выпало спускаться в воду. Он разделся, отдал свои вещи и оружие своему юзбаши Батаку Огузоглу, обмазался салом, чтобы лучше держаться на воде, и вместе с другими пловцами взошел на корабль, неся с собой два горшка с нефтью.

— Я боюсь воды, — признался ему незнакомый воин с узкой длинной бородой.

— А я вообще плохо плаваю, — сказал Атеш Собачья Лапа, его товарищ по сотне. — Но вот ведь судьба.

— Мы все умрем, вот что, — подытожил старый Сабир-джан. — Или не умрем. Если будет на то воля Всеотца.

После заката корабли были загружены окончательно и приготовились к выходу, а все огни в порту погасили, погрузив гавань в непроглядную тьму.

Хан наблюдал за погрузкой с Портовой башни. Когда все было готово и темень скрыла от глаз все, что происходило внизу, он лично подал сигнал, взмахнув факелом.

Пшшшшшш! Угловая башня, отделявшая гавань от устья реки, заструилась столбами искр. Это шейх Мустахдам придумал запустить фейерверк, чтобы отвлечь внимание вражеских моряков и углубить темноту в гавани. Операция началась.

Кораблей было вдвое больше, чем неприятельских. Они шли на веслах, со сложенными мачтами, не зажигая огня. Все молчали, даже гребцы не издавали ни звука, весла двигались бесшумно в хорошо смазанных уключинах, а тихий плеск воды заглушался ровным шипением дождя.

— Пора!

Аслан и другие пловцы медленно спустились к воде по сетям, перекинутым через борт.

— Ну и холодища!

— Потише там! Или хотите, чтобы нас заметили раньше времени?

Еще какое-то время плыли в воде, держась за канаты на борту. Весла бесшумно взмахивали где-то во тьме над головой, роняя крупные капли. Было холодно и страшно.

Ход замедлился.

— Дальше сами.

Аслан отпустил такой родной и милый канат, оттолкнулся ногами от борта и поплыл вперед. Темнота была хоть глаз коли. Наверное, таков водяной ад, куда попадают обманщики и лжецы. Холод, темнота, колючий дождь и неизвестный ужас, затаившийся глубоко внизу.

Мимо проплыл лысый Сабир-Джан. Он был спокоен, но быстр, его мощные движения выдавали в нем опытного пловца. При виде его Аслан тоже успокоился. На все воля Создателя. Если ему предстоит умереть сегодня — этого все равно не минуешь.

На носах кораблей, оставшихся где-то позади, вдруг загорелись большие огни, забили барабаны и затрубили трубы, гребцы налегли на весла изо всех сил.

Неприятель едва успел опомниться, когда они подошли почти вплотную, и завязалась ожесточенная перестрелка. Стрелы обычные и горящие сновали в воздухе как челнок ткача, поражая то один корабль, то другой — но кораблям стрелы нипочем.

К этому времени Аслан уже скрылся в тени вражеского борта. Последние сажени он преодолевал сквозь боль, так он устал. Он перепугался, когда корабли пошли в наступление, и вложил все силы в мощный рывок. Переведя дух, он отплыл немного в сторону, размахнулся и швырнул один горшок за другим. Звякнули черепки и жирные маслянистые пятна покрыли дощатую поверхность, обросшую ракушками. Дело было сделано.

Моряки наверху засуетились, услышав странный звук. Несколько голов свесились с борта, но Аслана

не заметили: он уже держал путь обратно, благо его корабль бы совсем рядом.

Доплыв до него, Аслан ухватился за сеть и обернулся. Вражеский корабль полыхал огромным костром, рядом занимался второй. Горящие стрелы втыкались в борта, и там, где пловцы успели разлить нефть, борта занимались злобным пламенем, которое так тяжело погасить. Неприятель дрогнул; уцелевшие корабли пришли в движение, они пытались развернуться — но пловцы уже сделали свое дело, и вскоре все они один за одним заполыхали, осветив гавань Шемкента. Люди падали в воду, туда же валились горящие мачты, падали стрелы, поражая беспомощно барахтающихся моряков. Победа была сокрушительной.

Моряки ликовали, и даже лучники, прежде с опаской глядевшие на море, возрадовались и затянули победные песни. Радость охватила и берег, и сам хан смеялся, как ребенок, видя победу своего небольшого флота, который уже поворачивал в порт, который вновь осветился огнями.

Аслан и Сабир-джан сидели на палубе с другими пловцами, прислонившись к мачте. Атеш не вернулся со всеми. Либо утонул, либо перепутал корабли. Но думать о нем не хотелось. Усталость овладевала телами, и сон сковывал веки. Они хорошо потрудились сегодня. Скоро они, наконец, сойдут на твердую землю и как следует отдохнут.

Страшный удар сотряс корабль, повалив людей. Треск досок разорвал ночь, смешался с криками.

— Что это?

Из тьмы между догорающими вражескими судами вынырнули быстрые остроносые галеры Ромелии. В один миг эти смертоносные корабли, созданные специально для войны, настигли торговые посудины Востока.

Аслан сам не заметил, как оказался за бортом. Вокруг вода кипела от падающих тел и обломков корабля.

Мимо пронеслась темная стена — борт вражеской галеры — и умчалась в сторону порта.

Аслан осмотрелся. Тьма, еле разгоняемая далекими уже кострами вражеских кораблей, не давала как следует разглядеть, что происходит вокруг. Корабль, с которого он только что выпал, уже успел затонуть. Люди были повсюду. Они просто плыли, или держались за какой-нибудь обломок, или просто лежали в воде мертвые.

С ужасом Аслан смотрел в сторону порта и наблюдал, как темные силуэты кораблей сближались, сталкивались, как вражеские воины перебрасывали мостки и переходили на корабли Востока, как они убивали всех.

Битва, казавшаяся выигранной, оказалась проигранной в один миг.

Шум боя стих, костры догорели и утонули. Враги пристали к причалам, что происходило на берегу, отсюда уже не разглядишь.

Аслан остался один на один с морем и дождем.

— Ничего, — сказал Сабир-джан, подплывший к Аслану на обломке мачты. — Мы еще живы. Всеотец милосерден.

Переправа

— Прекрасно, просто прекрасно.

Ротберг ходил туда-сюда по тронному залу, заложив руки за спину. Вести о захвате ромелийцами порта Шемкента были очень кстати. Он очень обрадовался и немедленно созвал совет.

— Сколько у нас осталось пороха?

Стенн, не ожидавший вопроса, замямлил что-то нечленораздельное.

— Виндвард?

— Э-э... должно быть две тысячи горшков...

— Да что вы за военные советники! Неужели вы правда не знаете этого?

— Этим вопросом ведал покойный Исмарк, — пробурчал Стенн. — Он хранил все в глубочайшем секрете. Кое-что, конечно, он сообщал, но не все и не всегда. А потом у нас не было времени выяснить, чем он занимался. Мы даже не знаем, — они с Виндвардом переглянулись, — сколько у него было складов и где они все...

— Ну, хорошо. Пусть две тысячи, этого должно хватить. Но вы все же выясните.

Он потер руки и ухмыльнулся.

— Восток падет, завтра, послезавтра, через неделю — они обречены.

Утром дождь еще усилился, почти скрыв стены Шемкента мутной завесой. Река внизу вздулась, тяжело перекатываясь над утонувшими обломками моста. Здесь на юге весенние паводки наступали с сезоном дождей, а не с таянием снегов.

Ротберг стоял на надвратной башне, но взор его был обращен внутрь города. Там вовсю кипела работа. Солдаты разбирали дома, прилегающие к стене, и громоздили груды камней и бревен на стену, будто стремясь надстроить ее. Они начали еще затемно, и сейчас вдоль стены на много саженей вглубь города простиралась полоса руин, в которых едва угадывались очертания прежних торговых домов, банков и трактиров.

На широкой улице-продолжении моста чуть поодаль были уложены штабеля досок, осадные лестницы, щиты и таран — несколько скрепленных стальными обручами бревен.

К полудню регент счел подготовку законченной.

— Итак, господа! — объявил он, спускаясь с башни. — Мы начинаем. Я не питаю иллюзий на тот счет, что мы победим сегодня, хотя это было бы неплохо. Но мы должны нанести врагу максимум урона. Мате-

риального или морального. Устрашить, запугать, сломить. В этом смысл нашей сегодняшней битвы.

Войска, назначенные в сражение — три тысячи воинов императорской армии — уже стояли в одном квартале от стены, выстроенные в боевой порядок. Генералы заняли свои места в центре позиции и Ротберг снова скомандовал начинать.

Загудел рог. Ему завторил еще один в отдалении, и наконец третий, приглушенный дождем.

— Пусть слышат. Пусть ждут. Пусть боятся.

Протяжные звуки пронзили завесу капель, пересекли пространство над рекой и заползли за стену Шемкента, как облака переползают перевал.

— Что это?

Хан прервал трапезу. Едва слышный заунывный вой доносился с запада, наполняя душу холодным непонятным страхом.

— Что они делают?

Хан вышел на балкон, но, естественно, увидел только завесу ливня и низкие клочья облаков. Вой продолжался.

— На стену! Я хочу видеть, что это. Ан-Надма сюда. Всех! Всех сюда! Быстро! Немедленно!

Река, обломки моста, стена чужого города, едва различимая сквозь дождь — и ужасный, сдавливающий сердце звук. Это проклятые северяне дудят в свои длинные рога. Варварские, примитивные инструменты для звукоиспускания. Даже барабан и тот более приятен для уха.

— Чего они хотят?!

— Они потешаются над нами, — сказал Мустахдам. — Они смеются нам в лицо.

— Нет. Они пытаются нас запугать, — ан-Надм, видимо, чувствовал то же, что и хан. — Они взяли порт, но больше ничего не могут — и им остается лишь выть, чтобы хоть как-то уязвить нас. Ведь они не способны ни на что больше...

Цепочка вспышек пробежала по противоположному берегу у самой кромки воды, а следом пришел грохот, поглотивший остатки фразы. Мощная надвратная башня и стена на много саженей в стороны от нее дрогнули и начали медленно оползать вниз, а затем накренились и рухнули в реку. Фонтан брызг захлестнул стену, окатив хана, вазиров, рабов и слуг грязным потоком. А когда они поднялись на ноги и протерли глаза, то увидели картину еще более страшную.

Река превратилась в сушу. Осколки стен, камни брусчатки, бревна, скалы — все это курганом легло в ее русло там, где прежде был мост, и перекрыло поток. Он бесновался справа от завала, стиснутый стенами ущелья, но не мог одолеть новую преграду; слева же он потихоньку отступал, открывая взору речное дно.

Но еще страшнее были воины, которые уже мчались по дамбе, неся осадные лестницы. Их было много, очень много, тысячи! И низкий, утробный вой ненавистных рогов по-прежнему расстилался над рекой.

— Все на стены!! — заверещал хан. — Дать отпор! Стоять насмерть!

Срела клацнула о камни над головами.

— О величайший! — ан-Надм склонил голову, жестом приглашая хана проследовать за собой, — Здесь становится небезопасно. Вам лучше удалиться.

— Я знаю, что мне лучше! — хан накинулся на него и едва не поколотил. — Не сметь указывать мне! Я здесь хан! Я буду здесь, я буду на месте командовать моей армией! Ни один западный язычник не ступит на нашу землю! Доспех мне!

Принесли кольчугу и шлем. Хан облачился в них и, отобрав саблю у одного из стражников, вернулся на стену.

Враги уже добрались до стен и строили осадные лестницы. Одну лестницу они прислоняли к стене, а второй подпирали первую, чтобы защитники не оттолкнули ее. Кое-где они уже проворно взбирались на-

верх. А стена была почти пуста. Глупое было решение снять усиленные гарнизоны. Но с другой стороны, кто мог предположить, что они решатся на *такое*?

Подкрепление подошло как нельзя вовремя. Враг уже был на стене, и лишь мужество горстки защитников не давало ордам варваров прорваться в город. Янычары включились в схватку, и весы потихоньку начали склоняться в сторону Востока.

— К воротам!

Хан взмахнул саблей, указывая на башню. Снизу уже доносились гулкие удары — это враги при помощи тарана ломали тяжелые створки.

— Вестмакт! Пар кунг унд ватрланд!

Хан обернулся. Враг приближался к нему, грубый неотесанный варвар. Он что-то кричал на своем каркающем наречии, размахивая тяжелым мечом. Хан мгновенно вспотел, потому что понял, что шансы его против этого воина практически нулевые. А тот тем временем приблизился достаточно и нанес удар.

Подчиняясь неведомому раньше инстинкту, хан поставил блок, затем второй. Отступил, парировал удар и даже контратаковал. Видимо, разум вытащил из глубин памяти уроки фехтования из далекого детства.

Солдат Запада, очевидно, не ждал отпора и немного замедлился, но атаковать не бросил, вынуждая хана шаг за шагом отступать вдоль стены. Это не могло продолжаться вечно, и конец настал: внезапно пространство сзади превратилось в каменную стену. Надвратная башня.

Это конец, подумал хан, и враг, словно прочитав эти мысли, бросился на него. Хан хотел зажмуриться, но страх лишил его возможности шевелиться. Он лишь неотрывно смотрел на занесенный меч, который сейчас оборвет его жизнь.

Но Всеотцу это было неугодно. Воин вдруг захрипел и упал на колени, и хан заметил наконечник стрелы, вылезший из его груди. Враг зарычал, выплюнув

фонтан крови, и упал ничком. Меч выпал из рук и самым кончиком разрубил хану ступню. Боль пронзила хана раскаленной иглой, и он лишился чувств.

Цветы гнева

— Вам очень повезло, о досточтимейший, — прошелестел врач. — Меч ударил ровно между пальцев. Кости нетронуты. Я подшил кожу и жилы, теперь вам нужен покой. Извольте принять вот это, — он указал на кубок, стоявший тут же на тумбочке. — Нежнейший травяной чай облегчит вашу боль и позволит быстрее отправиться в мир грез.

— Отлично, — сказал хан несколько отстраненно, отхлебывая чай. Что-то я стал часто падать в обморок. Негоже. Будто женщина какая-то. — Ступай. Я вызову тебя, если ты понадобишься.

Врач, пятясь, вышел. Хан посидел немного, борясь с нежнейшим чаем, а затем упал на шитые золотом подушки и уснул тяжелым, утомительным сном, полным бессмысленных снов.

Утро принесло облегчение в ноге, но вести были нерадостные.

— О величайший, — ан-Надм был невероятно взволнован. — Прибыл человек из южной степи. Беда идет.

Хан заслушал гонца лично. Тот перепугался и начал заикаться, но все же рассказал, что встретил на южной границе Степи странного путника. Тот был болен, он умирал от жажды, он и его лошадь, как будто до этого долго ехал через пустыню. И прежде, чем умолкнуть навек, этот путник сообщил, что Южный Волок пал. Войско дикарей из-за Теплого моря прошло на запад. Это случилось девять дней тому назад, может быть, десять.

Десять дней. Десять дней какое-то огромное войско движется по его стране, а он узнает об этом только сейчас от случайного путника!

— О мудрейший, — зашептал ан-Надм. — десять дней пути — это очень много. Если они идут сюда, они прибудут сегодня. Или завтра. Это проблема.

— Я вижу.

Гонца отпустили. Хан велел созвать вазиров, вытолкал слуг и повернулся к ан-Надму.

— И что это?

Ан-Надм пожал плечами.

— Увы, о справедливейший, я не знаю. Это может быть помощь нам, это может быть военное вторжение. Может быть, они движутся не сюда. Я не знаю.

— Это не помощь, — отрезал хан. — Мы не посылали вестей на Юг. Я не велел этого. Значит, кто-то сделал это помимо меня. Значит, это не помощь. А еще значит, они пользуются образом Раджнапали. Иначе этих дикарей не расшевелить. Значит, это кто-то, кто знает...

— Муктада.

— Да, именно он. Старый лис засиделся на своем месте, давно надо было казнить его.

— Это никогда не поздно...

— Само собой. Смерть его будет ужасной. Теперь мы по его милости очутились между молотом и наковальней. О чем он думал?

— Сейчас он явится, и мы это узнаем.

Первым явился Абу-Вафик. Он, похоже, не ложился ночью, проведя ее в молитвах.

— Почтенный Абу-Вафик, — сказал хан, — как обстоят дела в войсках? Готовы ли мы к войне? Ибо то, что было до сего момента, не более чем жалкая тень настоящих битв.

— Готовы, о сиятельнейший, — заблеял старикан. — Волею Создателя войско наше сильно и станет еще

сильнее с прибытием вельможного брата вашего Шамаля Непокорного, которое уже в пути.

— А что вчерашнее сражение? — мне стыдно, что пришлось так неподобно покинуть поле боя, но я тебе этого не скажу, злобный старикашка. — Каковы потери?

— Потери невелики, о великодушнейший. Триста человек полегло на стенах и еще столько же ранено. Неприятель потерял тысячу, не меньше. Только со стены мы сбросили в реку несколько сотен тел, и лучники наши собрали хороший урожай за стеной.

— Да, за стеной. Меня волнует эта дамба. Мы можем что-нибудь сделать с ней?

— Не нужно, — вазир войск улыбнулся. — Велик Создатель, ночью дамба не выдержала напора воды. Река размыла ее. Прохода больше нет.

Вошел Муктада, а за ним Файдуддин, наполнивший комнату облаками пряного дыма. Оба отвесили поклоны положенной глубины и заняли места на кушетках.

— Стража! — внезапно гаркнул хан, дождавшись, пока все устроятся. Вазиры испугались, даже ан-Надм, а больше всего Мустахдам, который как раз вошел. Двое стражников чуть не опрокинули его, вбегая в комнату.

— Возьмите его! — хан указал на шейха Муктаду. Тот не успел и глазом моргнуть, как стражники вытащили его из кресла. — В темницу его... пока что.

— Но светлейший... — на лице вазира было лишь удивление, но оно было маской, хан это почувствовал. Стражники выволокли его из комнаты и захлопнули дверь.

— Позволено ли мне, о справедливейший, узнать, чем достопочтенный шейх Муктада заслужил твою немилость? — спросил Файдуддин.

— Он плел заговор против меня, — сообщил хан. — Благодаря ему мы сейчас в ужасной опасности. Войско Юга идет на нас войной.

Абу-Вафик издал странный звук.

— Войско Юга? Велико ли оно?

— Велико, — сказал хан тоном, не допускающим сомнений. — Десятки тысяч воинов.

— Но это же ужасно! — Абу-Вафик вскочил со своих подушек. — Это измена! Шейх Муктада, не иначе, продался Западу!

Файдуддин закашлялся.

— Западу? Муктада? Я вас умоляю!

— А что вас так веселит, почтенный Файдуддин-паша. Или вы опять будете утверждать...

— Буду! Я всегда говорил, что Новый День существует! Я считаю, что вот оно доказательство. Шейх Муктада был его членом. Надо его пытать, надо выбить из него имена, планы, всё!

— Вы глупец, Файдуддин! — подключился Мустахдам. — Вы не можете трезво мыслить, потому что вы язычник! Шайтаны сбивают ваш разум с пути просветления.

— А может, и вы, Файдуддин, может и вы тоже предатель и служите западному императору? — грозно спросил Абу-Вафик. — А про Новый День талдычите, чтобы затуманить наши взоры?

— Хватит! — хан прервал дискуссию, уже готовую переродиться в обычную склоку. — Сейчас не время для споров.

Все смущенно умолкли.

— Нам нужно решить эту проблему! А у нее две стороны, как два лезвия у меча. Армия Юга идет к нам морем. Это плохо, но не смертельно. Порт наш занят врагом, но я не думаю, что они стакнутся против нас. Это даст нам фору. Хуже то, что у нас в городе полно южан.

— Они могут подняться против нас, — закончил мысль ан-Надм, — как только будет такая возможность. Они дикие и злобные, кто бы чего о них ни говорил.

— Они вне сомнений *поднимутся* сразу же, когда прибудет армия Юга, — продолжил хан. — И это, пожалуй, главная угроза сейчас.

— Но они заперты у себя в пригороде, — сказал Файдуддин. — К тому же они все-таки дикари. Наша армия легко с ними справится, ведь так, почтенный Абу-Вафик? — тот кивнул в ответ.

— Их там полтораста тысяч, — заметил ан-Надм. — Это самое малое пятьдесят тысяч мужчин, готовых воевать. Что наша армия против такой орды?

— Нам придется нанести удар первыми, — сказал хан. — Уничтожить змею, пока она еще в яйце.

— Но великолепнейший... — Абу-Вафик поднял палец, прося слова.

— Мы подожжем их трущобы. Никто не должен уйти!

Пожар

Вишванатан открыл дверь, и удивление его удвоилось: на пороге стоял сам великий вазир.

— Собирайся.

Скоро они уже быстро шли темными закоулками, и казалось, ан-Надм специально выбирает подворотни потемнее.

— Работа?

— Нет.

Они миновали ворота в стене, отделявшей район Храма Лотосов от остального города, и Вишванатан отметил, что у этих ворот, обычно неохраняемых, удивительно много стражи, и что створки закрылись за ними.

— Что происходит? Что-то плохое?

— Ты мне дорог, вот и все. Считай это моим подарком, — ан-Надм остановился. — Сегодня ночью там будет жарко. Я не хочу, чтобы ты перегрелся.

— Что мне делать?

— Пока поживешь у меня. Знаешь дорогу?

Вишванатан кивнул.

— Отлично. Иди, тебя уже ждут. У меня еще дела.

Великий вазир повернулся и исчез, видимо, нырнув в еле различимый проулок. Эта его способность тихо и незаметно пропадать из виду пугала. Вишванатан поежился, осмотрелся и пошел в сторону дворца ан-Надма. Он еще не понимал, что за подарок ему сделали.

Операцию начали за полночь, когда большинство жителей уже спало.

Район храма был пронизан сетью сточных канав и канавок, как и любой другой. Но здесь места было всегда мало, поэтому и канавы были застроены. От широких некогда потоков воды, предназначенных для слива городских нечистот, остались крошечные ручейки, тащившие мусор и отбросы в зловонных туннелях между хижинами, а где и сквозь хижины.

Из-за зловония никто не обратил внимания, что по этим ручьям поплыли черные пятна. Они навязали на столбах, облепляли стены.

Потом в воздух взлетели большие кувшины и разбились где-то посреди трущоб, взлетели еще и еще. Звук лопающейся керамики разбудил людей, но они пока не понимали, в чем дело. Кое-где люди обнаружили лужи нефти, вытекшей из разбитых кувшинов, и задумались. Но когда они поняли, в чем дело, было поздно. Рой горящих стрел уже поднялся в воздух.

Деревянные лачуги быстро занялись, и пожар начал расходиться по чрезмерно плотной застройке. Люди проснулись, паника охватила их. Плакали женщины и дети, ревели животные. Узкие проходы между домов превратились в ходы муравейника, забитые муравьями,

снующими туда и сюда без единой цели. Никто не понимал, что делать, куда бежать. Пламя пожирало квартал за кварталом, и быстро выяснилось, что оно расходится по сточным канавам под городом. Скоро огнем были охвачен весь район, и даже вокруг Махамандира заполыхало.

Кто-то догадался бежать прочь, в соседние районы. Те, кто не был отрезан огнем от стены, бросились к воротам — но лишь для того, чтобы обнаружить запертые створки.

Но сдержать паникующую толпу они не смогли. Запоры подались и поток обезумевших от страха людей хлынул наружу. Стража пыталась остановить его, но была сметена и растоптана, и люди помчались в город.

Впрочем, путь наружу проделали очень немногие. Кто-то не смог добраться до ворот, кто-то даже не подумал об этом. Последней надеждой остался Храм. Те, кто смог, добрались до дверей Храма, сломали их и набились внутрь, и продолжали заходить. Испуганные, обгоревшие, лишившиеся всего, они жались друг к другу, уповая на защиту богов и аватар.

Кто-то обратил внимание, что пламя вокруг Храма какое-то иное. И оно было иным, ибо здесь горел зловонный газ, поднимающийся из пещеры, в которую низвергались нечистоты.

Жар становился невыносимым, языки пламени поднялись до самых небес, и даже капли дождя уже не достигали земли здесь, испаряясь в полете. Люди в храме уже не плакали, они молча молились о спасении.

Но спасения не было. Землю сотряс мощный толчок — взорвался газ в пещере над озером отходов. Храм зашатался и ухнул под землю, разрушаясь в падении, а навстречу ему взметнулись струи огня, но не рыжего древесного, а голубого, горячего и страшного.

Тысячи людей погибли в один миг.

Вишванатан отшатнулся от окна. Слезы хлынули из глаз его, он пал ниц и рыдал, и взывал к Дхармашастре, бодхисатве справедливости. Он не хотел верить тому, что увидел сейчас.

А на улицах города в это время солдаты добивали тех, кто избежал смерти в огне, завершая начатое кровавое дело.

Восход Старого Солнца

Утро пахло гарью, хотя дождь погасил огонь и прибил дым. Небесная вода смыла с мостовых кровь добитых южан, а тела еще затемно были унесены и свалены на пепелище.

Район Лотосов выгорел дотла. От деревянных построек остался только пепел, теперь превратившийся в грязь, каменные дома закоптились и частично обрушились. На месте храма едва виднелась куча каменных обломков: огромное величественное строение разрушилось до основания во время провала. Тут и там из грязи торчали обломки костей. Больше ста тысяч человек нашли свою смерть здесь.

— Закрывайте.

Ан-Надм был в смятении. Ужасающее своей жестокостью деяние, но ведь это на благо страны. Или нет? Разве эти люди были врагами? И какую угрозу они представляли? Что если решение было неверным?

Он совсем запутался и ощутил острую нужду в духовной поддержке.

Темное даже днем помещение храма было пустым и гулким, огонь на алтаре горел вполсилы. Решем-Цедер как всегда корпел над своей книгой.

— Досточтимый Решем-Цедер! — ан-Надм поцеловал протянутую ему руку и спросил, не поднимаясь с колен: — Я потерялся и блуждаю, и не найду пути.

— Ты знаешь путь, — изрек вещий старец, не отрываясь от книги. — Ты страшишься и потому не приемлешь его.

— Я? Знаю?

— Пророчество о войне должно исполниться. Если хан до сих пор не выступил...

— Но это невозможно сейчас!

— Война всегда возможна.

— Но мы обложены со всех сторон! На нас идет большое войско с юга, порт закрыт, и Запад...

— Запад испорчен, — поднял палец пророк. — Он погряз в грехе и мракобесии. Свет Вечного Солнца погас над ним два века назад. Они обречены проиграть.

— И что же мне делать?

— Ударить! Туда, где не ждут!

— Но куда? В порт?

Решем-Цедер повернулся к ан-Надму.

— Нет. В самое слабое место мира. В светлейшего хана.

— Что?

— Хан слаб и глуп, — старик снова отвернулся. — Не разум, но чувства руководят им. Он не сможет исполнить пророчество. Ты — сможешь.

Хан спал неглубоким послеобеденным сном; шум шагов за дверьми пробудил его. Голова болела неописуемо. Он схватил кубок с вином со столика, но руки не слушались, и тот со звоном покатился по мраморным плитам. На мгновение ему показалось, что не вино разлито по полу, а кровь, и страх согнул его пополам. Плохой знак.

Дверь распахнулась, и ан-Надм вошел в опочивальню, а с ним проклятый Девабхакшьяман, снова при оружии — кто вернул его на службу? За ними вошли стражники, не менее чем пятеро. Что они делают здесь?

— Как смеете вы нарушать наш покой? — хотел сказать грозно, но спросонья пустил петуха и скомкал окончание фразы. Получилось смешно.

— Именем Старого Солнца я лишаю тебя державы, — объявил ан-Надм.

Старого Солнца?!

Дыхание перехватило. Новый День, таинственный орден солнцепоклонников, существовал — и наконец, явил себя. Явил там, где его меньше всего ожидали.

— Ты! Ты!.. — только и смог произнести хан.

— Уведите его!

Ноги хана подкосились, но стражники уже схватили его под руки и вытащили в коридор, а дальше словно наступило продолжение сна. Все стало размытым и замедленным. Мимо проплывали фигуры каких-то полузнакомых людей, колонны, пальмы, ступени, и наконец, все закончилось в темноте. Глоток сырого холодного воздуха привел его в чувство. Это была тюрьма.

Диван собрался, как обычно, когда солнце миновало Большой Мавзолей, но хан не появился. Все молчали; напряжение помаленьку росло. Файдуддин-паша выкурил два кальяна, встал и сказал громко, но как бы ни к кому не обращаясь:

— Что-то наверняка произошло.

Это как будто прорвало плотину. Вазиры зашумели, высказывая версии одна за одной. И вдруг все смолкло — ибо открылась дверь, и вошел ан-Надм, но он изменился. Вместо обычного истрепанного халата на нем была черная роба с капюшоном, а на груди на золотой цепи висел медальон в виде солнца в обрамлении множества извивающихся лучей.

— Новый День! — завопил Файдуддин, указывая толстым пальцем на это солнце. — Я говорил вам!

— Да, почтенный Файдуддин, — сказал ан-Надм холодно, и Файдуддин замер, а с ним и остальные. — И что с того?

— Коварные солнцепоклонники...

— Коварные ли?

— Что светлейший хан? — подал голос Абу-Вафик. — Здоров ли?

— Хан в полном порядке. Он заключен в темницу. Все мы с вами видели, в каком состоянии пребывал наш правитель последние недели.

— А ведь это так, — сказал Муизз. — Постоянные истерики, обмороки. Хан растерял силу.

— Растерял силу, — поддакнул ан-Надм. — Смерть сына подкосила его. Он стал слаб телом и духом.

— Да как смеешь ты... — Файдуддин погрозил ему кулачищем, но ан-Надм уверенно перебил его:

— Вспомни, почтенный Файдуддин, что хан сделал с людьми цветов. Разве они заслужили этого?

Все молчали. Пожар и последующую бойню все считали актом беспредельной жестокости, порицали его, ужасались ему — но лишь в душе, не высказывая свою точку зрения вслух из опасения навлечь на себя гнев хана. Ан-Надм это знал, и решил сыграть на этом. Теперь хана нет рядом, и они, возможно, откроются.

Расчет оказался верен. Файдуддин разжал кулаки и сказал, потупившись:

— Я согласен. Пусть он оправдывал это деяние военной необходимостью, это не искупает чудовищной жестокости. Это были мирные люди, даже не воины! Хан не в себе. А если он и в полном уме, так это еще хуже.

Другие вазиры один за одним закивали, перешептываясь. Переворот совершился, оставалась самая малость. Ан-Надм хлопнул в ладоши, и в зал вошли Учтапишек и Решем-Цедер.

— Наша главная задача теперь — война, а главная цель — Запад. Но прежде — одно небольшое дельце, — ан-Надм улыбнулся. — Мы откроем храм Апеш-Мааца.

Крылатый змей

Храм Крылатого Змея Апеш-Мааца, или Шемеш-Кедема, Старого Солнца — солнечного божества старой Урукашты, находился в пределах дворцовой ограды. Густой сад, больше похожий на лес, окружал его. Сад был обнесен глухой стеной, и никто не входил туда уже пару веков, а в сам храм — и того дольше.

Под ударами молотов кладка стены в том месте, где некогда были ворота, разрушилась, открыв взорам картину дикости и запустения. Дорога, некогда мощеная черным камнем, ушла под землю и проросла деревьями и кустарником. Растительность была буйной, но при этом неправильной, будто какое-то зло, затаившееся в глубине сада, просочилось внутрь каждого листа и каждой ветки и испортило их душу.

Этим злом и был кошмарный храм. Полностью сложенное из черного камня приземистое здание простых рубленых форм теперь можно было принять за холм — так оно заросло лианами и погрузилось в землю. Только черные обелиски, венчавшие углы здания, давали понять, что оно спряталось там, уснуло, похороненное, но не умершее.

Храм этот был построен раньше, чем ханский дворец; раньше, чем стена окружила Шемкент, который тогда назывался Шемеш-Ир; даже раньше, чем мост связал берега великой реки. Дом Аштациршимов, исконная династия правителей Востока, берущая начало в старой Урукаште, возносила в нем хвалу своему огненному змею, сжигая во славу его жертвенных рабов и пленных врагов.

Но время шло, и старые дикие обычаи уходили. Людей больше не сжигали в храме, и молитвы читались все реже. В правление боговдохновенного Джабраила Мукаррама, открывшего людям свет истины в Досточтимом Писании, поклонение прежним богам и вовсе было запрещено — впервые за тысячу лет храм был надолго закрыт. Но змеепоклонники не перевелись, и лишь только династия Мукаррамов пресеклась, они вернулись, и снова зажгли огонь на алтаре.

В последующие века храм то открывали, то закрывали множество раз, и запечатали окончательно во время мятежа аль-Корванов. Многие змеепоклонники были казнены, а храм велели засыпать землей и огородить глухими стенами, дабы никто более не смел приближаться к нему. Но даже Яхъя аль-Корван, самый яростный единобожник, не дерзнул разрушить ужасное здание, уважая его древность. Это было ошибкой.

Три сотни солдат с лопатами и топорами быстро очистили здание от земли и корней, заодно прорубив через заросли дорогу к воротам. Ан-Надм остановился на полпути. Черный куб с зубцами возвышался впереди, внушая безотчетный страх даже ему.

— Иди, — Решем-Цедер подтолкнул его под локоть.

Массивные золотые кольца на створках дверей ничуть не потускнели за прошедшие века, никто из грабителей не покусился на них. Ан-Надм взялся за них и потянул, борясь со страхом. Двери распахнулись легко, как будто и не были возрастом в семнадцать веков. За ними была тьма.

— Иди же, — повторил Решем-Цедер, передавая горящий факел.

Внутри было невыносимо мрачно. Черные гладкие стены словно поглощали свет, ан-Надм чувствовал себя умершим, блуждающим в аду теней. Невысокий каменный алтарь больно ударил его по коленям. В от-

верстие в потолке он разглядел яркий кружок неба — но и этот свет не помогал глазам здесь.

— Зажги огонь! — голос Решем-Цедера, многократно отраженный, звучал потусторонне.

Ан-Надм положил в чашу алтаря принесенные дрова и поджег их своим факелом. Пламя захрустело, пожирая древесину, но даже пламя казалось другим в этом средоточии тьмы — радостная злоба светилась в языках огня, грозя поглотить весь мир.

Но света стало больше — и обнаружилась резьба на стенах, причудливые урукаштинские барельефы из перемешанных фигур. Алтарь оказался размером с большой саркофаг — да по сути и был им, ведь чаша его должна была вместить человека.

— Хорошо! — Решем-Цедер водрузил свою книгу на каменный постамент в углу, — Приведите его! — затем он взял факел, поджег его и пошел вокруг пылающего алтаря, распевая молитву на странном языке Урукашты.

Несколько братьев вошли в храм. Они внесли охапки дров, глиняные горшки. Двое из них вели шейха Муктаду. Решем-Цедер умолк и указал факелом на него.

— Презренный Муктада абу Нахъян бин Самави бин Хайр аль-Хамси! — изрек ан-Надм. — Ты навлек на наши головы страшную беду, призвав сюда несметные войска южных варваров. Ты сделал это во время войны. Это измена.

— А по-моему, изменник ты! — заявил Муктада. — Изменник и узурпатор! И хуже того — ты богохульник, ибо отступился от Всеотца, отдавшись поклонению идолищу. Ты хуже язычника, ибо язычник придет к свету, а ты оставил свет ради тьмы!

— Ты изменник, Муктада. А измена карается смертью, — ан-Надм пропустил гневную тираду мимо ушей.

— Я вазир великого хана! Меня нельзя казнить!.. Казнишь меня — и аль-Хамси будут мстить...

— Ты будешь сожжен во имя Апеш-Мааца.

Муктада изменился в лице. Он понял, зачем его привели в проклятый храм. Руки его опустились.

— Нет, — сказал он тихо. — Нет.

— Давайте его сюда, — ан-Надм отошел в сторону. Братья подхватили Муктаду и подняли над алтарной чашей. Тот заизвивался, вопя, угрожая и умоляя.

— Апеш-Маац, сияющий змей! — запел Решем-Цедер, перекрикивая причитания вазира, — прими эту жертву, и да умягчится ею гнев твой.

На Муктаду плеснули нефтью из горшка и бросили в чашу. Огонь охватил его мгновенно, взметнувшись к самому потолку храма, обдал всех волной жара. Вопль старика достиг нечеловеческой ноты и оборвался.

Решем-Цедер тоже замолчал, закончив свою песню.

— Это только начало, — сказал он, — только начало.

Сон, похожий на смерть

Сон был долгим и тяжелым, как будто огромный, до края земли, свинцовый куб навалился сверху, расплющив сознание, лишив его возможность двигаться, видеть, понимать. Мир перестал существовать.

Сколько времени прошло так, и прошло ли, и вообще что такое время? Неизвестно. Но куб приподнялся, и от горизонта, засветившегося предутренним сумраком, со всех сторон хлынули мысли, воспоминания, обрывки снов. Разум впитывал их, преобразовывал, соединял и разрывал, и постепенно приобретал прежнюю силу и гибкость.

Потом навалились видения ужасные и непонятные. Целые миры вращались вокруг, сталкиваясь,

прроникая один в другой, события случались, а потом откатывались назад во времени, словно их и не было никогда. Люди и боги приходили и уходили, они говорили на тысяче языков, но речь их была понятной.

А потом в этом хаосе звуков и образов появился один, и постепенно вытеснил все остальные, превратив их в серую массу на границе восприятия. Озхан. Он стоял по колено в бушующем море и протягивал ей руку. Он улыбался. Он звал ее.

Она рванулась к нему — но выпала в реальность.

Серый мир за окном был полон воды. Грозовые тучи неслись на север, подгоняемые хлыстами молний, их пот дождем проливался на землю, а волны реки подхватывали его и уносили на юг, к морю, где вода испарялась и возносилась обратно к небесам. В этом была жизнь, смерть и возрождение, вечный неразрывный цикл, о котором говорят книги Сементериума.

Сементериум! Лживые подонки, они отравили ее! Она вспомнила свой последний ужин в компании страшного Белоборода, и ненависть вскипела в ней, но спустя миг улеглась. Она же жива. Значит, они не убили ее. Значит, надо понять, что случилось.

Алов поднялась с постели. Тело слушалось с трудом. Она посмотрела на свои исхудавшие руки. Сколько прошло времени? За окном все еще весенние дожди, значит, не так много, несколько дней. Где я нахожусь, интересно?

Завернувшись в простыню, потому что другой одежды на ней не было, она вышла из комнаты и очутилась на верхней галерее обширного клуатра. Внизу, среди фонтанов, кипарисов и апельсиновых деревьев, стояли статуи из разных уголков мира: античные мраморные герои, бронзовые животные Бергланда, деревянные тотемы северян, степные каменные головы, даже причудливые слоноголовые божества с далекого юга. В самой середине возвышался черный обелиск из Урукашты.

Алов уже видела такие обелиски, когда пару лет назад посещала руины доисторического города.

— Здесь наши корни, — сказал тогда Озхан.

Некогда величайший город мира, Урукашта погибла, когда иссякла река Ир, питавшая ее. Без воды поля засолились, сады усохли, люди покинули эти места, а пустыня быстро поглотила следы их существования. Дома растрескались от жары, песок засыпал улицы и площади. Только у самого моря, где соленые волны проникли в опустевшее русло, сохранились древние постройки.

Страшно было смотреть на мертвый город. Древние архитекторы любили черный камень, что и сейчас добывается в горах южного Неджда, и красный камень, месторождение которого ныне утрачено — его везли из верховьев реки Ир. Черное и красное — так отпечалась Урукашта в памяти Алов. Черные улицы, красные ворота, черные стены, красные колонны. И желтый песок, похожий на золото — такого нет в Неджде, чьи пески и скалы бесцветны от белого до черного.

— Крыши были из белого мрамора, — сказал Озхан, — или из металла — для отражения света. У бедных из меди, а у богатых — из серебра.

Потом мрамор рассыпался в пыль от жары и ветра, а металл растащили грабители поздних эпох.

Но больше всего поразили ее барельефы. Каждая стена, каждый свободный участок камня не остался нетронутым. Всюду была дивная резьба, изображавшая фигуры людей, животных и растений, переплетенные в немыслимом танце. Она завораживала и пугала одновременно — настолько чуждым казалось такое искусство.

А там, где не было фигур — были письмена. Странные значки, некоторые простых форм, некоторые похожие на изображения предметов, они тоже заполняли огромные поверхности на зданиях и обелисках.

— Это древние письмена Урукашты, — сказал Озхан. — Очень редкие мудрецы умеют прочесть их, да и то не все. Самые древние письмена никому не удалось разгадать.

Вот бы удалось прочесть их — с этой мыслью она тогда возвращалась в Симиус. Маленький обелиск, стоявший в мокром саду, снова вызвал в ее памяти вид мертвого города под палящим солнцем, и прежняя мечтательность шевельнулась в ней, тут же отдавшись резкой болью в животе. Она отшатнулась от перил, как ударенная.

— Матушка, да что ж вы! — Ярелл уже торопился к ней с тюком тряпья в руках. — Что же, зачем же вы так выходите, холодно же. Вот, я же вам одежду несу. Пойдемте обедать.

Одевшись, она спустилась вниз, Ярелл ковылял следом. Раненая нога его почти не сгибалась, и лестницы давались ему с трудом. Он, конечно, дал себе волю и всласть поворчал по этому поводу, а заодно и по всем остальным.

В полутемном коридоре на стене обнаружилось старое облезлое зеркало. Алов заглянула в него, и оттуда на нее посмотрела совсем другая девушка — бледная, худая, с обритыми волосами, на левой скуле ссадина. Только огромные глаза напоминали прежнюю принцессу. А кто она теперь?

Реальность

За столом опять сидели трое — Алов, Ярелл и Белобород, как будто давешняя трапеза и не прекращалась. Ярелл уплетал свиные ребра и печеный лук, поэтому молчал, а Алов кусок не лез в горло.

— Зачем вам это было нужно?

— Это нужно не только нам, но и тебе.

— Что?

— Понимаешь ли. Ты умерла. Тебя видели мертвой. Видели по обе стороны реки. Ни у кого не осталось сомнений.

— И что?

— Представь, что будет, когда ты вернешься.

Алов представила.

— Никто не поверит. Двести лет назад уже был Лжеклавдий...

— И ему, однако, поверили, хотя он был непохож на настоящего Клавдия. А ведь ты — это ты. Все люди, знающие тебя, еще живы.

— И что вы хотите?

— Мы? Мы хотим помочь тебе.

— Помочь в чем?

— Вернуть тебе власть, конечно.

Вот те на.

— И как вы это представляете себе? Чудесно воскресшая принцесса Алов на белом коне въезжает в город, все падают ниц и покоряются ей, а узурпатор Ротберг отдает ей трон?

— Ну, примерно так. Разве что без белого коня.

Да он выжил из ума.

— Это невозможно.

— Это возможно, и я уверяю тебя, так и будет.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я *знаю*, что все будет именно так.

Голос старика звучал убедительно, но это же очевидная глупость.

— Но почему? Откуда вы можете знать?

— О, девочка, такое ведь уже случалось, и не раз. И даже вещи более удивительные. Ты не представляешь, как легко управлять толпой при помощи таких вот чудес.

— Случалось? Когда?

— Неужели ты не помнишь? А, например, как, по-твоему, взял власть Джабраил Мукаррам на Востоке?

— Он написал книгу о едином боге, — ответила Алов. — Люди поверили ему и пошли за ним.

— Почти правда, — Белобород улыбнулся. — Но люди в основном неграмотны.

— Ну... Он читал им проповеди.

— Верно, но это же все слова. Никто не верит чужим словам.

— А как тогда?

— Он украл солнце.

— Украл?

— Он объявил, что единый бог разочаровался в людях и решил погасить солнце. И только обратившись в его веру, они смогут спастись...

— Он рассчитал затмение?

— Да. И тогда люди поверили. Потому что его слова подтвердились самым чудесным образом.

— Но постойте, — Алов снова засомневалась. — Ведь расчет затмений стал возможен только пятьсот лет тому назад... Есть книга по исчислению звезд...

— Да.

— Тогда как древний пророк мог это сделать?

— Ну, например, он на самом деле мог быть пророком. Или придумать правила расчета самостоятельно.

— Но это невозможно!

— Верно. Поэтому остается еще один вариант. Может быть, он не такой и древний.

Алов опешила.

— Как же? Ведь известно, что Мукаррамы правили востоком с 1100 по 1400 годы...

— Откуда это известно?

— Из летописей...

— Каких?

Она промолчала.

— Большая часть настоящих летописей погибла во времена Трибунала два века назад. То, что ты изучала — это новые книги, они написаны позже.

— И что, там написана неправда?

— Не совсем. Там есть вымысел, но в основном там описаны реальные события. Но они перенесены в глубь веков.

— Зачем?

— Чтобы изменить прошлое.

— Но зачем?

— Видишь ли… Вот, например, твой отец. Он до последнего считал, что правит империей с тысячелетней историей. Поэтому он и стоял до конца — он и его генералы. А что было бы, если б они узнали, что на самом деле стране всего двести лет, а отдельным частям ее и того меньше?

Алов была поражена.

— То есть вы хотите сказать, что вся история — выдумка?

— Нет же, не выдумка. После Трибунала она достоверна. А вот до него — она сильно искажена. И чем глубже в древность — тем сильнее.

— То есть мы, я имею в виду наша страна, существует не две тысячи лет?

— Нет, конечно нет. Великий мир был заключен около 1380 года. А Мост построен в 1469.

У Алов засосало под ложечкой от удивления и интереса, хотя она все еще была полна недоверия.

— Но зачем? Кому понадобилось так изменять историю?

— Видишь ли… Западом правит, по сути, одна семья непрерывно на протяжении многих веков. Да, наследовали не всегда по мужской линии, но всегда по крови. И так вышло, что в самом начале, в самом основании вашего рода лежат боковые ветви Аштацирршимов.

— Основателей Великого ханства Востока?!

— Да. Они сбежали с Востока в правление Мукаррамов. Это случилось когда-то в начале 1500-х, во времена колонизации Бергланда. Род Альмадена — из него

происходит Эмилий I, император, который отменил выборы и ввел престолонаследие. Помнишь?

Алов кивнула.

— В 1740-х ханы Востока — тогда там царил род Гюнешсевер, свергший наследников Мукаррама — узнали, что правящая династия Запада берет род от Аштациршимов. И перепугались.

— Того, что у нас было больше прав на трон Востока?

— С их точки зрения — да. Они веками уничтожали любые намеки на связь с Урукаштой, а тут такое. И они подняли мятеж.

— Мятеж на Западе?

— Да. Мятежники стали обращать народ против императора. Они обвиняли его в язычестве и человеческих жертвоприношениях. Они даже подстроили несколько таких жертвоприношений, чтобы пробудить народный гнев. На этой волне они взяли власть, убили всех, кто что-то знал, а потом три года методично уничтожали свидетельства о прежнем порядке. Храмы, статуи, летописи. Все, что содержало даже намеки на него, было стерто с лица земли.

— Но зачем это было нужно самим мятежникам? Это же и их история тоже?

— Они попали под полное влияние Востока. Хан контролировал их. Не знаю как, возможно, через детей или деньгами. Брат хана жил здесь, через него передавались послания.

— Все равно не понимаю, зачем было нужно уничтожать храмы и летописи.

— Видишь ли, так они избавились не только от наследников Аштациршимов, но и от солнцепоклонства. Старое Солнце — помнишь? Это не Трибунал насаждал его культ. Наоборот, они уничтожали его следы. Это, как они считали, дало им право в дальнейшем безоговорочно считать Запад врагами — как по роду, так и по вере.

Алов помолчала и спросила:

— А я? Получается, я — еще и наследник истинных правителей Востока?

— Очень дальний и едва ли легитимный, — Белобород покачал головой. — Но у тебя есть возможность взять эту власть. И я предлагаю именно этим и заняться. А с твоим правом на престол Востока мы что-нибудь придумаем, — он хитро улыбнулся, будто уже придумал.

Братья

По мощеной дороге ехалось быстро. Шамаль даже порадовался, что под копытами его коней камень, а не трава, а такое бывало с ним нечасто — он не любил цивилизации. Города представлялись ему душными склепами, созданными, чтобы высасывать душу из людей. Кто не ездил в степи, тот не жил — так говорил он всегда.

Но сейчас дорога, выложенная грубыми каменными плитами, была как нельзя кстати. Движение ощутимо ускорилось, и это несмотря на дождь, превративший открытую степь в чавкающее болото. А каждый день был на счету.

Йылмаз, привезший дурные вести, ехал следом. В прежние времена его бы пришлось казнить, но сейчас люди уже отказались от этого давнего обычая, что было довольно досадно.

Ехали молча — все равно все звуки сбивал дождь, иони тонули в грохоте тысяч копыт. Каждый думал о чем-то своем. В этом тоже была душа степи — огромные пространства и долгие переходы давали возможность хорошенько подумать. Шамаль часто удивлялся, отчего лучшими мудрецами считают пузатых бородачей с мраморных островов. Там некуда идти, негде уе-

диниться, там нет такого безудержного полета, который может подарить степь.

Сегодня вдоль дороги все чаще и чаще стали появляться сначала отдельные дома, затем небольшие селения, а когда-то после полудня — точнее сказать было невозможно из-за плотных туч, укрывших солнце — из завесы дождя вынырнуло предместье Шемкента. От большого перекрестка, где дорога из степи сливалась с дорогой на юг, и до самой столицы начиналась сплошная застройка. Городская стена была незаметна, потонув в этом море домов. Она просто выросла на пути, как будто внезапно поднявшись из-под земли.

Ворота были закрыты, и движение встало. Всадники созерцали стену в безмолвии, и она отвечала тем же. Никто не встречал их.

— О могущественный, — подал голос Йылмаз. — Странное дело. Город как будто обезлюдел.

— Да? — Шамаль не обратил внимания на это, ему вообще были неинтересны горожане, да и город в целом тоже.

— Сколько мы уже едем, вдоль дороги нет никого, а обычно тут движение очень плотное.

— Хм... и что?

— Это подозрительно. Да больше того, даже в домах, похоже, никого нет. Двери и окна закрыты, во дворах пусто. Люди ушли.

Шамаль поежился. Обычные города угнетали, а вот пустой город его испугал.

— Трубите, — приказал он. — Пусть встретят нас.

Писец выскользнул из-за ширмы и что-то зашептал.

— Почтеннейшие вазиры, — ан-Надм встал, — досточтимый Решем-Цедер! Прибыло войско из Степи. Брат нашего бывшего хана, могущественный Шамаль, примчал поддержать нас в войне.

— Конечно, — сказал Абу-Вафик. — Он-то может быть и поддержал бы, но брата своего. А брат у нас сидит в темнице.

— А мы не скажем ему об этом, — предложил Файдуддин.

— Не выйдет, — покачал головой шейх Мустахдам. — Он любит своего брата... пожалуй, это единственный человек, кто ему небезразличен в этом городе. Он не будет говорить ни с кем, кроме него.

— Будет, — заявил Решем-Цедер. — У нас есть сын хана. Шамаль будет говорить с ним. Мы объявим его правителем страны.

Послали за Бугдаем, благо покои детей хана располагались неподалеку. Тощий, нескладный младший сын Озмака II являл полную противоположность покойному старшему. Да еще и умом слаб. Он стоял перед вазирами, раскачиваясь, и ковырял в носу.

— Бугдай-джан, — сказал ан-Надм. — Хочешь править страной?

Тот оторвался от разглядывания козявок, поднял мутные глаза на великого вазира, и проговорил нараспев:

— Конечно хочу. Только я не могу. Страной правит отец.

— Отец... заболел. Поэтому править придется тебе.

Бугдай заулыбался, и выражение лица сделалось совсем идиотским.

— Править, хы, — он взмахнул рукой. — Спасибо, дядя Малик.

Невыносимо долго тянулось ожидание. После многодневной езды стояние на месте усыпляло, подавляло волю и лишало сил. Дождь лил, ручьи устремлялись прочь по сточным канавам. Мокли лошади, дремали люди. Вечерело.

Наконец, на стене показалось какое-то движение. Шамаль пригляделся: в компании нескольких воинов навстречу ему вышел сам великий вазир ан-Надм.

— Могущественный Шамаль, — сказал он. — Мы рады видеть тебя и твое войско здесь в этот тяжелый для нашей страны час.

— Что-то не очень вы рады, если заставляете так долго ждать у порога.

— Приношу наши искреннейшие извинения, — ан-Надм склонил голову, — но прошу и тебя простить наших стражников. Время сейчас военное, и безопасность превыше всего. Прошу, ты можешь въехать.

Увидев Бугдая на троне, Шамаль удивился.

— А где Озмак?

— Отец болеет, — заявил Бугдай. — Сейчас я хан!

— Болеет? — Шамаль повернулся к ан-Надму. — Чем? Где он? Я хочу поговорить с ним.

— Могущественный Шамаль, — заскрипел Решем-Цедер. — Боюсь, это невозможно. У твоего брата заразное воспаление. Он укрыт в своих покоях, и только я могу входить к нему, ибо я врач и умею соблюсти предосторожность.

— Заразное воспаление?!

— Да, о могущественный! Твой брат великий человек. Он сражался как лев на стене города, защищая нас всех от осады, он был ранен, но не сдавался. Приступ был отбит. И твой брат помогал выносить раненых с поля битвы, помогал врачевать их, и навещал их каждый день после того — и заразился, ибо коварные враги принесли на телах своих эту болезнь.

— Да, мой брат таков, — Шамаль удовлетворился объяснением. — Всегда в гуще событий, всегда впереди.

Вбежал взбудораженный писец и что-то прошептал ан-Надму.

— Войска Юга прибыли. Они уже здесь, осаждают порт.

— Война! — радостно заверещал Бугдай. — Ура!

— Но ведь в порту ромелийцы!

— Вот и отлично! — Абу-Вафик ощутимо обрадовался. — Пусть два зла уничтожат друг друга.

Врата царства Раджнапали

Они шли медленно, и дождевой фронт настиг и обогнал их на второй день. Море и так было неспокойным, а с приходом дождей и вовсе взбесилось. Молнии били вокруг, озаряя их сквозь воду неземным сиянием.

В пути потеряли грузовик и четыре галеры — почти полторы тысячи воинов нашли приют на дне морском. Утонули все, ведь тех, кто не ушел под воду вместе с кораблем, оставили позади. Не было времени подбирать их, да и некуда: корабли были перегружены.

Впрочем, этот шторм был ничто по сравнению с великими штормами в безграничном океане, что раскинулся за краем земли на востоке. Говорили, что волны там вырастают до неба, тучи умеют всасывать в себя воду прямо из океана огромными хоботами, ветры такие, что уносят целые корабли и забрасывают далеко на берег, а молнии пробивают в воде воронки до самого дна. Поэтому моряки не страшились волнения и дождя, казавшихся малыми и ничтожными.

К концу восьмого дня за дождем различили стены и башни далекого города, в котором жил бог. Гребцы налегли на весла, и с приходом темноты достигли цели.

Чужие корабли перекрывали вход в гавань и словно ожидали атаки, но они не думали, что она будет такой жестокой. Сторожевые суда даже не успели развернуться, когда галеры южан поравнялись с ними, ломая им весла, и на вражеские палубы хлынули потоки самых рьяных воинов.

Враги сражались достойно, но никто не сравнится в ярости и опасности с воинами из каст Виддхавата и Сатьямани. Боль нипочем им, и раны не мешают им биться. Каждый из них орудует двумя скимитарами, превращаясь в колесо смерти, к которому невозможно приблизиться.

От причалов отошли новые корабли, на подмогу сторожевым. Но это было бесполезно. Вооруженные таранами, они незаменимы в быстром бою, а сейчас ветер был против них, и скорость они набрать не смогли. К тому же они опасались повредить сторожевые суда, к которым были пришвартованы галеры южан. Поэтому они лишь приблизились и начали обстрел.

Огромный пузатый грузовик вышел из-за ряда галер и двинулся в сторону врага, набирая скорость. Стрелы усеяли его нос и борта, но что они могли сделать с этим чудовищем. Он шел плавно, но неостановимо. В рядах врагов началась паника, корабли разворачивались и отходили с его курса. Осталось лишь две галеры, которые не покинули своих мест в строю. Они и приняли на себя основной удар.

С громким треском таран одной из галер вошел в правый борт грузовика и застрял в нем, пробив небольшую брешь, но тот даже не замедлил движения, только немного сбился с курса. Галеру же буквально подняло из воды, от сильнейшего удара люди полетели с палубы. Грузовик тем временем подмял вторую галеру, опрокинув ее и серьезно повредив. Пройдя еще немного, он зацепился торчащей из борта галерой за третий корабль. Его развернуло вдоль берега, и он встал.

Воины тут же высыпали из грузовика на палубу застрявшей галеры. Добив тех, кто там оставался, они перебрались на соседний корабль и продолжили избиение там. Враги между тем возобновили обстрел, но строй их поредел и смешался, к тому же цели разделились, поэтому поток стрел был неплотным. Южане же приободрились и перешли в наступление, невзирая на стрелы. Близость долгожданной земли и неожиданная маленькая победа подняли их боевой дух.

Они пошли вперед прямо на врага. Второй грузовик смел две галеры на левом фланге, а суда поменьше устремились на абордаж. Стрелы иссякли, и вскоре все

было кончено. Последний вражеский моряк был зарезан и выброшен в воду. Путь в порт был открыт.

Клещи

Вошедший, даже вбежавший писец был мокр насквозь — гроза разыгралась не на шутку. Он судорожно пробормотал свое донесение и отошел в сторону, оставив на полу большие лужи.

— Мудрейший из мудрых! — сказал ан-Надм, вставая с подушек. — Почтеннейшие вазиры и паши. Могущественный Шамаль. Одно зло раздавило другое, но само не погибло. Ромелийцы сметены, но порт захвачен. Войско южан уже здесь, в городе.

— Битва! — пропел Бугдай, тоже вскакивая с трона. — Будем сражаться не на жизнь, а на смерть.

— О сиятельнейший, — ан-Надм подошел к нему, — вы правы, битва будет, и мы будем сражаться. Мы — но не вы. Битва — не дело для хана.

— Еще какое дело! — надулся юнец. — Мой сиятельный отец сражался и был ранен! Да все великие ханы Востока, самые великие из них — все сражались с врагами и побеждали их! — он взмахнул рукой. — Пойду облачаться в доспехи.

— Но вы молоды, — возразил ан-Надм, предчувствуя беду. — Вы не видели сражений...

— Я хан! — Бугдай подошел вплотную и злобно уставился на ан-Надма своими вечно слезящимися глазенками. — Я решаю, что делать мне, тебе, и всем остальным. Не ты!

Ан-Надм покорно склонил голову. На самом деле так даже лучше. Сын хана прошел к выходу, толкнув его плечом. У самых дверей он обернулся и, погрозив кулаком, повторил:

— Не ты!..

Затем постоял, словно ожидая ответа, но когда ан-Надм собрался было открыть рот, Бугдай выскользнул наружу.

— Что ж, — Шамаль пожал плечами. — Мальчонка всегда был слабоват. В былые времена его бы оставили стервятникам еще во младенчестве.

— Как смеешь ты... — зашипел Абу-Вафик.

— По праву крови, — просто сказал Шамаль.

Абу-Вафик испуганно потупился, осознав свою ошибку. Брат хана был неприкосновенен.

— Могущественный Шамаль, — сказал ан-Надм. — Можем ли мы просить тебя выйти со своим войском в порт города и отразить атаку неприятеля?

— Почему нет? — Шамаль опять пожал плечами. — Я, собственно, сюда за этим и приехал. Хотя, конечно, лучше бы не приезжал.

Воины Шамаля чувствовали себя неуютно: мало того что вокруг вместо привычных степных просторов были тесные ущелья улиц, мало того что с небес под непрерывный аккомпанемент грома лились целые водопады, так еще и пришлось спешиться: в городе лошади только мешали. Сам Шамаль и командиры до сотников остались в седле и направляли войско, без лошадей сразу превратившееся нестройную толпу. Как бы беды не вышло. Против профессиональных пехотинцев им не устоять. Оставалось надеяться, что южане воюют хуже.

Только вышли из стен дворца, как сзади послышался шум и крики. Расталкивая степняков, по улице двигался отряд тяжелых всадников.

Впереди ехал Бугдай. Он напялил свой дутый позолоченный доспех, который выглядел как игрушечный, и скорее всего таковым и являлся. Декоративный шлем еле держался на его шишковатой голове, а в руке он сжимал рукоятку своей сабли, золотые цветы на которой тоже заставляли усомниться в ее боевых качест-

вах. Этой саблей он лихорадочно размахивал над вой, будто хотел защититься от дождя.

Впрочем, его совершенно небоевой вид резко отличался от вида его спутников. Это были тяжелые конники, экипированные по образцу западных рыцарей. Они были облачены в стальные доспехи с ног до головы, и кони их тоже были закованы в сталь. Шамаль почтительно посторонился.Эти воины вызвали у него уважение своей очевидной мощью.

— Вперед, мои верные воины! За мной! — голосил Бугдай. — Война!

Степняки тоже приободрились и ускорились вслед за всадниками.

Мчаться по улице было легко и приятно. Никто не преграждал пути, редкие встречные прижимались к стенам. Бугдай ехал на войну. Доспехи приятно бренчали в такт движениям лошади, разве что дождь доставлял некоторое неудобство, заливая лицо. Но настоящему воину дождь нипочем! Он бесстрашно летит на врага и разит его своим смертоносным мечом, невзирая на дождь, холод или жару.

Навстречу стали попадаться какие-то люди, они бежали прочь из порта. Кто-то зазевался, не успел отскочить и упал прямо под копыта, что-то смачно хрустнуло. Бугдай смутился, все боевое настроение мигом улетучилось. А потом он увидел врага.

Чужие воины с факелами резали людей. Иначе это не назовешь. Они настигали бегущих прочь и убивали их — быстро, хладнокровно и как-то механически, будто делали рутинную работу. Внутри заворочались, сплетаясь клубком, страх и гнев, и гнев победил.

— А-а! — Бугдай заорал что есть мочи и пришпорил свою лошадь.

Ярость затмила взор, в ушах стучало. Ему хотелось убить их всех, растоптать, разрубить на кусочки! Он с бешеной скоростью налетел на врагов, сбил двоих лошадью и рубанул кого-то по голове; те не успели сде-

лать ничего, просто упали во тьму, их факелы погасли. Бугдай воодушевился; он летел дальше, отвешивая удары направо и налево. Редко они достигали цели: враги уже увидели его и заранее отходили с пути, впрочем, только чтобы пасть под копытами конников, мчавшихся следом.

Порт был уже близко. Бугдай не отражал действительность, он просто мчался вперед в стремлении убивать. Золоченая сабля разила врагов, которых становилось все больше и больше, и вдруг выпала из руки то ли от усталости, то ли от неудачного удара. Бугдай заметил это не сразу, удивившись, отчего работать ею вдруг стало так легко. Он уставился на пустую ладонь, и вдруг лошадь его споткнулась о чье-то тело. Она не упала, лишь припала на колени, но этого было достаточно: сын хана вылетел из седла.

Он плюхнулся в лужу между мертвых тел, и золоченый шлем укатился прочь, звеня и булькая, как ночной горшок. Вода, смешанная с кровью, залила лицо его, и он не увидел окружающих его врагов. Хрустнули разрубаемые хрящи и сухожилия, и все стихло.

И снова писец, мокрый как лягушка. Ан-Надм изменился в лице, выслушав доклад.

— Запад.

Новый мост

За завесой дождя на противоположном берегу едва угадывалось зарево множества огней.

— Что это?

Сквозь шелест капель и плеск речных волн расслышали низкий протяжный гул, как будто гора терлась о гору.

— Проклятые язычники готовят богомерзкое злоумышление! — разразился бранью Абу-Вафик. — Да прольется на их головы гнев Всеотца!

Гул повторился громче и несколько отчетливее.

— Войско сюда! — заорал ан-Надм. — Две, нет, три тысячи! Сейчас же!

Абу-Вафик отошел и стал что-то кричать вниз со стены.

Гул приближался. Со временем в нем стали слышны детали — звон цепей, потрескивание дерева, гудение рогов. А потом появился и источник.

При свете молнии сквозь дождь увидели — из бесформенной тьмы растет новый мост. Непонятная конструкция раскачивалась из стороны в сторону и большими рывками приближалась, как огромная медленная гусеница.

— Мост! Они строят мост!

Полетели горящие стрелы, но дождь был слишком плотным, и огонь угасал моментально.

Воины стали заполнять стену, готовые дать отпор врагу. А черная гусеница тем временем все приближалась. Несколько часов ей потребовалось, чтобы пересечь потоки Шема. Она качнулась и замерла в двух шагах от стены, на рост человека выше ее.

Это был деревянный коридор. Снизу из-под него торчали балки, перетянутые стальными хомутами. Борта его и передний торец были из грубых досок.

Все выжидали: воины с саблями наизготовку, лучники, прицелившись в голову деревянной гусеницы, ан-Надм и прочие вазиры на надвратной башне, с замиранием сердца гадая, что же будет дальше.

По телу гусеницы пробежала волна, снова раздался хруст дерева и стон металла. Защитники стены встрепенулись, а мост затрясся и, сделав последний шаг, упал самым своим краем на стену, опершись на нее.

В этот самый миг боковые стенки гусеницы откинулись, превратившись в площадки и мгновенно расширив мост втрое, и по нему хлынул поток воинов Запада, таившихся внутри.

На этот раз враг был подготовлен и действовал по плану, по крайней мере со стороны казалось именно так. Очень быстро штурмовые отряды пробились к башням, вырезали лучников, и обстрел прекратился. А затем уже все силы были брошены на пехоту.

Ан-Надм вдруг осознал, что они в ловушке. Надвратная башня была неприступна, но и выйти из нее было невозможно: вокруг бесновалась битва, причем, похоже, враг одерживал верх. Все реже в толпе можно было заметить островерхий шлем воина Востока, схватка спустилась со стены и разлилась по прилегающим улицам.

Над восточным горизонтом небо уже светлело, а дождь утихал.

— Что делать нам, о великий вазир? — съехидничал Абу-Вафик.

Ан-Надм не знал, а думать не хотел. Это был конец. Город захвачен. Запад не остановить, только если не разрушится мост — а он едва ли разрушится. Шамаль наверняка пал вместе со своим войском в порту, и южане сейчас подходят ко дворцу. Выйти на стену самостоятельно было ошибкой, и эта ошибка теперь будет стоить ему жизни.

— Так что же? — не унимался Абу-Вафик. — Неужели вы собираетесь простоять все время здесь, глядя на смерть наших солдат? Неужели вы не найдете более полезного занятия?..

— Полезного? — ан-Надм вышел из себя. — Вы хотите чего-то полезного? Так прыгните вниз, почтеннейший Абу-Вафик. Может быть, задавите врага-другого. Ничего более полезного я не вижу.

— Сын шакала! — зашипел вазир войск, выхватывая кинжал. — Это неслыханно! Я убью тебя, проклятый язычник!

— Язычник? Да я меньше язычник, чем вы! Вы хоть знаете, что ваш пророк скопировал свое Послание с книги «О вознесении к свету»из старой Урукашты?

Старикашка завыл и бросился на него, но ан-Надм был проворнее. Он отвел руку с кинжалом, толкнул шейха ладонью в бок и подставил подножку. Тот как бежал, так и упал, да прямо между зубцов башни. Ан-Надм поддернул его за пояс, и старик полетел вниз, не переставая вопить и изрыгать брань. Ан-Надм проводил его взглядом.

— Ну вот, даже здесь он оказался никчемен, не смог убить ни одного врага,— он повернулся к вазирам. — Досточтимые шейхи. Признаем, война проиграна.

Шум битвы между тем изменился. Все кинулись смотреть, что произошло, и у ан-Надма вырвался вопль изумления, смешанного с радостью.

Шамаль не пал. Очевидно, победа в порту осталась за ним, и теперь он пришел на помощь, приведя с собой остатки ханской армии.

Всадники быстро оттеснили вражескую пехоту к стене и прикончили. Затем, спешившись, вместе с солдатами отвоевали стену, почувствовав прилив боевого духа, а потом и вовсе принялись теснить врагов по мосту обратно к западному берегу.

Все ликовали. Казалось, само восходящее солнце — символ Востока — придает им уверенность, хотя и скрывается за плотными облаками.

— Все не так плохо, — заявил Решем-Цедер. — Пророчества не лгут!

С запада прилетело бревно, вонзилось в ряды воинов и прорубило в них длинную просеку: враг использовал баллисты. Еще несколько таких снарядов

упало, и напор войска Востока ослабел. Линия схватки опять начала приближаться.

У ан-Надма тоже были баллисты, но они стояли вдоль восточных стен на случай сухопутной осады; перевезти их на запад никто не додумался. Сейчас был самый подходящий случай. Он послал писца обеспечить это.

Вражеские баллисты перестали стрелять: линия схватки вплотную подошла к стенам Шемкента. Как раз в это время заработали баллисты Востока. Горящие бревна внесли сумятицу в ряды врагов, к сожалению, оставив мост невредимым. Однако пехота налегла с новыми силами, и бой опять стал удаляться.

Какой-то болезненный азарт обуял ан-Надма. Он уже не боялся, не переживал о стране. Он думал лишь об одном — кто победит сегодня? Сколько воинов у Запада? И сколько осталось у нас?

Снаряды баллист летели с обеих сторон, иногда сталкиваясь в воздухе и разлетаясь в щепки. Кровь лилась с моста, как дождь, и воды Шема ниже по течению стали красными. Это было безумие, все понимали — и продолжали сражаться, будто боги отняли у них разум. Силы были равны, никто не мог победить, а когда никто не побеждает — все проигрывают. И все поняли это, и ожесточились, и поклялись себе убить столько врагов, сколько смогут, и пасть героями — ибо пути назад не было. И только чудо могло спасти их от полного взаимоуничтожения. И все ждали лишь этого чуда. И оно случилось.

Воскресение

— Смотрите! Смотрите!..

В прореху облаков неожиданно прыснуло солнце, тронув косым лучом реку выше по течению, и в этом

пятне света все увидели небольшую ладью с парусом белым, как снег, и на носу ладьи все увидели *ее*.

Дева Алов, Умершая и Воскресшая.

Одетая в белое платье, развевающееся на ветру, она сияла на солнце, и казалось, она сама и была солнцем.

Все тут же забыли о войне, о врагах, стоявших вокруг. Оружие выпало из рук воинов Запада. Они пали на колени и заплакали от удивления, радости и благоговения перед чудом — ведь многие из них видели ее мертвой всего несколько дней назад! И воины Востока тоже плакали — кто-то, будучи не в силах сдержать чувств от созерцания чуда, а кто-то пораженный величественной красотой ее и неземным сиянием, что ее окружало.

Безмолвие воцарилось над рекой, где только что звенела сталь и кричали умирающие.

А маленький корабль плыл дальше, и солнце следовало за ним. Он проплыл под мостом, и капли крови, падающие оттуда, расцвели алыми цветами на белоснежных парусах его и на одеянии Бессмертной Девы.

— Идите за мной!

Она указала на запад, в Симиус.

Корабль спустился к морю и ушел направо в гавань.

Долго еще воины стояли на мосту на коленях, не в силах двигаться. Наконец, первое очарование сошло, и они, с трудом поднимаясь, помогая друг другу, обнявшись все вместе — степной наездник и ромелийский гоплит, неджд ский ассасин или бородач из Леса — потянулись в столицу Запада.

Война закончилась, это было очевидно. Ан-Надм стряхнул с себя остатки наваждения.

— Что...Что это было?

— Принцесса Алов, — сказал Решем-Цедер. — Воскресла из мертвых.

— Разве это возможно?

— Но ты же видел ее. Она жива. А была мертвой.

— Значит, это не она! — ан-Надм пытался дать чуду разумное объяснение. — Они опять начинают свои шуточки с подставными правителями. Как двести лет назад.

— Но это она, — сказал Файдуддин-паша. — Я знаю принцессу, и говорю вам: сейчас на корабле была именно она.

— Но что... как это может быть?

— Может быть, она не умирала? — предположил Файдуддин.

— Умирала. Я видел ее тело на мосту — еще на том, старом, — ан-Надм покачал головой. — Она была абсолютно мертва.

— Пойди и проверь, — сказал Решем-Цедер. — Она звала всех к себе. Значит и тебя тоже. Так вот иди и сам поговори с ней. Если, конечно, она захочет говорить с тобой.

Внизу уже дожидался Шамаль, как всегда верхом.

— А, Малик! — он был слегка встревожен. — Что случилось?

— Чудо, — ответил Решем-Цедер. — Или не чудо. В общем, непонятно.

— Принцесса Алов снова жива, — сказал ан-Надм. — Воскресла из мертвых.

Шамаль еще сильней встревожился.

— То-то я смотрю, никто больше не воюет, — сказал он. — А вот оно что, оказывается. А куда все отправились?

— На запад, в Симиус. Она пригласила всех туда.

— Зачем?

— Не знаю. Наверное, хочет что-то объявить.

— Я бы сходил, послушал, — сказал Шамаль. — Не каждый день люди воскресают.

— А я не пойду, — заявил Файдуддин. — Вдруг это ловушка. Хватит опасностей. Я удаляюсь!

Его никто не остановил.

Они поднялись на стену, взошли на мост и двинулись к воротам столицы Запада — точнее, к тому месту, где те были раньше. Теперь там зияла огромная брешь в стене — несколько башен, включая Мостовую, были разрушены взрывом и покоились теперь на дне речном. Элита Востока, вазиры и брат самого хана, с содроганием смотрели на опустошение, постигшее западный город — дома, разрушенные до основания, вырубленные сады, разобранные мостовые. Эти люди сделали такое со своим городом — что было бы, займи они Шемкент? Впрочем, хан сотворил что-то подобное с районом Лотосов, успокаивал себя ан-Надм. Они такие же, как мы. А может, и лучше: они не убивали мирных жителей.

Отовсюду, насколько хватало глаз, шли люди. Они шли неспешно, ибо торопиться было уже некуда. Людские ручейки сливались, превращаясь в реки, и впадали в море, заполнившее дворцовую площадь.

Ан-Надм двинулся вперед сквозь толпу, спутники его еле поспевали за ним. Они пересекли площадь и очутились у самых ворот императорского дворца. Отсюда не было видно его шпилей, а каменная резьба и многочисленные горгульи делали его похожим на замок с привидениями, мрачный и безмолвный.

— И что? — нетерпеливо спросил Шамаль.

— Будем ждать, — ответил ан-Надм.

Ждать пришлось недолго. Из толпы вынырнули воины в форме императорской гвардии Запада. Ан-Надм почувствовал, как его хватают под обе руки и тащат прочь с площади.

— Что такое? — возмутился Шамаль и тут же получил тычок кулаком в бок.

— Иди!

Посев

Эдвард Ротберг собирался обедать. Он уже сидел за столом, а слуги выносили еду, когда дверь распахнулась и в зал вошел Белобород, а за ним — мертвая принцесса.

Ротберг чуть не поперхнулся.

— П... принцесса? — он с трудом проглотил недожеванную капусту и встал. — Вы? Белобород? Что это?

— Я здесь, чтобы взять то, что мое по праву крови Вреддвогль, крови Ашет-Ацир-Шамеш, — голос Алов был тих, но силен. Слуги поспешили покинуть зал.

— Что? — у Ротберга полезли глаза на лоб. — Откуда?.. Вайсбарт! — он вышел из-за стола. — Ах, ты, старый мерзавец! Ты рассказал ей все!

Тот не ответил.

— Ну, конечно, рассказал. Так вот в чем был твой замысел! Там на мосту — это все было представление, да? Тебе удалось одурачить всех, поздравляю. Даже я поверил, что принцесса мертва.

— Она была мертва и воскресла.

Ротберг ненадолго замер в удивлении.

— Что? Была? Ой, Вайсбарт, не пытайся запутать меня своей религиозной болтовней. Что ты дал ей? Белый гриб?

Алов вспомнила грибной аромат чая.

— Она вернулась, — повторил Белобород. — Вернулась, чтобы взять в свои руки весь мир. А тебе придется уйти.

Ротберг хмыкнул и отошел к окну.

— Я ведь собирался же тебя казнить, — произнес он чуть погодя. — Как знал, что ты что-то подобное выкинешь. Не успел немного.

— Уберите его отсюда, — сказала Алов. — Я решу, что с ним делать, но не сейчас.

Ротберга вывели двое северян, вошедших вместе с принцессой.

— Люди собрались, — Белобород выглянул в окно. — Вы поговорите с ними?

Алов кивнула и подошла к балконной двери. Сквозь щель в тяжелых шторах в глаза больно ударил дневной свет, и она увидела многотысячную толпу, наводнившую площадь. Воины стояли вперемешку с жителями обоих городов, и все взгляды были устремлены к ней. Она отпрянула, представив, что они видят ее сквозь плотную ткань, камень и стекло. Боль в животе стала нестерпимой, и она осела на пол.

— Ярила! — крикнул Белобород. — Быстро!

Подскочил Ярелл, вытащил откуда-то бутылочку с лекарством. Противная жидкость уже не так обжигала, как в первый раз, просто скатилась в желудок и исчезла.

— Сейчас, — Белобород погладил принцессу по голове как будто даже с любовью, — сейчас все пройдет.

Она растянулась на полу у окна, закрыв глаза. Косая полоска света, пробивающегося через шторы, легла поперек лица, и она ощутила солнечное тепло на своей щеке. И такое же тепло начало разливаться по телу — это лекарство поступило в кровь. Боль выросла до небес, будто сопротивляясь, но не смогла пересилить, задрожала и постепенно утихла. Мир вокруг снова стал прекрасен, Алов чувствовала, что любит его. Мучение сменилось блаженством. Ей хотелось пребывать в этом состоянии вечность.

Солнце переместилось и засияло прямо в глаза, напоминая о делах.

— Я готова.

Дверь распахнулась, и Бессмертная Дева явилась на балконе дворца — все в том же белоснежном облачении с яркими каплями крови на нем, которые теперь потемнели и приобрели благородный пурпурный оттенок.

Толпа встретила ее изумленным гулом. Люди смотрели на ту, что посрамила смерть, и сердца их снова наполнялись благоговением, они любили ее и боготворили, они были готовы на все ради нее.

— Жители Запада и Востока! — Алов подняла руки, и толпа мигом утихла. — Вы знаете, кто я?

— Алов! — загудела толпа.

— Я Дева, Поправшая Смерть! Я Алов крови Ашет-Ацир-Шамеш, законная наследница престолов по обе стороны Реки! Я ваша власть!

Она перевела дух, опершись на ограду балкона.

— Я родилась заново, чтобы доказать вам: несть конца жития по смерти, но сон и ожидание воскресения и новаго мира. Воскресение свершилось. Грядет новый мир!

Люди внизу жадно ловили каждое ее слово.

— Этот новый мир будет лучше, чем прежний! Великий мост простоял тысячу лет, а наш мир простоит десять тысяч! И в нем не будет войны, разрушений и мук. В нем не будет зла.

Она снова вскинула руки и напрягла голос, насколько смогла:

— Уверуйте! Я посрамила смерть, и вам говорю: грядет мир жизни и света! Грядет час Пробуждения!

Толпа зашумела, выкрикивая ее имя. Люди уверовали.

А когда восторженные крики утихли, кто-то спросил:

— Дева! Что нам делать теперь?

— Теперь идите, — ответила она. — Живите дальше. Несите мой свет людям. Стройте мой мир. И помните: несть конца жития по смерти. Все пробудятся.

Повернувшись, она скрылась в темноте дверного проема.

Суд

Обессиленная, она упала в кресло. В висках стучало, и боль в животе снова зашевелилась.

— Мне хочется спать, — произсла Алов, закрывая глаза. — Боги, как хочется спать.

— Увы, — Белобород тихо подкрался сзади, — спать еще нельзя. Еще нужен суд.

— Суд? Какой суд?

— Суд над убийцами и предателями. Ротберг, Демиркол. Все, кто виновны в той крови, которая пролилась здесь. Все должны быть наказаны.

— Может быть, завтра? — Алов с мольбой посмотрела на него.

— Завтра? Можно и завтра, но это будет неправильно. Сегодня последний день старого мира, и те, кто разрушил его, должны остаться в нем же. Так будет лучше.

— Ну... хорошо, — Алов с трудом поднялась. — Я буду судить их. Не здесь, в большом зале.

Трон Запада, который теперь стал троном всего мира, украсили белыми лилиями — такими же, как были на ее похоронном кресле. Алов переоделась в чистую тогу и вышла в зал, уже заполненный народом. При ее появлении все склонили головы, а кто-то даже упал на колени; воцарилось благоговейное молчание.

— Да свершится суд, — сказала она, садясь.

Первым привели Эдварда Ротберга. Он был закован в цепи и прихрамывал.

— Принцесса, — улыбнулся он. — Или как вас правильно называть теперь?

— Владычица Алов, — подсказал Белобород.

— О, и этот здесь, — Ротберг притворился, что не удивлен. — В общем, все в сборе.

— Ты, маркграф Эдвард Ротберг, обвиняешься в убийстве моего отца. В мятеже против власти импера-

тора. В узурпации власти. Это тяжкие преступления, они караются смертью.

— Так-так, — Ротберг занервничал. — Во-первых, я не убивал твоего... вашего отца. Он был казнен как убийца. Тому есть свидетели... Да вот Стенн, например.

Стенн, стоявший неподалеку, кивнул.

— Затем, мятеж. Это был не мятеж! — Ротберг повысил голос. — Ваш отец сам направил мне письмо с просьбой прислать войска. И я откликнулся на призыв! Что же касается узурпации — то у меня было право на это! Грамота императора Клавдия Вреддвогля, данная моему предку, которая гласит, что род наш до скончания времен обладает привилегией вступления в право регентства империи, если император не может сам управлять ею, несовершеннолетен, слаб, болен или умер.

— Но отец управлял империей! Он был здоров и жив!

— Он ставил себя выше интересов страны! — Ротберг кашлянул. — Он не желал принять нашего войска. Он закрыл перед нами ворота города, оставив нас под стенами, будто мы были врагами.

— Вы и были ими. Вы пришли сбросить его с трона.

— Вовсе нет. Мы пришли по зову нашего императора. Пришли и обнаружили, что он потерял чувство здравого смысла. Поэтому я вынужден был воспользоваться...

— Ты все подстроил, — слабым голосом сказала Алов. Она уже почувствовала, что проигрывает спор. — Отец терял все в любом случае. Впусти он вас — ты бы взял власть силой.

— Я не буду отвечать на это, — усмехнулся маркграф. — Тем более, он нас и не впустил. Так или иначе, мои действия были оправданы и правомочны. Все до одного.

Алов закрыла глаза. Ротберг был прав, он не сделал ничего противоправного — с точки зрения закона, разумеется. Она с удивлением обнаружила, что желания расправиться с ним больше не испытывает. Ненависть угасла. Это пугало — ей казалось, что она предает отца. Маркграф формально был невиновен. Но не отпускать же его вот так просто!

— Уберите его, — она махнула рукой. — Мне нужно подумать, что делать с ним.

Ротберг удивился: видимо, надеялся, что его освободят. Однако перечить не стал.

Следующим перед владычицей Алов предстал хан Озмак II: его вытащили из темницы в Шемкенте и привели в приличный вид.

— Хан Востока, Озмак II из рода Демиркол. Ты обвиняешься в развязывании войны. Вся эта кровь на твоих руках.

Хан ответил не сразу, будто накопив побольше сил:

— Я начал военные действия, но войну разжег не я.

— А кто же?

— Тот, кто убил моего сына!

— А кто это сделал? Ты знаешь это? — Алов взволновало упоминание Озхана.

— Нет, увы, — хан понурился. — Иначе убийца был бы уже мертв.

— Но как война связана с... твоим сыном?

— Мы расследовали его смерть. Ниточки вели на Запад. Я думаю, ваш отец подстроил это убийство. Мы должны были отомстить.

— Мой отец?! — гнев вскипел внутри Алов. — Причем здесь мой отец? Ты лжешь, хан. Мой отец никогда бы не пошел на такое злодеяние. Ты говоришь так, чтобы оправдаться.

— Но расследование... — хан начал фразу на повышенном тоне, но вдруг осекся. — Ан-Надм! Он все подстроил. Он обманывал меня!

Привели ан-Надма. Он ссутулился, растеряв прежнее достоинство, и как будто постарел.

— Великий вазир Востока, Малик ан-Надм! Знаешь ли ты, кто убил Озхана, сына Озмака из рода Демиркол?

Она знает! Она все знает! Эта мысль пронзила его как молния, пригвоздив к полу. Все кончено, она не простит его. Он осмотрелся вокруг и увидел в толпе знакомый зеленый тюрбан. Ну конечно, мерзкий Вишванатан все рассказал. Надо было убить его! Оставить сгореть вместе с проклятыми южанами! Ненависть накрыла его с головой.

— Да, да! Да, это я! Этот проклятый цветоложник говорит правду! — закричал он сквозь слезы, указывая на Вишванатана.

— Что? Какой цветоложник?

Все повернулись к сыщику, и в наступившей тишине ан-Надм хрюкнул. Он понял, что только что выдал сам себя.

Вишванатан вышел в середину и преклонил колени.

— Он, наверное, говорит обо мне, Амара. Я Прабхавата Чакрамурти Вишванатан, я сыщик и врач.

— Что он имеет в виду?

— Я расследовал смерть Озхана, Амара, — отвечал Вишванатан. — Я выяснил все.

— Кто же убил его? — Алов приподнялась на троне. — Говори!

— Его убил он, — Вишванатан указал на ан-Надма. — У него были ключи от всех дверей. Он мог ходить по дворцу незаметно, как тень.

— Я спас тебя, — воскликнул ан-Надм, — вытащил из лап огненной погибели! И этим ты платишь мне.

— Ты — великий вазир, — возразил сыщик. — Ты мог не допустить этого ужаса.

— Какого ужаса? — спросила Алов.

— Тысячи моих соотечественников были сожжены, Амара, — сказал Вишванатан. — По приказу хана район Лотосов был запечатан и предан огню. Тех, кому удалось спастись, убили солдаты.

— Зачем такая жестокость, хан? — голос Бессмертной дрогнул. — Разве они были враги тебе?

— Так было нужно! — ответил Озмак резко. — Что ты понимаешь в войне... — он осекся, потому что стражник ударил его по спине, говоря:

— Не смей дерзить Бессмертной Деве!

А сама Дева тем временем повернулась и бросила длинный взгляд на ан-Надма.

— Ты убил Озхана? Но зачем? — Алов склонила голову.

— Потому что... так мне сказал мой учитель, — отвечал ан-Надм тихо.

— Я убью тебя! — хан бросился к вазиру, вцепился ему в горло, и они покатились по полу. Стражники насилу растащили их. Хан продолжал изрыгать проклятия. Ан-Надм с трудом поднялся на ноги.

— Учитель? — Алов будто не заметила этого происшествия.

— Старый Решем-Цедер. Он пророк, он никогда не ошибается, — прохрипел ан-Надм.

Привели Решем-Цедера, наоборот, приободрившегося и помолодевшего, как будто он отнял часть жизни у ан-Надма.

— Кто ты, старик?

Прорицатель поклонился и отвечал:

— Я не помню своего настоящего имени. Меня называют Решем-Цедер Мудрый, я прорицатель Нового Дня.

— Это ты велел ан-Надму убить Озхана Демиркола?

— Я? Велел? — Решем-Цедер посмотрел на вазира с подозрением. — Кто я такой, чтобы велеть ему что-то. Я лишь читаю Книгу и говорю с богом.

— Но ты же говорил, что сын хана должен умереть?! — вскинулся ан-Надм. — Таково пророчество, говорил ты!

— Таково пророчество, да. Но разве в нем был ты? Разве я говорил, что ты должен убить его?

— А война?! — ан-Надм почувствовал, что все поворачивается против него. — Ты сказал, что война неизбежна...

— И больше ничего, — отвечал Решем-Цедер. — Я не велел тебе начинать ее. Ты сам принял это решение.

Настал черед ан-Надма взъяриться и наброситься на собеседника с кулаками. Прорицатель пал, сраженный ударом в ухо. Стражники схватили вазира и помогли подняться старику.

— Этот старик манипулировал им, — сказал Белобород тихо. — Он — корень всех бед.

— Но ведь Озхана убил не он, а ан-Надм. Войну вел не он, а хан.

— Виновны все, без сомнения, — кивнул Белобород.

Алов подняла руку и в зале стало тихо.

— Суд мой будет быстрым, — сказала она устало. — Маркграф Эдвард Ротберг! Хан Озмак II из рода Демиркол! Великий вазир Малик ан-Надм! Лжепрорицатель без настоящего имени! Вы все виновны. Кровь тысяч павших на вас. Искупление вашему злу одно — смерть.

Казнь

— Вы будете казнены сегодня же.

В зале поднялся одобрительный шум.

— Алов, — сказал Белобород, — не слишком ли это жестоко? — конечно, ан-Надм убийца, но остальные... Ротберг...

— Все умрут, — ответила она холодно. — Таково мое слово.

— Но сегодня и так пролилось слишком много крови...

— Крови больше не будет, — Алов зло улыбнулась. — Не хочу начинать правление с нее.

— Хм. Хорошо, — Белобород поклонился. — Вам виднее.

Казнь состоялась тотчас же. Стражники выволокли приговоренных на мост, Алов и Белобород проследовали за ними. Каждому из пленных к шее привязали большой камень, а затем поставили их рядком на краю.

Как же жалок был вид еще недавно самых могущественных людей мира! Воистину, перед смертью все равны. В тишине был слышен лишь плеск волн внизу, да поскрипывание моста.

Первым стоял Ротберг.

— Что ж, принцесса, — он сделал ударение на слове «принцесса». — Я склоняю перед вами голову. Я попытался и проиграл.

— Я прощаю тебя, Эдвард Ротберг, — ответила она. — Прощаю за все, но не за отца. Ты убил его, и за это умрешь.

Она пнула его в живот, и он полетел в воду.

Следующим стоял ан-Надм. Он упал на колени, и камень придавил ему ноги. Сквозь слезы он сказал:

— Пощади!

— Ты убил мою любовь, Малик ан-Надм. Тебе нет прощения. Умирай.

Она пнула его в грудь, он заверещал и завалился на спину, но не упал вниз. Она пнула его в бок, еще и еще, вынуждая перекатываться, а потом столкнула с моста его камень. Шея вазира хрустнула и он умолк, а камень утянул его обмякшее тело в воды Шема.

Настал черед хана. Он тоже плакал, но держался.

— Аксакал! — обратился он почему-то к Белобороду. — Я делал все как надо. Не моя вина, что все так повернулось.

— О чем он? — удивилась Алов.

— Уже неважно, — Белобород покачал головой, — я потом расскажу вам.

— Нет, важно! Говори!

— Аксакал просил меня дать сыну какое-то снадобье... Он не говорил, что это и зачем. Сказал только, что мой сын станет властелином мира...

Алов посмотрела на Белоборода.

— Да, владычица, — отвечал тот. — Изначальный план был другим. Проклятый глупец ан-Надм убил Озхана и все испортил.

У Алов потемнело в глазах, сердце бешено заколотилось, и боль распорола живот.

— Ты планировал все заранее?

— Владычица...

— Ты планировал все? Ты хотел разрушить мир!

— Мир был бы разрушен и без меня! Я лишь хотел, чтобы это случилось тихо и бескровно...

— Стража! Взять его! — Белоборода схватили. — Камень сюда!

— Что ж, — старик понурился. — Я готов к этой жертве.

— Вайсбарт из Леса, смертепоклонник. Ты виновен в злоумышлении против мирового порядка. Ты умрешь.

Белобород шагнул с моста, не дожидаясь толчка, а Алов вернулась к хану. Тот трясся и рыдал бесшумно, лицо его было перекошено и залито слезами и соплями. Жалкий, ничтожный, ты недостоин жить.

— Озмак, сын Тургута из рода Демиркол. Ты виновен в нарушении мира, а также в убийствах тысяч жителей города. Ты — воплощенное зло, а злу не место в моем мире.

Толчок — и вот уже мутная вода сомкнулась над головой хана.

Решем-Цедер стоял прямо, будто гордясь своим камнем, ветер развевал его редкие седые волосы.

— Старик без имени! Ты стоял за ужасом, который обрушился на наши страны. Ты — еще большее зло, чем хан.

— Я победил, — сказал Решем-Цедер. — Новый День веками шел к этому: мы разрушили старый мир. Мое дело завершено. Я умру с радостью.

Он повернулся и шагнул к краю, но остановился и сказал через плечо:

— Да пребудет с тобой благословение Апеш-Мааца, владычица Алов. Теперь ты одна против всех.

Прорицатель прыгнул в воду сам.

Угасшее Солнце

С трудом переставляя ноги, Алов вернулась в тронный зал. Боль лишала ее сил, мир вокруг покрылся пеленой из стеклянных игл.

— Вот, матушка, — Ярелл дал ей своего лекарства. — Выпей скорее.

Стеклянные иглы скатились по пищеводу и разлетелись в желудке на тысячу осколков, а с ними раскололась и боль. Сейчас, еще немного — и она успокоится совсем, утихнет, уснет. Увы, ненадолго.

С каждым ударом сердца мир принимал знакомые очертания, звуки приобретали объем, а цвета — глубину.

— Суд окончен, — сказала она наконец, снова обретя способность говорить. — Теперь еще кое-что.

Она вышла на площадь, и те люди, которые еще стояли там, кланялись ей. Стражники наперебой предлагали понести ее, видя, с каким трудом ей дается ходьба, но она была непреклонна.

Солнце уже катилось с небес, окрашиваясь цветом пламени. В молчании Алов прошла по развалинам, пересекла мост и вступила на восточный берег, а люди, что встречали ее, шли за ней, и процессия становилась все больше. Они шли по узким улочкам старого Шемкента, и дошли до погребального холма. Стражники не пустили толпу внутрь ограды, и на кладбище остались лишь Алов и несколько ее спутников.

Могила Озхана была уже не свежей. Дожди разровняли глину, цветы увяли. Однако повсюду уже проклюнулись весенние ростки, придавая кладбищу немного радостный вид.

Алов провела рукой по перекладине надгробного камня. Слезы невыносимой грусти так и хлынули из ее глаз. Будто вся тяжесть мира разом навалилась на нее. Озхан, Озхан, я теперь совсем одна.

Она подняла голову и посмотрела вокруг. Вид с погребального холма открывался чудесный. В закатных цветах город внизу казался горящим, крыши его пламенели, а чуть дальше на запад высился частокол шпилей Симиуса. Дым, что вечно укутывал их, развеялся, открыв взорам западный горизонт и солнце, садящееся в море, и дорожку из бликов, протянувшуюся к самому берегу. Пройти по ней и раствориться в сиянии Солнца. Может быть, правы жрецы Урукашты, считающие его единственным настоящим богом?

Она тяжело опустилась на колени, зарылась лицом в теплую землю. Озхан, прости меня. Ты ушел, а я осталась, и мне нужно жить дальше.

— Хорошо, матушка, что мы сюда пришли, — Ярелл ворвался в ее одиночество бесцеремонно, как всегда.

— Что? — Алов подняла глаза, не отрываясь от земли.

— Тут такое дело... Надобно... Я, право, не знаю...

— Да говори уже!

— Ох... Белобород-покойник был на слова горазд, а я-то больше все делом привык... В общем, матушка, свадьбу нужно сыграть.

Алов села. В голове зашумело.

— Какую свадьбу, ты о чем вообще?

— Свадьбу, с женихом твоим, Озханом.

— Но он же мертв, — проговорила она еле слышно, уже поняв, к чему клонит старик.

Посмертные свадьбы часто практикуют на севере, откуда происходит Сементериум. Если жених или невеста умирает накануне свадьбы, то церемония все равно состоится.

— Зачем?

— Как же, матушка. Как-то Белобород говаривал, законное соединение двух домов даст начало новой единой династии, которая унаследует весь мир. Так вот это так только и выходит...

Алов, шатаясь, встала.

— И что ты собираешься... о нет! — к могиле уже подскочили жрецы с лопатами и быстро разрыли ее. Сердце Алов бешено стучало от страха. Не делайте этого, пожалуйста, думала она, но не произносила ни звука.

Тело, завернутое в уже желтоватое полотнище, показалось на поверхность. В глазах у Алов потемнело, слезы текли беспрестанно, ноздри резал запах тлена, руки тряслись; она боялась пошевелиться. А жрецы тем временем установили тело вертикально на специально принесенную подставку, а Ярелл начал церемонию бракосочетания.

Он что-то говорил, но Алов не слышала. Она не слышала и не видела вообще ничего, кроме тела своего любимого, которое стояло рядом, тесно спеленутое, как тряпичная кукла — сжавшееся, скособоченное и недвижное. Озхан, Озхан, отчего ты не двигаешься? Очнись, любимый!.. Озхан, я хочу умереть, как ты.

Жрец подошел к ней и взял ее за руку, и надел на нее кольцо. «Теперь ты» — она прочитала по губам. Рука Озхана, которую уже развернули для нее, была сморщенной и потемневшей. Кольцо легко наделось на ссохшийся палец. Мой муж по смерти, я твоя навек.

Жрецы осыпали их лепестками и церемония завершилась. Алов упала на колени, почти теряя рассудок. Тело Озхана уложили обратно в яму и стали зарывать.

— Нет!

Все замерли, уставившись на Алов.

— Нет! — повторила она, глядя в землю. — Сожгите тело. Он так хотел... и я так хочу. Я так велю вам.

— Как пожелаете, — Ярелл был недоволен, но не посмел перечить.

Дрова, политые нефтью, заполыхали жарко, и янтарное пламя обняло Озхана, покрыло его призрачным саваном, а потом вдруг взметнулось к небесам, будто это он сам устремился ввысь, радуясь освобождению от бренности и тлена. В молчании люди смотрели в ревущий костер, а солнце спускалось все ниже, и когда оно коснулось моря, огонь догорел и погас.

Пепел ссыпали в яму и накрыли землей, а сверху украсили свежими цветами.

Алов снова легла, обняв свежий холмик. Озхан, муж мой, прости меня за все. Я остаюсь здесь — ждать, когда смерть соединит нас вновь. Я люблю тебя.

И тотчас она расслышала слова. Неразборчивые, тихие, но сомнений не было: это он отвечал ей, она узнала его голос. И сердцем она поняла, что он любит ее и будет ждать — столько, сколько потребуется. И боль тут же отступила, исчезла, а тело вновь ощутило прежнюю легкость.

Алов поднялась на ноги, вытерла слезы и грязь с лица и поймала взглядом последние лучи уходящего солнца.

Свет

Ночью боль вернулась сильной, как никогда. Болело все тело. Живот распух, как у утопленника, а кожа приобрела ненормально желтый цвет.

Алов лежала на мокрых от пота простынях, и не видела ничего, хотя глаза ее были открыты. Обрывки мыслей проносились в голове, постепенно собираясь в одну: «Я умираю».

Ярелл сидел рядом и вытирал пот со лба владычицы.

После полуночи вошел Вишванатан.

— Что случилось?

— Она умирает, — грустно сказал Ярелл. — Она не выдержала.

— Не выдержала чего? Но она же Амара! Бессмертная!

Ярелл посмотрел на него с подозрением.

— Ты же лекарь? Врач?

— Да, я ученик самого Чхуттабандхи.

— Она отравлена, лекарь. Доза слишком большая.

— Отравлена? Чем?

— Белый гриб.

Вишванатан был поражен.

— Белый гриб! Аптекарь был прав! Скажи мне, старый человек, — он не знал имени Ярелла, — а как действует этот гриб?

— Он парализует тело и погружает разум в мир видений, — отвечал Ярелл. — Если правильно рассчитать дозировку, то будет казаться, что человек мертв. А если неправильно...

— То его печень превратится в губку, — закончил Вишванатан.

— Да, — сказал Ярелл. — Владычица Алов умирает, теперь это неизбежно. Бессмертие, воскресение — это все было представление для публики, понимаешь? Мы должны были остановить войну...

— Показать людям чудо. Живого бога.

— Да. Ох, батюшки!

Алов уже не дышала. Ее тело обмякло, глаза закатились.

— Что ж делать-то, делать-то что? — запричитал Ярелл. — Был бы Белобород жив, он бы придумал, а мне-то куда, с моим умишком-то.

— Еще одно представление, — сказал Вишванатан, подумав. — Последнее.

Ночь взорвал хор сотен рогов. Они снова сзывали людей на площадь. Сонные, полуодетые, люди выходили из домов в тревоге. Что-то случилось; нужно немедленно выяснить, что.

Площадь заполнилась народом и затихла в ожидании; рога умолкли. Темноту еле разгоняли несколько факелов, которые кто-то догадался принести.

Вдруг на балконе зажегся свет и показалась фигура Бессмертной.

Люди зашумели от радости и удивления, и вдруг вокруг нее вспыхнули ярчайшие огни, и клубы дыма вознеслись к небесам, и Белая Дева заговорила с народом из облака света, и голос ее был подобен грому, заглушающему рев толпы.

— Люди Запада и Востока! — говорила она. — Я сделала все, что должна была сделать! Я вижу вас, я вижу ваши сердца и мысли, и они чисты и прекрасны! Значит, я не зря вернулась в этот мир. Значит, я показала вам верный путь добра и света! Теперь вы сами идете им, и вас не нужно вести! Мои дела в этом мире завершены. Я могу быть свободной. Узрите же акт истинного бессмертия! Я вся обращаюсь в свет, и так дарю вам себя целиком.

Люди ошарашенно молчали, и лишь кто-то крикнул:

— Не уходи!

— Я не покидаю вас! — ответила Бессмертная. — Я остаюсь с вами, с каждым из вас. В каждом сердце бу-

дет луч моего света! Идите, и несите его во все края мира. Пусть все люди примут его. Только тогда я вернусь во плоти.

Яркие огни на балконе вспыхнули еще ярче, ненадолго ослепив всех, а когда цветные пятна в глазах рассеялись, вокруг была лишь темнота.

Новый день

Утро наступило, и солнце взошло на востоке, как всходило все дни до этого, но день был другим. Это был новый день, каждый человек чувствовал это. Ведь внутри его сердца теперь теплился лучик бессмертного света.

Ярелл вошел в пустой зал. Несколько человек шептались в дальнем конце. Он рассеянно миновал трон. Столько дел сразу навалилось после смерти Белоборода, а ведь основная работа только начинается.

— Уважаемый! — раздался дряблый голосок. — Уважаемый!

— Да?

От входной двери семенил пухлый лысый старичок, за ним поспевал мальчик лет десяти, увешанный тубусами для свитков.

— Уважаемый, простите, не знаю вашего имени и чина... — начал старичок. — Я Патрокл из Тарсиса, я философ.

— Ярила зовут меня, — отвечал Ярелл. — Чего тебе надобно?

— Уж сколько я пытаюсь рассказать всем, — задребезжал Патрокл, — да никому дела нет. Удели мне минуту, прошу.

— Говори уж, раз начал.

Патрокл откашлялся и сделал знак своему мальчику. Тот вытянул из тубуса большой папирус и развернул.

— Семь лет я странствовал, — сказал Патрокл, — в надежде понять природу земли. Ибо вопрос волновал меня: отчего, когда едешь кораблем, берег, что покинул ты, опускается за горизонт, будто вода не плоская, но выпуклая. Я наблюдал воду в озерах и реках, я наблюдал небесные тела и движение солнца, и понял, что земля наша — не плоскость, но шар, подобный луне и солнцу, ибо шар есть тело идеальное.

— Земля — шар? — Ярелл удивился. — Отчего же тогда мы не скатываемся с него?

— Я думал и об этом, — сказал Патрокл. — Единственное объяснение тому — что земля — это центр всего. Мы ходим по ее поверхности, и упасть стремимся в нее же, то есть внутрь ее. Оттого где бы мы на ней ни находились, мы всегда будем падать к центру ее, а не куда-то еще.

— А луна? Почему она не падает с небес?

— Этого я не знаю, — признался Патрокл. — Луна не падает, и солнце тоже. И твердь небесная, где покоятся звезды.

— Твердь?

— А как иначе объяснишь, почему звезды движутся все вместе, а не каждая в отдельности?

Мальчик развернул еще один папирус, на котором в середине была нарисована и подписана круглая земля, а вокруг нее по окружностям двигались луна и солнце. Все это снаружи охватывала сфера, расписанная звездами.

— Это удивительно, — сказал Ярелл, — но что с того? Кому какое дело, плоская земля или круглая? Разве для человека что-то изменится?

— О да, — отвечал Патрокл. Мальчик вытащил еще один папирус, на нем земной круг был изображен крупно, и по его поверхности плыли корабли. — Коль скоро земля кругла, мы можем обогнуть ее и вернуться к началу нашего путешествия!

Чертеж явно показывал, как корабль возвращается в начало пути. Ярелл постоял молча.

— Ну... так и что нам с того? Зачем нам такие круги наворачивать, ежели мы и так в начале пути стоим?

Патрокл не нашел, что ответить, только сделал знак своему мальчику. Тот свернул чертежи и спрятал в тубус.

— Поезжай в Портовьехо, старый человек, — сказал Ярелл, уже забывший имя философа. — Там много моряков, которые плавали в Западном Океане. Они скажут тебе, что этот океан бесконечен.

— Очень хорошо! — вспылил ученый, напяливая свой колпак. — Очень! И знаете что? Я поеду! Да! Семь лет работы, и никто не хочет даже слушать об этом! Ну, ничего. Патрокл еще всем покажет! Пойдем, Ксанф. Нам тут не рады.

Ярелл постоял еще немного, собираясь с мыслями. Философ сбил его с настроя своей болтовней, и еще больше своим ворчанием. А ведь он куда-то шел... Ах, да.

К стене была прислонена хоругвь из шелка. Ярелл взял ее, вышел на балкон и оглядел толпу, которая не расходилась с ночи. Черное полотнище развернулось над ним и затрепетало на ветру, и люди увидели вышитую серебром огромную букву «А» в круге.

— Жители Симиуса! — прокричал он. — Люди Востока и Юга! Ромелийцы, северяне! Все, кто слышит меня!

Люди вставали, бросали свои дела и разговоры, поворачивали головы к нему.

— Наша владычица, Бессмертная Белая Дева, восстала в свете, сбросив оковы плоти! Она дала нам путь и цель, она показала нам, что смерть — лишь сон, а всякий сон ведет к пробуждению. Восславим же ее, разнесем весть о ней по всему миру!

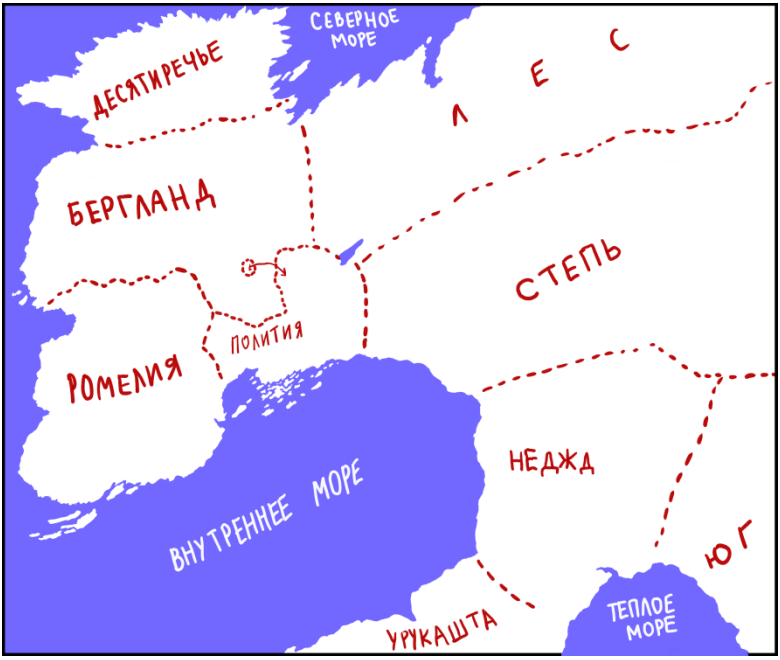
Люди закивали одобрительно.

— Мы выстроим храм в честь Бессмертной, здесь, в ее городе, где она жила, умерла и воскресла! На этом самом месте, где она воссияла! Мы снесем этот дворец, который нынче пуст, и чудесная башня вознесет к небесам славу Девы Алов, Поправшей Смерть!

Люди радостно зашумели. Они были готовы начать ломать и строить прямо сейчас. А Ярелл сжал дрожащей рукой тяжелое древко и ужаснулся, понимая, какое чудовище родилось только что.[1]

[1] Опубликовано на сайте http://maxy.ru/?show=sunspots

Приложения


СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ДЕСЯТИРЕЧЬЕ
ЛЕС
БЕРГЛАНД
СТЕПЬ
ПОЛИТИЯ
РОМЕЛИЯ
НЕДЖД
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ЮГ
ТЕПЛОЕ МОРЕ
УРУКАШТА

Династия Вреддвогль

Хайнрик (род. 1945), император Запада

Нéа Йоенсуу (1951-1988), жена Хайнрика, умерла при родах второго ребенка, который тоже не выжил
Дочь:
Алов (род. 1982), наследница престола Запада

Предыдущие императоры:
Эрхард (1909-1988)
Рупрехт (1909-1950), старший брат-близнец Эрхарда, умер бездетным
Иина Суохенки (1883-1932), жена Эрика
Эрик (1880-1912)
Эйв (1876-1910), брат Эрика, убит вместе с отцом
Эймунд (1841-1910), убит
Ульв (1824-1860)
Клавдий (1788-1826)
Рикард II (1740-1797), убит во время Раскола
Рикард I (1722-1782)
Берн (1703-1750)
Хальдр (1667-1721)
Лейв (1642-1687)
Исабелла (1627-1660), первая императрица из семьи Вреддвогль, жена последнего императора старой династии (Альмадена)

Династия Демиркол

Озмáк II (род. 1932), великий хан Востока

Гюзель Караманлы (1932-1970), первая жена хана, отравлена вазирами, так как не могла родить наследника мужского пола.
Дочери:

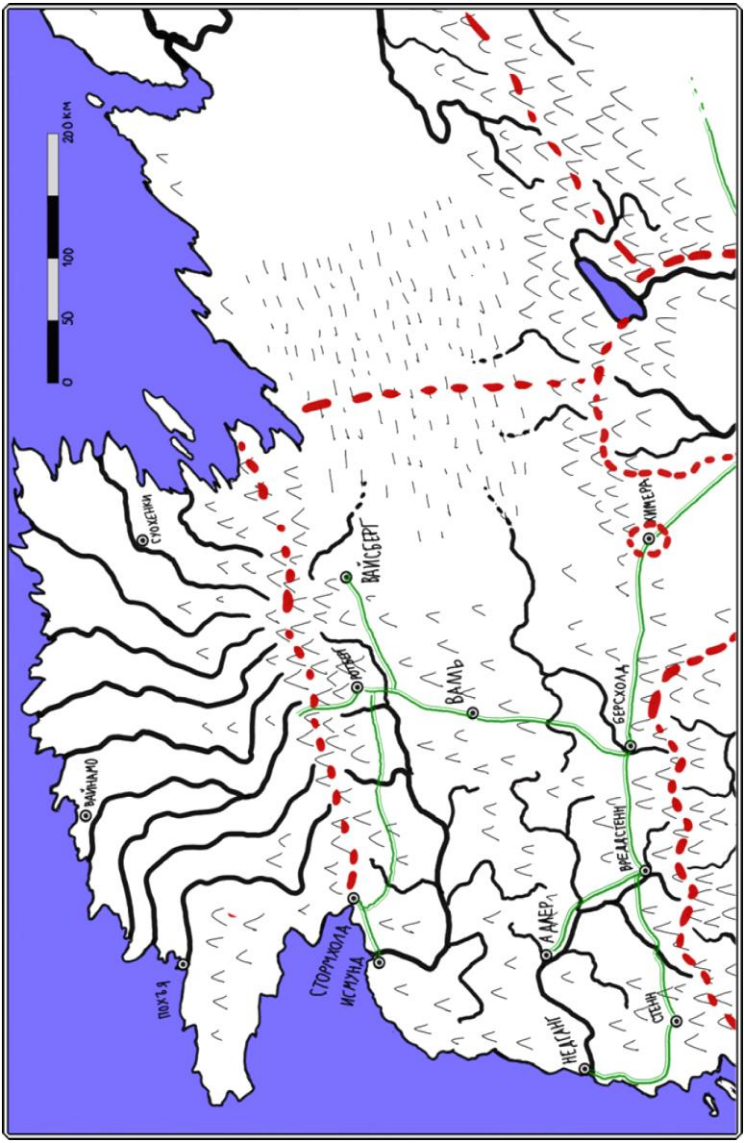
Севинч (род. 1967)
Эмине́ (род. 1957)
Фируза (1952-1965)
Айгюль (1948-1975)

Шамсия бинт Мукаддим ан-Надм (1959-1984), вторая жена хана и сестра великого вазира, умерла при родах Бугдая
Дети:
Бугда́й (род. 1984), слабоумен
Озха́н (род. 1980), наследник престола
Эсме (род. 1974), младшая дочь хана

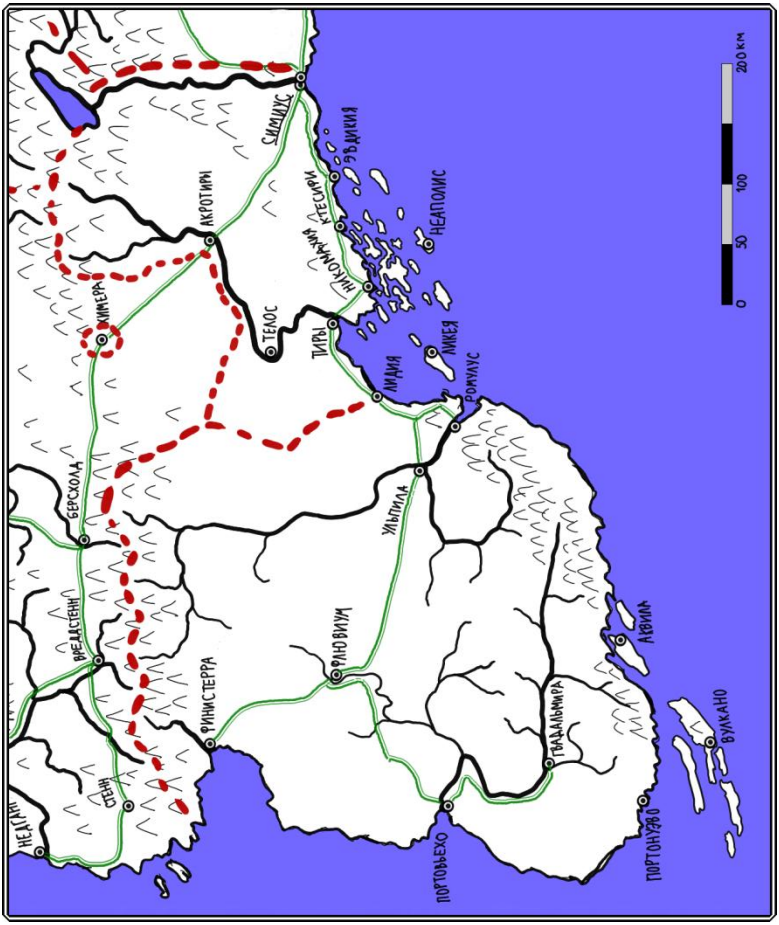
Братья хана:
Шама́ль (род. 1944)
Самир (род. 1942)
Гази (1936-1998), предположительно отравлен

Предыдущие ханы:
Тургу́т (1911-1975)
Эрке́н II (1890-1948), первый хан из семьи Демиркол

Север

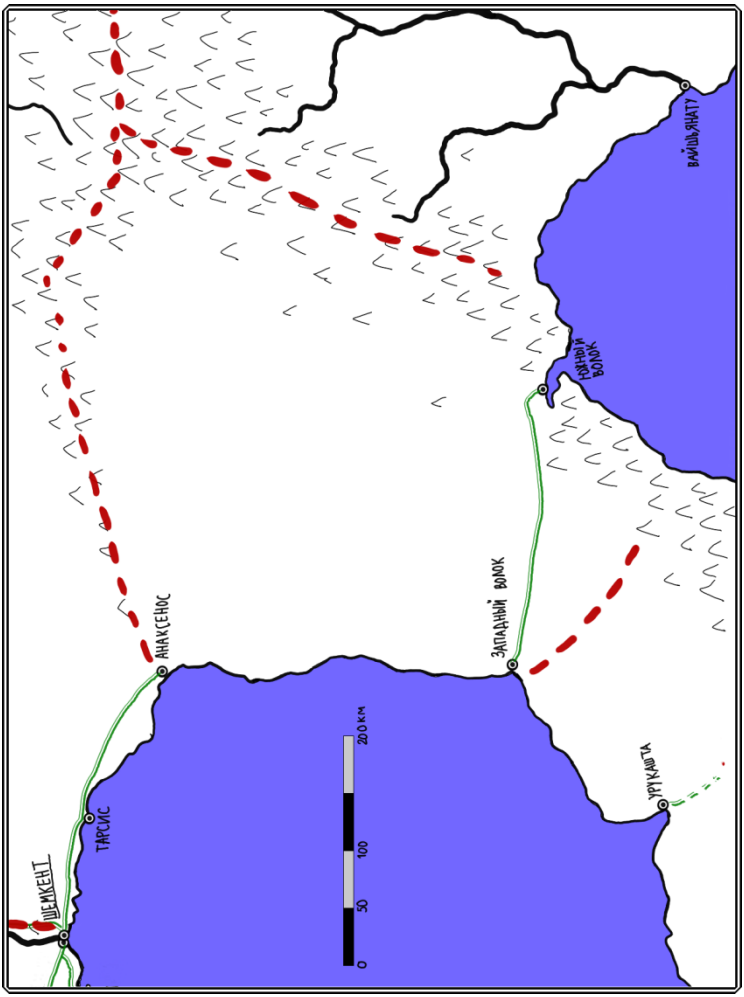

0
50
100
200 км
СУОХЕНКИ
ВАЙСБЕРГ
ВАЛЬ
БЕРСХОЛД
ВРЕДАСТЕНН
АДЛЕР
СТЕНН
НЕДГАНГ
СТОРМХОЛД
ИСМУНД
ПОХЪЯ
ВАЙНАМО

Запад



СИМЦУС
ЭВДИКИЯ
КТЕСИРИ
НИКОМАХИЯ
НЕАПОЛИС
АКРОТИРИ
КИМЕРА
ТЕЛОС
ТИРЫ
ЛИКЕЯ
ЛИДИЯ
РОМУЛУС
БЕРСХОЛД
УЛЬПИЛА
ВРЕДАСТЕНН
ФЛЮВИУМ
ФИНИСТЕРРА
АКВИЛА
ГВАДАЛЬМИРА
ВУЛКАНО
СТЕНН
НЕДГАНГ
ПОРТОВЬЕХО
ПОРТОНУЭВО
0
50
100
200 км

Восток


ДЕМКЕНТ
ТАРСИС
АНАКСЕНОС
0
50
100
200 км
ЗАПАДНЫЙ ВОЛОК
ВЕРХНИЙ ВОЛОК
УРУКАШТА
ВАЙЛЬЯНАТ